

Т.В. Попова, Л.В. Рацибурская, Д.В. Гугунава

**НЕОЛОГИЯ
И НЕОГРАФИЯ
СОВРЕМЕННОГО
РУССКОГО ЯЗЫКА**

Учебное пособие

Для студентов, аспирантов,
преподавателей-филологов

Т.В. Попова
Л.В. Рацибурская
Д.В. Гугунава

**НЕОЛОГИЯ И НЕОГРАФИЯ
СОВРЕМЕННОГО
РУССКОГО ЯЗЫКА**

Учебное пособие

2-е издание, стереотипное

Москва
Издательство «Флинта»
Издательство «Наука»
2011

УДК 811.161.1

ББК 81.2Рус

П58

Попова Т.В.

П58 Неология и неография современного русского языка : учеб. пособие / Т.В. Попова, Л.В. Рацибурская, Д.В. Гугунава. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 168 с.

ISBN 978-5-89349-762-5 (Флинта)

ISBN 978-5-02-033573-8 (Наука)

В учебном пособии предлагается краткий обзор и систематизация многочисленных работ, посвященных анализу состояния современного русского языка. Авторы в удобной и компактной форме знакомят читателя с основными проблемами неологии (науки о неологизмах) и неографии (науки о теории и практике описания неологизмов в словарях), достаточно молодых, но быстро развивающихся направлениях лингвистического знания.

Книга может быть полезна при изучении курса морфемики, словообразования и лексикологии современного русского языка.

Студентам филологических факультетов, преподавателям, журналистам.

УДК 811.161.1

ББК 81.2Рус

ISBN 978-5-89349-762-5 (Флинта)

ISBN 978-5-02-033573-8 (Наука)

© Издательство «Флинта», 2011

Содержание

Предисловие	5
1. Неологизмы как объект лингвистики	8
1.1. Современная лингвистика о сущности неологизма	8
1.1.1. Стилистическая теория	9
1.1.2. Психолингвистическая теория	14
1.1.3. Лексикографическая теория	14
1.1.4. Денотативная теория	15
1.1.5. Структурная теория	16
1.1.6. Конкретно-историческая теория Н.З. Котеловой	18
1.2. Основные направления изучения неологизмов в современной лингвистике	20
1.3. Окказионализмы и их соотношение с неологизмами	25
1.3.1. Современная лингвистика об окказиональных словах	25
1.3.2. Признаки окказионального слова	28
1.3.3. Широкое и узкое понимание окказионализмов	38
2. Типы неологизмов	43
2.1. Основные классификации неологизмов	43
2.1.1. Типы неологизмов по виду языковой единицы	43
2.1.2. Типы неологизмов по степени новизны языковой единицы	45
2.1.3. Типы неологизмов по виду обозначаемой реалии	49
2.1.4. Типы неологизмов по способу образования	49
2.2. Типы окказиональных новообразований	52
2.3. Типы окказиональных слов	62
3. Особенности словотворчества в современной публицистике	69
3.1. Особенности современных словообразовательных процессов	72
3.1.1. Повышение интенсивности и функционального динамизма современных словообразовательных процессов	72
3.1.2. Изменение круга производящих основ	75
3.2. Именная префиксация в современной публицистике	90
3.3. Новообразования, созданные с участием суффиксов	95
3.4. Сложные новообразования в современной публицистике	98
3.5. Новообразования, созданные по конкретному образцу	101
3.6. Нетиповые новообразования в современной публицистике	103
4. Русская неография	115
4.1. История русской неографии	115

4.2. Типология современных словарей неологизмов	117
4.2.1. Типология неологических словарей А.А. Брагиной	117
4.2.2. Типология неологических словарей Н.З. Котеловой	119
4.3. Характеристика основных словарей неологизмов современного русского языка	120
4.3.1. Картотека словарного отдела Сектора неологии Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург)	120
4.3.2. Словари-справочники («десятилетники»)	123
4.3.3. Словари-«ежегодники»	130
4.3.4. Неологические толковые словари	134
4.3.5. Словари языковых изменений	137
4.3.6. Банк русских неологизмов	146
4.3.7. Деривационные словари русских неологизмов	148
4.3.8. Словари авторских новообразований	153
4.3.9. Словари детских новообразований	156
Библиография	159

Предисловие

Современная эпоха политических и экономических преобразований характеризуется значительными изменениями в языке, и прежде всего в его лексической и словообразовательной подсистемах.

Проблема возникновения и употребления новых слов интересовала лингвистов всегда, но особую актуальность она приобрела в наши дни, в эпоху политических и экономических преобразований, отличительными чертами которой стали раскрепощенность носителей языка, ослабление «внутреннего цензора» и, как следствие, обилие всевозможных новообразований. В связи с изменением общественной ситуации происходит закономерное обновление языка, новые реалии вносят в язык свои наименования. Явления реальной действительности, требуя новых наименований, активизируют, в свою очередь, отдельные звенья словообразовательной системы языка. Многие исследователи отмечают своеобразный «неологический взрыв» в современных средствах массовой информации. События второй половины 90-х годов XX в., по мнению Е.А. Земской, по своему воздействию на язык и общество подобны революции [Земская 1996].

Динамизм и открытость — существенные признаки лексической системы любого языка — всегда интересовали лингвистов, но лавинообразный характер процесса неологизации русского языка на рубеже веков, его значительное влияние на культурно-речевую ситуацию в постсоветском пространстве, образно определяемую как «праздник вербальной свободы», обусловили актуализацию проблем, связанных с анализом языковых инноваций.

Неологический бум последних десятилетий отразился в публицистике, в языке средств массовой информации и литературной критике, которые особенно быстро реагируют на изменения в общественной жизни. Язык СМИ стал средоточием тех процессов, которые происходят в разных сферах русского языка, от областей высоких и нейтральных до сниженных, пронизанных элементами жаргона и просторечия. Поэтому неологизмам публицистики в данном пособии уделено особое внимание.

Проблеме новообразований в разное время посвящали работы такие ученые, как В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, А.Г. Горнфельд, А.И. Смирницкий, И.И. Срезневский и др. Наиболее активно новые слова исследовались отечественным языкознанием в 60-е годы XX в., о чем свидетельствуют монографии, диссертационные исследования, многочисленные статьи, в которых новообразования рассматриваются в различных аспектах: словообразовательном, лексикологическом, социолингвистическом, нормативном, стилистическом (работы О.А. Александровой, Н.Г. Бабенко, М.А. Бакиной, О.А. Габинской, Е.А. Земской, В.П. Изотова, М.У. Калниязова, Н.З. Котеловой, Л.П. Крысина, В.В. Лопатина, А.Г. Лыкова, Р.Ю. Намитоковой, Н.А. Николиной, И.С. Улуканова, Э.И. Ханпире, Н.М. Шанского, Н.А. Янко-Триницкой и др.).

Количество работ, посвященных анализу состояния современного русского языка и исследованию его лексических новообразований, столь велико, что требует определенного обзора, обобщения, систематизации. Именно такая попытка и предпринята в предлагаемой работе.

В учебном пособии рассматриваются не только конкретные неологизмы русского языка конца XX в. и тенденции развития лексической системы языка, но и некоторые теоретические проблемы, которые связаны с анализом новообразований, спорные вопросы неологии (науки о неологизмах) и неографии (науки о теории и практике описания неологизмов в словарях), в частности, не решенный до сих пор вопрос о сущности и типологии неологизмов, вопросы о психолингвистическом и динамическом направлениях в неологии, о типологии словарей неологизмов и др.

Авторы пособия не претендуют на какие-либо теоретические открытия в области неологии. Их главной целью было дать возможность студентам филологических факультетов, учителям, преподавателям и всем, кто интересуется проблемами неологии, в удобной, компактной форме познакомиться с основными проблемами этой достаточно новой, но активно развивающейся науки. Она возникла в конце 60-х годов XX в., в 70-е от нее отпочковалась неография, в 80-е и 90-е в рамках новых научных парадигм начали формироваться особые направления в изучении неоло-

логизмов: психолингвистическое, когнитивное, коммуникативное и др. В настоящее время неология и неография образуют особую область лингвистического знания, которое имеет не только теоретическую, но и практическую значимость: оно необходимо для выработки объективной оценки состояния современного русского языка и формирования лингвистического мировоззрения его исследователя.

Предлагаемое учебное пособие может быть использовано при изучении курса морфемики, словообразования и лексикологии современного русского языка, а также при подготовке курсовых, дипломных работ и магистерских диссертаций.

1. НЕОЛОГИЗМЫ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИКИ

1.1. Современная лингвистика о сущности неологизма

При описании новых лексических единиц в современной лингвистике используется несколько близких по содержанию терминов: **неологизмы**, **инновации**, **новообразования**. Они обладают разной внутренней формой, что и предопределяет их судьбу. Наиболее **общеупотребительным** и **распространенным** является первый из терминов — **неологизм**. В школьном курсе русского языка при анализе новых слов, фразеологизмов и значений употребляется именно он.

Существительное **инновации** используют для обозначения новых явлений на всех уровнях языка, о чем свидетельствует содержание нескольких сборников научных работ, в названии которых присутствует это слово [Инновации 1975, 1978]. Субстантив **новообразование** в силу своей внутренней формы «новое образование» употребляется либо по отношению к любым инновациям — инновациям разных уровней языка, либо по отношению к словообразовательным неологизмам — одной из групп новых номинативных единиц. Именно в таком широком значении (для обозначения инноваций всех уровней языка) будут использоваться термины **инновации** и **новообразование** в предлагаемом пособии.

Хотя термин **неологизм** не нов, он до сих пор не имеет однозначного определения. По мнению Н.З. Котеловой, одной из основоположниц русской теоретической лексикологии и лексикографии, существуют несколько лингвистических теорий, пытающихся раскрыть языковую сущность такого явления, как неоло-

гизм. Условно (для удобства анализа) среди этих теорий можно выделить «стилистическую», «психолингвистическую», «лексикографическую», «денотативную», «структурную» и «конкретно-историческую».

1.1.1. Стилистическая теория

Согласно этой теории, к неологизмам относят стилистически маркированные слова, значения слов или фразеологизмы, употребление которых сопровождается эффектом новизны. Именно такое определение неологизма представлено в «Большой советской энциклопедии» (3-е изд.), в «Новом энциклопедическом словаре» [2000: 797]), в «Новейшем словаре иностранных слов и выражений» [2001: 561], в работах западных лингвистов. А.Г. Лыков пишет: «Генетическим стержнем и принципиальной основой понятия неологизма является качество новизны слова» [Лыков 1976: 99]. В работе А.В. Калинина (1966) ощущение новизны, которым сопровождается восприятие нового слова, признается единственным критерием определения неологизма. В работах Е.В. Сенько признак новизны связывается с хронологическим критерием. По ее мнению, общим для всех инноваций, в том числе неологизмов как их видового понятия, является «своеобразная маркированность временем, которая влечет за собой известную необычность, свежесть на фоне привычных языковых форм, малоизвестность (или неизвестность) в широком употреблении» [Сенько 1994: 22].

Ореол новизны у появившейся в языке единицы психологически важен для ее отнесения к неологизмам, поскольку этот признак всегда был ключевым понятием неологии — те слова, которые им обладали, и воспринимались как новые. Но все-таки этот критерий не может быть признан определяющим при выявлении сущности такого явления, как неологизм, и вот почему.

Во-первых, по мнению многих исследователей, понятие новизны до сих пор не достаточно конкретно и требует уточнений. Так, А.Г. Лыков полагает, что при анализе этот признак «не дается в руки», так как он не может быть количественно измерен и не имеет формализованных характеристик [Лыков 1976: 100].

Во-вторых, ощущение новизны, возникающее при восприятии какой-либо языковой единицы, является чрезвычайно субъективным: то, что одному человеку кажется новым, для другого носителя языка является совершенно привычным и потому субъективно известным, «старым». В исследовании [Миськевич 1970: 245] подчеркивается субъективность ощущения новизны носителей языка, которое трактуется как «чисто индивидуальное свойство каждого человека»: его появление у реципиента и утрата «при восприятии слов во многом определяются степенью образованности воспринимающего, его вкусами, языковым чутьем и т.д.». Р.Ю. Намитокова также утверждает, что «психологическая оценка факта новизны слова является субъективной, но поддается абсолютизации» [Намитокова 1987: 7], но при этом считает возможным дать определение неологизма с опорой на этот критерий, максимально расширив круг носителей языка, мнение которых учитывалось бы при квалификации какого-либо слова как неологизма. О.А. Габинская предлагает совмещать «индивидуальный характер ощущения новизны... с коллективным признанием этой новизны» [Габинская 1980: 16]. А.Г. Лыков полагает, что обязательным признаком неологизма является «объективное ощущение новизны», поскольку оно существует у всех носителей языка, хотя и может быть «несколько различным по отношению к некоторым конкретным словам у отдельных людей» [Лыков 1976: 100]. Того же мнения и В.Г. Гак: «...поскольку разные люди по-разному оценивают «неологичность» слова, его правильность и т.п., необходимо опираться на чувство языка разных лиц» [Гак 1978: 41].

Психолингвистические эксперименты, осуществлявшиеся в этом направлении, позволили выдвинуть идею усредненного коэффициента новизны, который служил бы объективным показателем неологичности языковой единицы. Так, Е.В. Сенько считает, что при квалификации слова в качестве неологизма «необходимо исследовать характер восприятия каждой неолексемы членами общества и, сравнив полученные данные, вычислить среднеарифметическую величину, которая и будет, очевидно, показателем языкового сознания коллектива» [Сенько 1994: 25]. Но проводить широкомасштабные опросы людей и психолинг-

вистические эксперименты со всеми новыми словами, появляющимися в современном русском языке, представляется маловероятным.

Более того, сопоставительный анализ результатов проведенных экспериментальных исследований (1986—1994) показал, что объективная новизна слов-стимулов (их представленность в словарях новых слов и значений) не совпадает с субъективной новизной воспринимаемых реципиентами единиц номинации [Тогоева 1999: 93]. Это еще раз заставляет усомниться в возможности объективировать субъективное по своей природе ощущение новизны, зависящее от жизненного опыта человека, от его общекультурной, профессиональной, языковой и лингвистической компетенции.

Идея об относительности нового знания, лежащего в основе неологизма, хорошо соотносится с ономаσιологической теорией И.С. Торопцева (1980), который полагает, что новым, неизвестным языку, можно считать только такой смысл, который не был воплощен ранее в словесной форме. Была предпринята попытка определить степень и вид новизны языковой единицы относительно конкретного носителя языка и всего языкового коллектива в целом. В результате выделены три группы слов: а) слова, новые по значению и для общего, и для индивидуального языка; подобные слова сконструированы, а не извлечены из памяти, они воспринимаются как новые; б) слова, новые для языкового коллектива, но известные индивидуальному языку: жаргону, аргю, сленгу, просторечию и т.п.; в эту же группу слов входят и индивидуально-авторские образования; в) слова, значения которых известны общему языку, но новы для индивида. Дальнейшая разработка указанной концепции продолжена в работах [Габинская 1985; Малеева 1983; Позднякова 1987].

Чтобы уйти от субъективности критерия новизны, лингвисты предлагали также учитывать мнение только наиболее компетентных носителей языка — лингвистов, филологов, писателей, журналистов и иных групп, профессия которых связана со словом. Например, В.Г. Гак считает, что наиболее важным является мнение лингвиста — специалиста с развитой лексической компетенцией [Гак 1978: 41]. По мнению С.И. Тогоевой, с этим трудно

согласиться: лингвисты действительно тонко чувствуют язык, но они не могут быть объективными, так как их мнение неизбежно зависит от тех лингвистических взглядов, теорий, которых они придерживаются. Поэтому для определения степени неологичности какой-либо языковой единицы необходимо привлекать испытуемых различных возрастных, социальных и профессиональных групп [Тогоева 1999: 91–92].

В-третьих, ощущение новизны, которое должно сопровождать каждый неологизм, носит скорее психолингвистический, чем лингвистический характер: оно в большей степени связано с восприятием слова конкретным носителем языка, с его языковой способностью и компетенцией, чем с языком как знаковой системой. Выдвинуто же понятие неологизма именно лингвистикой, ей и надлежит дать свое определение этому явлению, которое, естественно, должно отличаться и отличается (см. работы С.И. Тогоевой) от психолингвистического.

В-четвертых, субъективность и «психолингвистичность» критерия новизны делают неологизмы нелексикографируемыми или в очень слабой степени лексикографируемыми явлениями. Лексические же единицы — это самый естественный и традиционный объект лексикографов.

В-пятых, ореол новизны связан преимущественно с признаком известности/неизвестности носителю языка какой-либо языковой единицы, опирается на степень ее употребительности, на вхождение в активный или пассивный запас языка. Именно поэтому в некоторых психолингвистических экспериментах испытуемые относили к неологизмам не только недавно образованные и непонятные им слова, но и неизвестную им устаревшую лексику: историзмы и архаизмы.

В результате «смыкаются» явления, находящиеся на противоположных темпорально-языковых полюсах, стирается грань между ними. Об этом свидетельствует, например, история проникновения в современный русский литературный язык лексики репрессированных: слова *ГУЛАГ*, *зэк*, *зэчка*, «*пепельница*» (о радиоприемнике, радиотарелке, бывшей источником новостей для заключенных) и под. во второй половине 80-х годов XX в. воспринимались основной массой носителей русского языка как

новые, но поскольку они обозначали старые, утраченные обществом реалии, то очень быстро перешли в разряд историзмов.

Известны и процессы, развивающиеся в противоположном направлении — случаи возвращения устаревших слов в язык, их актуализации. Достаточно вспомнить существительные *дума, гимназия, лицей, полиция* и под., которые исчезли из активного запаса русского языка после революции 1917 г., но начали вновь активно употребляться (хотя и с частично измененным значением) в конце XX в.

В-шестых, следует учитывать и то, что ощущение новизны быстро утрачивается вследствие активного употребления слова, созданного по продуктивной словообразовательной или семантической модели. Н.З. Котелова считает, что «многие новые слова сразу усваиваются говорящими и ощущение новизны быстро стирается» [Котелова 1978: 12]. Е.В. Сенько полагает, что неологизмы в качестве единиц, маркированных временем, «существуют лишь определенный период, переходя в сознании говорящих в разряд единиц, не маркированных временем» [Сенько 1994: 22]. Так, многие неологизмы, появившиеся в русском языке в 80–90-е годы XX в., такие, например, как *перестройка, спонсор, презентация, консенсус, крутой* (о человеке), *тусовка, въехать в ситуацию, забить стрелку* и под., быстро лишились эффекта новизны вследствие своей частотности в современных текстах.

Иногда новые слова даже в момент своего возникновения не обладают признаком новизны и воспринимаются носителями языка как обычные, привычные лексемы. Обычно к таким неологизмам относятся новообразования, созданные по продуктивным моделям русского словообразования, при этом они обозначают уже известные носителю данного языка реалии, например прилагательные *догорбачевский, послегорбачевский, постсоветский, постперестроечный, доперестроечный* (периоды развития общества) и под.

Все вышесказанное позволяет согласиться с Н.З. Котеловой, полагавшей, что ореол новизны — это характеризующий, но не определяющий признак для такого явления, как неологизмы.

1.1.2. Психолингвистическая теория

Эта теория наиболее полно представлена в исследованиях ученых Тверского университета, в частности С.И. Тогоевой [1999: 75—101 и др.], которая определяет неологизм как языковую единицу, не встречавшуюся ранее в индивидуальном речевом опыте носителя языка [Тогоева 1999: 88]. Таким образом, акцент делается на субъективной, индивидуальной новизне неологизма.

Именно поэтому, по ее данным, архаизмы могут восприниматься носителями языка в силу их жизненного опыта как новые, не известные им единицы: так, экспериментальное исследование, проведенное С.И. Тогоевой в 1998 г. на материале лексики художественной литературы середины XIX в., обнаружило, что большинство реципиентов отметили как «новое», «не встречавшееся ранее» существительное *погост*; в аналогичном эксперименте, проведенном Н. Костюшиной, к новым словам были отнесены лексемы *светец, исполать, вотще, жуировать, уда* [Тогоева 1999: 94].

1.1.3. Лексикографическая теория

Сторонники этой теории полагают, что неологизмы — это слова, отсутствующие в современных словарях, не отмеченные словарями. Такая точка зрения получила значительное распространение в западной неологии. Именно она лежит в основе концепции словаря английских неологизмов К. Барнхарта¹, ее придерживаются французские лексикографы. Стоит отметить, что французы пытаются скорректировать это определение и включают в словари семантические неологизмы — зафиксированные словарями старые слова, значение которых изменилось.

Против такого чисто позитивистского определения неологизмов обычно выдвигаются следующие аргументы.

Во-первых, логическим следствием подобного понимания неологизмов является представление о том, что неологизмы есть лишь в том языке, который имеет письменную форму, а языки, существующие только в устной форме, либо не имеют неологиз-

¹ Барнхарт К. Английский словарь новых слов. 1963.

мов вообще, либо принципы их выделения не ясны, хотя очевидно, что они должны быть иными.

Во-вторых, фиксация слов в словарях зависит в целом от лексикографической ситуации в стране, от того, сколько словарей, описывающих конкретный язык, создано и к каким типам они принадлежат. Если лексикографическое описание какого-либо языка только начинается, то трудно отграничить новые слова от существующих давно. Кроме того, некоторые давно «живущие» слова могут быть пропущены лексикографами случайно либо сознательно, поскольку они не соответствуют принципам отбора материала для словника, установленным автором-составителем.

Вероятно, наличие или отсутствие слова в словарях целесообразно использовать как один из методов выявления неологизмов, но не как основной, сущностный признак последних.

1.1.4. Денотативная теория

Это одна из самых распространенных теорий неологизмов. Она представлена в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой [1966: 261–262], во 2-м издании БАСа, в энциклопедии «Русский язык» (1979), пособии В.А. Козырева и В.Д. Черняк «Русская лексикография» (2004) и многих других работах. Согласно этой теории, неологизм — это слово, обозначающее новое явление (денотат, реалию) или понятие. Так, в последнем пособии словарь неологизмов определяется как «тип словаря, в котором описываются слова или обороты речи, созданные для обозначения нового предмета или для выражения нового понятия» [Козырев, Черняк 2004: 69].

Недостатком этой теории является то, что она не учитывает внутриязыковые причины появления неологизмов (стремление носителя языка к экспрессивности, выразительности, экономности номинации, образование по аналогии и т.п.) и то, что неологизмы могут обозначать разные, с точки зрения новизны, явления и понятия.

Самой многочисленной группой неологизмов являются те, которые действительно обозначают новые реалии и понятия. Так, перестройка обусловила появление в русском языке многих слов

и устойчивых словосочетаний, обозначающих новые явления и понятия: *деколлеktivизация, деидеологизация, деполитизация, десоветизация, деидеологизация, ваучер, ваучеризировать, спонсор, спонсорство, раингейт, новый русский, ближнее зарубежье, дальнее зарубежье* и под.

В то же время появилось много неологизмов, обозначавших ранее известные (и обычно уже имевшие общепринятое название) реалии: *консенсус* (син.: *согласие*), *презентация, спикер* и иные. Некоторые давно существующие реалии получили имя лишь после того, как актуализировались в ходе развития общества, например *доперестроечное время, доельцинский и постельцинский* периоды развития страны и под.

Некоторые неологизмы 90-х годов XX в. обозначают гипотетически существующие реалии: *аура, биополе, телекинез, чакры, экстрасенс, биоэнерготерапевт* и др.

Таким образом, не всегда за неологизмами скрываются новые явления и понятия, значит, эта теория неологизма охватывает лишь часть новой лексики и может быть принята с некоторыми оговорками.

1.1.5. Структурная теория

Сторонники этой теории полагают, что к неологизмам могут быть отнесены только те слова, которые обладают абсолютной структурной, формальной новизной; обычно это уникальные звукосочетания, воспринимающиеся как нечленимые, непроеизводные, немотивированные единицы. В качестве примеров обычно приводятся такие слова, как **неон*, **лилитут*, **бокр*, **куздра*, **гуолла*, **рокоо*, **фелибр* и под². Часто к подобным единицам относят и новообразования типа **газ* (из греч. *хаос*), **кодак* (звукоподражание), **лавсан* (аббревиатура, созданная на базе сочетания слов *лаборатория высокомолекулярных соединений АН*). Н.З. Котелова не считает правомерным рассматривать их в качестве иллюстраций, доказывающих корректность данной теории, поскольку

² В этом разделе приводятся в основном примеры Н.З. Котеловой [1978: 5–26]. Они помечены звездочкой.

они являются заимствованиями (*газ*), аббревиатурами (*лавсан*) либо звукоподражаниями (*кодак*) [Котелова 1978: 19].

Сторонники этой максимально узкой точки зрения на неологизмы не относят к новой лексике обычные производные слова, поскольку они построены на базе известных морфем, понятны носителям языка и могут быть созданы ими в любой момент.

Структурная теория вызывает много возражений. Во-первых, приведенные выше неологизмы созданы искусственно, они аналогичны знаменитой *глокой куздре* Л.В. Щербы. Подобные образования редко встречаются в обычной речи носителей языка, потребность в них возникает в основном у писателей, создающих фантастические произведения о вымышленных мирах (ср. **дрион* — космический корабль, **гуолла* — болезнь неземной цивилизации и под.), либо у тех, кто занимается проблемами искусственной номинации. Стоит учитывать и то, что и те, и другие в последнее время стремятся создавать мотивированные неологизмы: *Музобоз* (*музыкальный обоз*), *Виношоукур* (*Винокур + шоу*) и др. Таким образом, сложившиеся в последнее время тенденции развития искусственной лексики, среди которой прежде всего и можно было встретить структурно новые для языка слова, противоречат данной теории.

Во-вторых, понимание неологизма как слова с абсолютно новой формой плохо соотносится с тем, что подавляющее большинство слов русского языка (86% — по данным А.Н. Тихонова; 96% — по данным М.В. Панова) являются производными, т.е. связанными отношениями формально-семантического сходства с другими словами. Структурно уникальные неологизмы предстают в этом случае как что-то редкое, нетипичное для системы языка, находящееся на его периферии.

В-третьих, подавляющее большинство русских неологизмов (при традиционном выделении этой группы слов), несмотря на значительное количество заимствований, составляют производные слова, образованные с помощью средств русского словообразования: с помощью уже известных языку деривационных морфем и мотиваторов, что также не предполагает формально-структурной уникальности новых слов.

В-четвертых, по мнению Н.З. Котеловой, «с теоретической точки зрения, таких слов не должно быть» [Котелова 1978: 18], поскольку при их создании используются только грамматические словоизменительные морфемы, в то время как корни и мотиваторы семантически пусты. Такое словообразование нетипично для русского языка. Семантическое опустошение корней может быть свойственно русским словам, давно существующим в языке и утратившим внутреннюю форму (*выкаблучиваться, наяривать* и под.), но не тем словам, которые являются новыми для него. Многими лингвистами отмечается тот факт, что современные номинации (и не только в русском языке) стремятся к мотивированности.

Высказанные выше соображения не позволяют согласиться с приведенными теориями неологизмов. Более корректной представляется точка зрения Н.З. Котеловой, которую условно можно назвать конкретно-исторической теорией неологизма.

1.1.6. Конкретно-историческая теория Н.З. Котеловой

Признак «нового», «новизны», лежащий в основе большого числа определений неологизма, по мнению Н.З. Котеловой, должен быть уточнен с точки зрения времени и языкового пространства [Котелова 1978: 12], что позволит дать более корректное представление о сущности неологизма. Дело в том, что «понятие неологизма исторично и относительно» [Головин 1966: 91], поэтому ему нужны конкретизаторы [Котелова 1978: 14–18].

Первым и основным конкретизатором является конкретизация по признаку «время». К неологизмам должны относиться слова, которые существуют в определенный период языка и не существовали в предшествующий период. Поэтому возможно выявление и исследование неологизмов любого временного периода: XIX в., XX в., 30-х годов XX в., 70–90-х годов XX в. и т.д. Б.Н. Головин определяет точку отсчета: новые слова — это «слова, возникшие на памяти применяющего их поколения» [Головин 1966: 91].

Второй конкретизатор — это конкретизация по параметру «языковое пространство», т.е. по сферам и жанрам употребления

языка. При этом могут использоваться следующие показатели новизны слова: а) новое для многих (всех, некоторых) языков; б) для данного национального языка; в) для литературного языка; г) для конкретного подязыка (определенной терминосистемы, жаргона, диалекта и т.п.); д) для языка и/или речи.

Конкретизаторы времени и социально-языкового пространства используются не только в лингвистике, но и в психолингвистике, имея при этом иное наполнение: «...в лингвистике время выступает как способ хронологической фиксации коллективного знания, в психолингвистике — как мироощущение познающего субъекта, при этом «ощущение бытия» единицы номинации (для человека это всегда единица индивидуального лексикона) обусловлено факторами иными, нежели фиксация слова в тексте» [Тогоева 1999: 99] — опытом всей речемыслительной и когнитивной деятельности человека. Понятия пространства в лингвистике и психолингвистике достаточно близки: в лингвистике это совокупность всех идиолектов языка, а также место слова в системе языка или речевой единицы в тексте, в психолингвистике пространство — «совокупность социально обусловленных идиолектов носителей языка» [Тогоева 1999: 100].

Третий конкретизатор, выделяемый Н.З. Котеловой, — это тип новизны языковой единицы. Он в большей степени важен для определения типа неологизма, чем его сущности: слово или фразеологизм могут обладать новым значением (это семантический неологизм), новой формой (неологизм — синоним к уже существующему слову) или и тем, и другим вместе (собственно неологизм).

Таким образом, неологизмы можно определить как слова, значения слов и идиомы, существующие в определенном языке, подязыке и языковой сфере и не существовавшие в предшествующий период в том же языке, подязыке, языковой сфере [Котелова 1978: 22].

Учет этих конкретизаторов позволяет выделять неологизмы достаточно корректно и объективно. Так, существительное **экибана* было неологизмом для русского языка 70-х годов XX в., но не было таковым для японского языка, из которого оно и пришло в русский; **одиночество* — новый термин в русской социологии

того же периода, но обычное слово для русского литературного языка; *подмолодить* — неологизм для русского литературного языка конца XX в., но узуальное слово для молодежного жаргона.

Достаточно полным можно назвать определение Н.З. Котеловой, понимающей под новыми словами «как собственно новые, впервые образованные или заимствованные из других языков слова, так и слова, известные в русском языке и ранее, но или употреблявшиеся ограниченно, за пределами литературного языка, или ушедшие на какое-то время из активного употребления, а сейчас ставшие широко употребительными», а также «производные слова, которые как бы существовали в языке потенциально и были образованы от давно образовавшихся слов по известным моделям лишь в последние годы (их регистрируют письменные источники только последних лет)» [Котелова 1971: 7]. Именно это определение неологизма, которое по указанным выше причинам представляется наиболее удачным, и принимается в данной работе.

1.2. Основные направления изучения неологизмов в современной лингвистике

Существование различных трактовок основной единицы неологии — неологизма — обуславливает разные направления изучения этого явления: структурно-семантического, социо- и психолингвистического, структурного, денотативного и иных. Рассмотрим их подробнее.

- **Структурно-семантическое направление.** Большинство исследований по неологии как русского, так и других языков выполнено в русле традиционной научной парадигмы — структурно-семантического направления в лингвистике. Основная цель таких работ заключается в описании новых фактов языка и речи, их структурно-семантической характеристике, определении способов образования и особенностей употребления, в классификации новообразований, в выявлении места неологизмов в системе современного русского языка, в определении того влия-

ния, которое они оказывают на язык. В рамках этого описательно-аналитического направления лингвисты проделали колоссальную работу по описанию и классификации новых слов.

Русская неография развивается в основном в рамках этого же направления: современные неологические словари фиксируют новообразования и дают их многоаспектную характеристику (см. работы А.Г. Лыкова, Р.Ю. Намитоковой и др.).

• **Социолингвистическое направление.** В последнее десятилетие активизировалось социолингвистическое направление в неологии. Характер инновационных процессов, характерных для современных языков, обсуждается в ряде публикаций: в коллективной монографии «Русский язык конца XX столетия (1985—1995)» (М., 1996), в исследованиях Л.П. Крысина «Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка» (М., 1989), А.Д. Дуличенко «Русский язык XX столетия» (München, 1994) и др. В перечисленных работах отмечается, что неогенный бум во многих европейских языках, в том числе в русском, сопровождается чрезмерной активизацией употребления иноязычных слов и интенсификацией заимствования, жаргонизацией и вульгаризацией языка. Отмечается значительное воздействие просторечия, специальных подъязыков, особенно жаргонов, просторечия и терминосистем (например, компьютерной, экономической, политической и иной терминологии) на современный литературный язык.

В рамках социолингвистического направления рассматриваются и вопросы развития лексической подсистемы языка, обусловленного воздействием социально-экономических и политических преобразований, происходящих в обществе. Например, в статье [Бенковичова 1998: 43] анализируются инновации в лексике современного русского и словацкого языков с точки зрения их обусловленности политико-экономическими изменениями в России и Словакии, причем речь идет (Я. Бенковичова специально подчеркивает это) не об описании способов и приемов динамизации современной лексики, а о том, что именно отражается в период политико-экономических изменений в лексических инновациях и в какой степени совпадают отражения однотипных денотативных областей в разных языках.

Социолингвистическое направление в лингвистике близко традиционному, структурно-семантическому. В то же время в последние годы была отчетливо осознана недостаточность исследования нового слова в рамках анализа абстрактной лексико-семантической системы языка [Тогоева 1999: 85], почти полная «исключенность» носителя языка, человеческого фактора из проблем неологии. Антропоцентризм современной лингвистики, обусловленный «сознанием того, что язык, будучи человеческим установлением, не может быть понят и объяснен вне связи с его создателем и пользователем» [Кравченко 1996: 5–6], привел к появлению работ по неологии, выполненных в рамках коммуникативной лингвистики, когнитивного направления и психологии восприятия (Чигондзе 1990, Сухоплещенко 1995, Позднякова 1989 и др.).

• **Когнитивное направление.** Когнитивное направление в неологии находится в стадии становления, формирования. Лингвисты, работающие в этой области, полагают, что с помощью языка человек шифрует, накапливает, хранит, передает и дешифрует знания разного рода. Поэтому «когнитивисты» пытаются проанализировать структуры знаний, которые скрываются за неологизмами, и их влияние на языковую и концептуальную картины мира современного носителя языка. Особенно активно разрабатывается проблема выявления нового знания, свойственного неологизмам, специфичности скрывающейся за ними информации.

Исследования в этой области пока единичны и часто смыкаются с психолингвистическими изысканиями.

• **Психолингвистическое направление.** Это направление в неологии наиболее полно представлено в работах ученых Тверского университета: С.И. Тогоевой, Т.Ю. Сазоновой, Т.Г. Родионовой, Н.С. Шумовой и др.; в работах В.В. Петрова, К.З. Чигондзе, Ю.Ф. Сухоплещенко, Е.М. Поздняковой и др., выполненных в рамках коммуникативной лингвистики, когнитивного направления и психологии восприятия.

Данная теория сформировалась в противовес многочисленным лингвистическим работам, анализирующим неологизмы в статическом структурно-семантическом аспекте. Психолингви-

стическая теория неологии пытается представить неологизм как динамическое (процессуальное) явление, связанное с мышлением и когнитивной деятельностью отдельного носителя языка.

В работе С.И. Тогоевой [1999: 75–101] на основании многолетних (с 1986 г.) исследований предпринята попытка разработать и концептуально оформить психолингвистическую теорию неологии. Исходным пунктом этой теории является новое слово как единица индивидуального лексикона, а базовым — разработанная А.А. Залевской (1997; 1990) психолингвистическая концепция слова, интегрированная в более общую теорию речемыслительной деятельности человека. Слово при этом является средством доступа к единой перцептивно-когнитивной информационной базе человека, которая формируется по законам психической деятельности, но под контролем выработанных в социуме систем норм и оценок, а индивидуальный лексикон предстает как самоорганизующаяся динамическая функциональная система [Залевская 1977; 1998].

С.И. Тогоева определяет неологизм как языковую единицу, не встречавшуюся ранее в индивидуальном речевом опыте носителя языка [Тогоева 1999: 88]. Таким образом, акцент делается на субъективной, индивидуальной новизне неологизма.

Главным вопросом неологии в психолингвистическом аспекте является «раскрытие взаимосвязанных особенностей ... «нового слова» как единицы индивидуального лексикона в процессе функционирования этого слова в коммуникативной деятельности» [Тогоева 1999: 89]. В реальной коммуникации человек оперирует словом как продуктом речи, что обеспечивается статичностью звуковой или буквенной формы слова, и как процессом, поскольку в слове отражается динамика субъективно переживаемой картины мира: значение слова бесконечно варьируется при каждом индивидуальном словоупотреблении [Тогоева 1999: 87]. Ощущение новизны единицы номинации возникает у индивида на фоне всего комплекса переживаемых им впечатлений, как прошлых, так и настоящих, взаимоувязанных со всем опытом речемыслительной и иной деятельности [Тогоева 1999: 100].

При психолингвистическом рассмотрении неологизмов особое значение приобретает анализ первичных текстов, которые

представляют собой запотоколированную живую устную неподготовленную, не продуманную заранее речь человека, порождаемую им в момент возникновения и формирования новых мыслей. Именно эта непосредственная, литературно не отредактированная, сбивчивая, живая речь наиболее естественно (хотя и не полностью) отражает мышление как реальный психический процесс индивида.

- **Динамическое направление.** Когнитивные и психолингвистические исследования неологизмов характеризуются динамическим подходом к проблемам неологии, формируя особый динамический аспект ее изучения.

Первые процессуально-динамические попытки описания неологизмов были предприняты в традиционных исследованиях, выполненных в рамках структурно-семантического направления [Кудрявцева 1993; Мусаев 1989; Намитокова 1989]. Но в этих исследованиях процессуальность и динамика осмыслились в рамках подхода к слову как единице языковой системы. Так, Р.Ю. Намитокова попыталась дать «структурно-функциональный анализ неологического лексика, представленной в современных поэтических (стихотворных) текстах» [Намитокова 1989: 1]; она определила типы таких новообразований, способы их создания и функции в тексте.

Л.А. Кудрявцева рассматривает способность к изменениям как основной признак языковой структуры [Кудрявцева 1993: 3] и обосновывает необходимость рассмотрения динамизма в аспекте структурных изменений языковой системы, которые прежде всего, по мнению автора, и обуславливают источники и механизм языковой изменчивости и языкового развития. Представление лексики как особой системы должно быть дополнено правилами, моделями, по которым образуются ее единицы. «Именно динамическая модель позволяет показать систему языка как целостное единство устойчивого и подвижного, стабильного и изменяющегося» [Кудрявцева 1993: 4].

Однако при таком подходе новое слово рассматривается, как считает С.И. Тогоева, в рамках традиционной парадигмы и при этом игнорируется основной «источник» речевой деятельности, в ходе которой порождаются неологизмы, — человек как носи-

тель языка [Тогоева 1999: 79]. Вслед за Г.Е. Журавлевым она предлагает изучать неологизмы в трех аспектах: статическом, кинематическом и динамическом [Тогоева 1999: 81].

Статический аспект — это отображение одномоментного состояния языка: единиц и их связей, отношений, моделей образования, которые присутствуют в некоторый фиксированный момент времени. Кинематический аспект — это временная развертка, последовательность разномоментных структур, показывающая изменение и формирование связей и отношений в пределах одного вида, уровня, сферы и т.п., выявляющий области активизации системы и ее «отдыха», затухания. Динамический аспект предполагает анализ причинно-следственных связей, отношений и причин активности определенных участков языковой системы в заданный момент времени.

По мнению С.И. Тогоевой, то, что в традиционной лингвистике понимается как динамика, представляет, по существу, кинематический аспект явления [Тогоева 1999: 81]. В то же время динамическое описание развертывается на базе статических структур и объясняет выявленные кинематические зависимости [Журавлев 1977: 29–30].

Многоаспектность исследования неологизмов в современной русистике обеспечивает их достаточно полный и глубокий анализ.

1.3. Оказионализмы и их соотношение с неологизмами

1.3.1. Современная лингвистика обokkaзиональных словаx

При определении сущности неологизмов неизбежно встает проблема отграничения их от смежных явлений, прежде всего — от потенциальных иokkaзиональных слов. Некоторые исследователи объединяют эти три группы новой лексики в рамках неологизмов, другие — жестко разводят их.

Целесообразность разграничения **собственно неологизмов, потенциальных слов иokkaзионализмов** вызвана анализом де-

ривационно-семантических и словообразовательных механизмов образования новых слов. Поэтому стоит рассмотреть эти группы новообразований подробнее.

Окказиональное словообразование представляет собой естественное явление любого живого языка, более того — наша речь, устная и письменная, пестрит многочисленными окказиональными словами, не отличающимися общеупотребительностью, но созданными по имеющимся в языке моделям, образцам и потому понятными, особенно в определенной языковой ситуации или определенном языковом контексте.

Окказионализмам посвящено довольно много работ (см. исследования А.Г. Лыкова, В.В. Лопатина, Р.Ю. Намитоковой, Э. Ханпиры, Н.И. Фельдман и др.), но, несмотря на это, единой, общепризнанной теории окказиональности до сих пор нет. Во всех трех академических грамматиках русского языка, изданных во второй половине XX в. (1954, 1970, 1980), окказиональные слова не рассмотрены; в двух последних грамматиках они в очень ограниченном количестве представлены в качестве иллюстраций к способам русского словообразования.

В речи обычно используются готовые единицы языка, но встречаются и индивидуальные слова, присущие только данному контексту, создаваемые одновременно для данного речевого акта. В этом коренное отличие индивидуальных новообразований от новых слов, уже вошедших в язык, ставших общеупотребительными (неологизмов). Многие языковеды предлагают называть такие слова **окказиональными** (от лат. *occasio* — ‘случайность’, фр. *occasionnel* — ‘случайный’). Термин впервые употреблен в статье Н.И. Фельдман «Окказиональные слова и лексикография» («Вопросы языкознания», 1957, № 4): «Под окказиональным словом я разумею слово, образованное по языковой малопродуктивной или непродуктивной модели, а также по окказиональной (речевой) модели и созданное на определенный случай либо с целью обычного сообщения, либо с целью художественной. Подобно потенциальному слову, окказиональное слово есть факт речи, а не языка. Точно так же я понимаю и окказиональную форму слова». Сам термин показывает, что подобные слова созданы однажды, по случаю.

Среди новообразований русского языка правомерно выделение трех самостоятельных категорий: **неологизмов**, **окказионализмов** и **потенциальных слов**. В строгом терминологическом смысле окказионализмы нельзя назвать неологизмами. **Неологизмами** принято называть слова, которые стали узуальными совсем недавно и в течение некоторого времени сохраняют оттенок свежести, новизны: например, слова типа *луноход* в 70-е годы XX в., *компьютер*, *компьютеризация* и под. — в 90-е годы XX в. Неологизмы — это слова языка, т.е. узуальные регулярно воспроизводимые единицы языковой системы, тогда как окказиональные слова как индивидуальные образования носят исключительно речевой характер.

Окказиональное слово — это «одноразовая» лексическая единица, лишенная воспроизводимости, а значит, и исторической протяженности своего существования, это слово не способно устаревать, в то время как понятие неологизма противопоставлено понятию архаизма. Именно благодаря вхождению в язык, а значит, и благодаря своему включению в историческую жизнь возникшее слово становится неологизмом.

Термин **окказионализм** достаточно широко используется в лингвистической литературе, но общепризнанного определения окказионального слова до сих пор нет. Множество разнообразных названий дано лингвистами индивидуально-авторским словам, в научной литературе по данной проблематике как дублирующие его встречаются следующие: **писательские новообразования**, **художественные неологизмы**, **творческие неологизмы**, **стилистические неологизмы**, **индивидуальные неологизмы**, **слова-самоделки**, **слова-метеоры**, **слова-однодневки**, **эгологизмы**, **индивидуально-авторские новообразования**, **произведения индивидуального речетворчества**, **эфмерные инновации**.

Как видно из приведенного терминологического ряда, который и сегодня остается открытым для новых специальных наименований описываемого явления, при создании термина одни ученые стремятся подчеркнуть то, что окказионализмы — авторские слова (**эгологизмы**, **слова-самоделки** и др.), другие указывают посредством термина на кратковременность их существования в речи (**слова-метеоры**, **слова-однодневки**). Третьи счи-

тают возможным использовать термин **неологизм**, но с характерными определениями (художественные, творческие, индивидуальные, стилистические), которые все-таки не вполне отграничивают окказионализмы от неологизмов. Особого внимания заслуживает термин **эгологизм** (*эго* — 'я'), предложенный А.А. Аржановым, который подчеркивает субъективный характер новообразования. Что касается термина **окказионализм**, то он представляется наиболее кратким, содержательно определенным, самым распространенным в научной литературе соответствующего направления.

Таким образом, можно отметить, что окказиональное слово — это чисто речевая единица. Только благодаря вхождению в язык оно становится неологизмом. Без такого вхождения оно навсегда остается окказиональным со всеми его специфическими признаками, которые особенно четко выявляются при соотнесении с обычным **узуальным словом** (от лат. *usus* — 'обычай', 'привычка'), которое рядом лингвистов называется также **каноническим** (от греч. *kanōn* — 'правило', 'предписание').

Наиболее полно и глубоко признаки окказиональных слов описал А.Г. Лыков.

1.3.2. Признаки окказионального слова

• **А.Г. Лыков о признаках окказионализмов.** Автор подчеркивает, что специфику окказионального слова следует искать именно на путях многопризнаковости. Ученый говорит о том, что «специфика окказионального слова, его различные свойства и особенности, создающие сам «эффект окказиональности», носят также многопризнаковый характер. Поскольку специфическая экспрессия окказионального слова «отталкивается» от «нейтральности»... канонического слова и соотносится с ним, то в окказиональном слове его специфические признаки как бы воспроизводятся на экране «классических», «нейтральных» признаков канонического слова и взаимодействуют с ними, создавая ту игру значений и красок, которые мы наблюдаем при употреблении окказионализма в речи. Отсюда и возникает задача показать механизм этого взаимодействия в самых различных направлениях» [Лыков 1976: 10–11].

Исследователь выделяет «девять признаков, отграничивающих русское окказиональное слово от канонического» [Лыков 1976: 11–35]. По его мнению, окказиональные слова обладают следующими признаками: принадлежность к речи; ненормативность; творимость (невоспроизводимость); словообразовательная производность; функциональная одноразовость; зависимость от контекста; экспрессивность; номинативная факультативность; синхронно-диахронная диффузность; новизна; индивидуальная принадлежность.

1. Принадлежность к речи — наиболее важный признак окказионального слова. В окказиональном слове содержится противоречие между фактом речи и нормой языка, поскольку окказиональные слова представляют собой нарушение лексической нормы. Окказиональные слова выражают в особых языковых формах предельную конкретность соответствующих ситуаций. Факт создания (и употребления) окказионального слова — это факт речи.

2. Творимость окказионализма, т.е. создание нового слова в процессе самого речевого акта, противопоставлена воспроизводимости канонического слова, т.е. функциональной повторяемости языковой единицы в ее готовом виде.

Окказиональное слово не воспроизводится, а творится, заново создается всякий раз для каждого конкретного случая его употребления. В отличие от узуальных окказиональные слова не воспроизводятся, а повторяются, намеренно «цитируются» с какой-либо целью. Воспроизводимость стала широко пониматься как непременный признак единицы языка в противоположность творимости, создаваемости и т.д. единицы речи.

3. Словообразовательная производность. Окказиональное слово по самой своей сути обязательно должно быть производным, поскольку оно представляет собой результат относительно свободной комбинации по крайней мере двух морфем, что неизбежно ведет к производности окказионального слова.

Факты речи — всегда творческие, а творчество окказиональных слов — это свободная комбинация единиц на морфемном уровне.

4. Функциональная одноразовость — свойство, выражающееся в том, что окказиональное слово создается говорящим для

того, чтобы оно употреблялось в речи всего лишь один раз. Уникальность окказионального слова передает предельную конкретность, особенность ситуации, которую бессильно выразить каноническое слово как единица языка. «Абсолютная свежесть» окказионального слова передает уникальность ситуации, ее предельную конкретность. Например, в одном из очерков о птицах В. Песков употребляет сочетание *синицы-авосечники*. Окказионализм «авосечники» настолько уникален, что, даже находясь в непосредственном соседстве с определяемым каноническим словом «синицы», не раскрывает своей словообразовательно-смысловой мотивированности, поэтому для его понимания требуется контекст: «Лет пятнадцать назад, когда холодильники были редкостью и продукты вешали за окном в сумках авоськах, еду промышленяли «*синицы-авосечники*»: они быстро научились разрывать клювом пакеты и добывать из авоськи все, что хотели» (КП, 17.01.1971).

При этом функциональную одноразовость не отрицают имеющиеся факты употребления разными авторами одного и того же новообразования. Например, новообразование *лунь* можно встретить в поэтических текстах разных авторов, но это никак не влияет на его окказиональный статус: «Степь. Ночь. *Лунь*. Синь. Сон». (В. Каменский); «...Зеленой *лунью* полночных вод» (И. Сельвинский); «И только *лунь* скользнет несмелая, / Как тень по склепу на стене» (А. Туфанов); «Тихо тянет сытый конь, / Дремлет Богатырь. / Бледной *лунью* плещет бронь / В шелковую ширь» (И. Уткин).

5. Зависимость от контекста. В речи каждое многозначное слово актуализирует лишь одно из своих значений. В этом проявляется свойство контекста как речевого отрезка и обнаруживается **зависимость слова от контекста**. Зависимость окказионального слова от контекста значительно больше, чем зависимость канонического слова.

Зависимость от контекста у узуальных слов относительна, что допускает возможность их употребления в речи и вне контекста в виде отдельного слова-предложения, однословной реплики и т.п. Зависимость же окказионального слова от контекста в подавляющем большинстве абсолютна. Восстановить лек-

сическое значение окказионализма вне контекста часто бывает невозможно.

В непосредственной речевой реализации окказиональное слово очень специфично, в своем роде неожиданно, уникально с лексической или структурно-словообразовательной стороны. Окказионализмы — это слова настоящие, и даже более нужные в определенном контексте, более насыщенные по смыслу и эмоциональной нагрузке, чем обычные, общеупотребительные. Но специфика их заключается в том, что, обслуживая определенный контекст, они не претендуют на закрепление в языке, в общем употреблении. Отсюда и еще одно важное свойство окказиональных слов: они сохраняют новизну, ощущаются как новые независимо от времени своего создания.

6. Экспрессивность окказионального слова — это наличие экспрессии. Все эстетически значимые окказионализмы характеризуются **экспрессивностью**, тогда как экспрессивность узуальных образований факультативна.

Экспрессия — это выразительно-изобразительные качества речи, отличающие ее от обычной (или стилистически нейтральной) и придающие ей образность и эмоциональную окрашенность.

Обязательная экспрессивность — характернейшая черта окказиональных слов в отличие от слов канонических. Окказиональное слово привязано к контексту лишь по смыслу, по своему лексическому значению, экспрессивность же его носит независимый характер. Окказионализм как средство экспрессии усиливает впечатление от речи и передает ее неповторимое своеобразие. Экспрессивно-стилистические качества и особенности функционирования русских окказиональных слов в различных стилях речи и жанрах литературы пока что мало изучены.

Экспрессивность окказиональных слов носит ингерентный характер. Это означает, что окказиональное слово экспрессивно само по себе, в силу особенностей своего внутреннего словообразовательного строения (каждое окказиональное слово производно), хотя оно зависимо от контекста, привязано к нему в конкретно-речевом употреблении.

Степень окказиональности и экспрессивности различных окказиональных слов неодинакова: чем меньше формальных и се-

мантических нарушений правил языкового словообразовательного стандарта совершается при образовании окказионального слова, тем меньше окказиональности (и экспрессивности) содержится в этом слове, и наоборот.

Если для обычных слов главной функцией является номинативная, то для окказиональных слов — экспрессивно-изобразительная; лексический окказионализм не столько номинативен, сколько экспрессивен.

7. Номинативная факультативность (необязательность) — это признак, указывающий на характер номинации окказионального слова в отличие от номинации канонического слова. В литературе часто подчеркивается, что есть два способа использования слов в процессах речевой номинации: привлечение готового слова (узуальные слова) и конструирование (окказионализм).

Определенное слово языка в соответствующей ситуации представляет собой номинативно неизбежный, обязательный факт с точки зрения лексической системы и нормы языка в данную эпоху его жизни. Посредством номинативной деятельности язык расчленяет действительность (безразлично, внешнюю или внутреннюю, реальную или абстрактную) на элементы, лингвистически определяемые.

Окказиональное же слово является факультативным, не необходимым фактом с точки зрения номинации в указанном выше смысле, так как за таким словом в языковой классификации языкового мира с обязательностью не закреплен ни один из ее элементов. Например, прочитав в толковом словаре словарную статью, разъясняющую значение определенного слова, мы определяем само слово. В этом — номинативная обязательность слова языка, исторически закрепленная общественно-речевой практикой людей. Но, с другой стороны, как бы мы точно и подробно ни описывали средствами общелитературного языка значение какого-либо окказионального слова, ни один рядовой носитель языка не сможет узнать искомое слово; поэтому, например, окказионализмы нельзя использовать при составлении кроссвордов.

8. Синхронно-диахронная диффузность — едва ли не самый трудный признак окказионализмов, сущность которого заключается в местонахождении окказионального слова в точке пресече-

ния синхронной и диахронной осей координат языковой системы.

Подлинная жизнь окказионализма в речи — это его «одномоментность», его одновременное рождение и употребление как единственная форма его функционального существования — без последующих актов воспроизведения. Окказионализмы и синхронны, и диахронны. Синхронны потому, что подобно обычным каноническим словам в их системном отношении друг с другом, окказионализмы ассоциативно связаны с ними словообразовательными, семантическими, грамматическими и другими отношениями и потому-то в речи, в самом процессе общения, творятся из уже существующих морфем и понимаются носителями языка.

Диахронны потому, что, будучи фактами чисто речевыми, невоспроизводимыми, окказионализмы в самих актах своего рождения включаются в линейную цепочку временной последовательности других речевых актов — протяженных во времени. Таким образом, акт рождения окказионального слова (диахронный момент) и акт его функционального сосуществования с другими окказиональными и узуальными словами (синхронный момент) — одновременны, одномоментны.

Каноническое слово может рассматриваться в синхронном и диахронном аспектах. Такому раздельному, относительно независимому синхронному и диахронному рассмотрению окказиональные слова не поддаются и не могут поддаваться в силу неразрывной слитности синхронной и диахронной жизни.

В отличие от языкового неологизма, новизна которого с течением времени стирается, исчезает, главной особенностью окказионализмов, по мнению некоторых исследователей, является их постоянная, «хроническая» новизна.

Так, Н.И. Фельдман писала об окказионализмах М.Е. Салтыкова-Щедрина и В.В. Маяковского, что слова *«душедрянствовать»*, *«умонелепствовать»*, *«белибердоносцы»* сразу выделяются из общего контекста своей новизной, хотя со времени написания этих строк прошли десятки лет. Этим они резко отличаются от подлинных неологизмов, потому что трудно уловить тот недолгий момент, когда они еще ощущались как неологизмы [Фельдман 1957].

Таким образом, под **синхронно-диахронной диффузностью** следует понимать одномоментность существования окказионализма, его абсолютную неспособность «стариться», подвергаться исторически обусловленным изменениям как в семантическом, так и в формальном аспектах, тогда как неологизм способен с течением времени подвергаться историческим процессам изменения структуры слова (например, опрошению, переразложению); «старение» неологизма неизбежно.

9. Индивидуальная принадлежность, т.е. принадлежность окказионализма конкретному автору, определяет степень художественности новообразования, возможности декодирования его значения, семантическое и стилистическое своеобразие. Именно поэтому структурно-семантический анализ окказионализмов может представлять собой важную область в исследовании идиолекта и — шире — идиостиля художника слова.

Принадлежность отдельному лицу — один из основных признаков окказионализма, отчего их часто называют индивидуальными новообразованиями.

10. Ненормативность окказионального слова — это его характерная особенность. Окказионализмы, взятые изолированно как внетекстовые лексические единицы, находятся за пределами языковой нормы, в контексте же они с неповторимой экспрессией передают мысли и чувства. Окказиональное слово нарушает лексическую норму, но далеко не каждый окказионализм нарушает словообразовательную норму. Сознательная, мотивированная неправильность, отклонение от нормы (если оно достаточно ясно осознается на фоне последней) обязательно выступает как образное средство, как средство показа какой-либо характеристики — речевой, социальной, диалектной, профессиональной и т.п.

Мотивированная неправильность, носящая целесообразно организованный, запрограммированный характер, может быть одним из проявлений поэтической речи. Сознательное отклонение от нормы несет в себе также и эстетическую информацию, понятие «правильности — неправильности» в поэтической речи исчезает, поскольку в ней факты языковой неправильности рассматриваются и оцениваются с учетом их конкретной художественной нагрузки.

• **В.В. Лопатин о признаках окказионализмов.** Он относит к существенным признакам окказионализмов следующие.

Во-первых, любой окказионализм является авторским образованием. Именно поэтому В.В. Лопатину нравится термин эгологизм. Так, М.Е. Салтыков-Щедрин создал окказионализмы *белибердоносец, всенипочемство* («Об обычаях удальства, кумовства и всенипочемства» // Статья 1861 г.), *душедрянствовать, клоповодство, умонелепствовать каркатель, фиговидец, хныкательная эссенция, чернилоносное чиновничье воинство*; Н.В. Гоголь — *зеленкудрые, трептолистые*; Ф.М. Достоевский — *всество* (все мы — всество); Л.Н. Толстой — *ни то ни семное* (Толстой Л.Н. в письме к Страхову: «хочу постараться написать что-нибудь новое, уж не такое нескладное и *ни то ни семное*»); А.В. Суворов — *ничегонеделание, немогузнайка*; В. Белинский — *москводукшие*; В. Хлебников — *небич, речар, кричак, смехац, плясавица, любвица*; А. Блок — *надъвьюзный*; В. Маяковский — *поэтино сердце, людодузь, громадь, многонудье, молоткастый, серпастьный паспорт, разульбить, прозаседавишися, мандолинить*; С. Есенин — *клененочек, вербенята*; А. Белый — *безбочь, собство, спаха*; И. Северянин — *среброгорлый май, крутобрегое озеро, кружеветь, ажурь, воль, круть, лиловь, смуть, хрупь, ручейково, павлиньево, воскрыля к звезде*; С. Кирсанов — *кордильерствовать, океанствовать*; Е. Евтушенко — *кабычегоневышлизм* и под.

В научной литературе проанализированы окказионализмы не только названных выше авторов, но и В. Бенедиктова (И.Б. Лентьева), А. Вознесенского (М.А. Петриченко, В. Старцева), В. Высоцкого (В.П. Изотов, Т. Лавринович, О.В. Рисина), И. Ильфа и Е. Петрова (Т.Э. Лассов), Н. Клюева (К.Я. Сигал), В.И. Ленина (А.Г. Новоселова), В. Набокова (Л.А. Каракуц-Бородина), Ф. Одоевского (Т.А. Иванова), А.С. Пушкина (В.В. Краснянский, Е.Г. Усовик, Л.К. Филиппов), А. Солженицына (А.А. Волков), В. Строчкова и А. Левина (А.Э. Скворцов, Л.Р. Хасанова), А. Твардовского (О.С. Рябикова), А.П. Чехова (Е.А. Жигарева) и др.

Во-вторых, окказионализм тесно, неразрывно связан с определенным контекстом, понятен прежде всего в нем. Показателен в этом отношении пример окказионального употребления существительного *одноногость*, приведенный А.Г. Лыковым [Лыков

1990: 79]. Это слово может быть осмыслено в русском литературном языке как «свойство одноногого», в контексте же «Я не зря подчеркнул, что Б. бьет только левой ногой. «Одноногость» — бич многих наших футболистов» (Сов. спорт. 18.09.1988) оно имеет иное — окказиональное — значение: «умение хорошо играть в футбол лишь одной ногой».

Тесная связь с контекстом обуславливает такое свойство окказионализмов, как функциональная одноразовость [Лыков 1990: 79].

В-третьих, окказионализмы — это полноценные, ни в какой степени не ущербные единицы, «и даже более нужные в определенном контексте, более насыщенные по смыслу и эмоциональной нагрузке, чем обычные, общеупотребительные слова» [Лопатин 1973: 65].

Об этом же признаке окказионализмов писал и Г.О. Винокур. Анализируя словотворчество В. Маяковского, он обнаружил, что поэт никогда не считал создаваемые им слова необходимыми в литературном русском языке. Его новшества, по мнению Г.О. Винокура [Винокур 1943: 31], выполняют преимущественно художественную функцию. А.Г. Лыков [1990: 79] также считает, что у окказионализмов «номинативная функция ослаблена, зато подчеркнута функция экспрессии».

Специфика окказионализмов, по мнению В.В. Лопатина, заключается не в том, что это неполноценные слова, а «в том, что, обслуживая определенный контекст, данный частный случай, данную речевую ситуацию, они не претендуют на то, чтобы закрепиться в языке, войти в общее употребление» [Лопатин 1973: 65]. Поэтому они принадлежат речи, а не языку.

Но иногда окказионализмы все-таки закрепляются в нем. Например, вошли в язык такие новообразования М.Е. Салтыкова-Щедрина, как *пенкосниматель, головоотяпство, благоглупости; обломовщина* И.А. Гончарова; *карамазовщина* Ф.М. Достоевского; *бездарь* И. Северянина; *чертеж, рудник, маятник, насос, притяжение, созвездие* М.В. Ломоносова; *промышленность, влюбленность, рассеянность, трогательный* Н.М. Карамзина и под. Общественная потребность в номинации обеспечила в XX в. быстрое вхождение в язык новообразованиям *околоземный, прилуниться, реанимация, мелкотемье* и др. Однако количество таких

слов не велико. Анализ двух тысяч слов, представленных в банке русских неологизмов [Котелова 1983: 158—222], показал, что лишь 139 из них (в том числе *автопилот, акватория, акселерат, атлетизм, аэрация, бармен, бездумный, бездуховный, безотходный, биатлонист, бич, бичевать*) вошли в «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1997), что составляет около 8% от общего числа исследуемых слов [Плотникова 2001: 196]. Главная роль в узуализации нового слова принадлежит социальным факторам. К условиям, необходимым для вхождения инновации в литературный язык, можно отнести следующие: 1) социальную необходимость и обусловленность; 2) степень устойчивости нового слова, т.е. частотность его употребления в разных контекстах; 3) семантическую емкость (развитие многозначности, в том числе появление переносных значений); 4) функциональную целесообразность; 5) соответствие требованиям языковой нормы [Плотникова 2001: 196]. Таким образом, закрепление слова в языке — дело мало предсказуемое.

Некоторые окказионализмы рождаются в языке дважды и даже трижды: так, прилагательное *лошажий* (вместо *лошадиный*) встречается в текстах В. Маяковского и С. Есенина, существительное *сонь* — у тех же авторов и у Э. Багрицкого, глагол *берложить* — у Н. Асеева и А. Вознесенского и т.д.

Четвертым свойством окказионализмов является то, что они сохраняют свою новизну, ощущаются как новые независимо от времени создания. Это обусловлено их системной, запрограммированной неправомерностью.

Ненормативность как важный признак анализируется в работах Е.А. Земской и А.Г. Лыкова. По их мнению, окказионализмы — это слова, образованные с нарушением грамматических, словообразовательных и иных норм, обычно по непродуктивным либо абсолютно новым словообразовательным (или семантическим) моделям. Например, при образовании существительного *новоселость* С. Кирсановым использован иной грамматический тип мотиватора, чем принято при использовании этой модели: суффикс *-ость* обычно присоединяется к именам прилагательным (*новый* — *новость*, *старый* — *старость*), а не к существительным (*новосел* — *новоселость*); при образовании существитель-

ного *болитва* — непродуктивная модель: «глагол + *-тв(a)* = существительное со значением отвлеченного действия» и неканонический для русского литературного языка глагол-мотиватор (*бить* — *битва*, *болиться* — *болитва*); при образовании субстантива *люботаника* — новая словообразовательная модель на основе контаминации (*любить* + *ботаника*); при образовании депричастия *океанствуя*, *водопадствуя* — не существующие в языке глаголы *океанствовать*, *водопадствовать*.

Окказионализмам свойственна «неправильность, но не «естественная», а заданная, запрограммированная» [Лыков 1990: 78]. Такая неправильность окказионализмов совершенно оправдана, поскольку они являются «художественным произведением в предельном минимуме своего выражения»: любой окказионализм в пределах своего контекста выполняет идейно-эстетическую функцию [Лыков 1990: 78].

Окказионализмы как некодифицированные явления неправильны на уровне языка (они созданы с нарушением его норм), но эти же элементы на уровне текста — явление вполне нормальное. В художественном тексте соположение нормативных и ненормативных языковых единиц рассматривается специалистами как норма. Различительная сила всех названных выше признаков окказионального слова неодинакова. И только во всей своей «разовой совокупности» они способны определенно отграничить окказиональные слова от всех других единиц языка.

Несмотря на разработанность системы признаков окказионального слова Л.Г. Лыкова, до сих пор нет единой, общепризнанной теории окказиональности. В научной литературе сложились две основные концепции русского окказионального слова и его соотношения с неологизмами.

1.3.3. Широкое и узкое понимание окказионализмов

Первая, «широкая», точка зрения на сущность окказионализмов наиболее полно представлена в работах В.В. Лопатина и А.Г. Лыкова, которые были рассмотрены выше.

В.В. Лопатин включает в состав окказионализмов все однословные слова, созданные для конкретного контекста, независи-

мо от того, образованы они по правилам русского языка, как потенциальные слова, или с нарушением их (правил), как индивидуально-авторские новообразования (ср. А.С. Пушкин образовал слово категории состояния *кюхельбекерно* с помощью не существующего в русском языке суффикса *-но* от существительного *Кюхельбекер*, а не от прилагательного **кюхельбекерный*, что привело к нарушению модели: качественное прилагательное + *-о* = наречие / СКС). Новизна потенциальных слов из-за их правильности, соответствия законам узуса воспринимается как весьма незначительная.

Потенциальные слова — это слова, созданные по продуктивным моделям русского словообразования без нарушения его законов. Они потенциально уже существуют в языке, и нужен лишь внешний стимул, обусловленный речевой ситуацией, чтобы они были употреблены. Потенциальные слова чрезвычайно легко и свободно создаются в речи, как словосочетания и предложения. Достаточно вспомнить детское словотворчество, опирающееся в значительной степени на принцип аналогии и потому часто ликвидирующее отступления от правил: в речи детей мирно сосуществуют *покупатель* и *покупец*, *продаватель* и *продавец*. Потенциальные слова в отличие от индивидуально-авторских слов впоследствии легко входят в язык.

Такое объединение двух групп слов в один разряд окказиональных слов (или неологизмов) представляется В.В. Лопатину оправданным, поскольку и те и другие представляют собой слова, отсутствующие в языковой традиции, создаваемые в момент речи, тогда как все остальные слова в момент речи воссоздаются.

Вторая, «узкая», точка зрения на сущность окказионализмов представлена в работах Е.А. Земской, Э.И. Ханпиры и Р.Ю. Намитоковой: они понимают под окказионализмами только индивидуально-авторские слова, противопоставляя окказиональные слова потенциальным, не авторским. Термин **неологизм** используется ими только по отношению к потенциальным словам.

Противопоставление данных разрядов целесообразно, прежде всего, при словообразовательном аспекте исследования: потенциальные слова образуются по продуктивным словообразовательным моделям, а окказиональные — с отклонениями от существующих

ющих в языке словообразовательных стандартов, с нарушением словообразовательных норм (с отклонением от узуальных типов, моделей, по неuzuальным моделям и способам).

Можно подумать, что окказионализмы представляют собой какое-то уникальное или редкое явление речи. На самом деле это не так, окказионализмы — явление массовое. Мы даже не отдаем себе отчета в том, какое множество окказиональных слов создается на каждом шагу в разговорной речи. Убедительно доказывает это монография М.С. Улуханова, в которой анализируются способы русского словообразования. Его анализ показал, что большинство способов русского словообразования (53 из 79) являются окказиональными [Улуханов 1996: 94—95].

Причины появления неологизмов, потенциальных и окказиональных слов разнообразны. Это, прежде всего, полное отсутствие названия для нового явления, предмета или процесса; стремление избежать тавтологии — нежелание повторения одного и того же обозначения в тексте. Называются среди причин и такие, которые призваны объяснить возникновение нового наименования для явлений, уже имеющих свое обозначение в языке, т.е. причины появления новообразований, новых только по форме. Е.С. Кубрякова, например, говорит о неудачном старом названии, не соответствующем по своей внутренней форме вновь обнаруженным свойствам данного предмета или явления, а Л.А. Введенская — о потребности дать новое, более удачное наименование тому, что уже обозначено в языке. Наконец, некоторые исследователи подчеркивают, что бывают новообразования, объяснить причину появления которых невозможно [Торопцев 1964: 60].

Поскольку подразумевается индивидуальная деятельность говорящего в момент порождения речи, нужно помнить, что при этом он может опираться только на свой индивидуальный словарный запас. Отсюда можно сделать вывод, что причина появления новообразования, нового только по форме, может быть чисто психологической — незнание узуального слова говорящим или выпадение его из памяти в момент порождения речи.

Таким образом, причины, побуждающие автора к созданию индивидуально-авторских образований, можно сгруппировать следующим образом: а) необходимость точно выразить мысль

(узуальных слов для этого может быть недостаточно); б) стремление автора кратко выразить мысль (новообразование может заменить словосочетание и даже предложение); в) потребность подчеркнуть свое отношение к предмету речи, дать ему свою характеристику, оценку; г) стремление своеобразным обликом слова обратить внимание на его семантику, дезавтоматизировать восприятие; д) потребность избежать тавтологии; е) в поэтической речи — необходимость сохранить ритм стиха, обеспечить рифму, добиться нужной инструментовки. Первые три причины являются основными. Очень часто возникновение новообразования бывает вызвано не одной, а сразу несколькими причинами.

Вопросы и задания

- Сформулируйте выводы к каждому параграфу и главе в целом.
- Являются ли синонимами термины **неологизм**, **инновация**, **новообразование**? Обоснуйте свое мнение.
- Назовите существенные признаки неологизма, учитывая, что есть несколько теорий, объясняющих природу этого явления.
- Какое из определений вам кажется наиболее корректным? Аргументируйте свою точку зрения.
- Можно ли утверждать, что в основе всех определений неологизма лежит признак новизны (новизны разного типа)?
- Назовите аргументы против теории, авторы которой определяют неологизм как слово, обладающее признаком новизны.
- Почему денотативная теория неологизма не может быть принята безоговорочно?
- Почему определение неологизма, данное Н.З. Котеловой, считают конкретно-историческим?
- Назовите основные направления изучения неологизмов. Охарактеризуйте каждое из них.
- Назовите имена исследователей, изучающих неологизмы.
- Назовите и прокомментируйте принципы, лежащие в основе классификации неологизмов.
- Что такое окказиональное слово? Укажите его признаки.

- Сопоставьте признаки окказионализмов, выделенные В.В. Лопатиным и А.Г. Лыковым. В какой степени эти признаки совпадают? Чья точка зрения вам представляется более корректной и почему?
- Чем отличаются друг от друга узкое и широкое понимание окказионализма?
- Какие единицы языка могут быть окказиональными?
- Назовите виды окказиональных слов. Охарактеризуйте их.
- Что такое потенциальное слово? Назовите его признаки.
- Каково соотношение неологизма и окказионального слова, неологизма и потенциального слова?
- Каково значение окказиональных слов для языка?
- Назовите основные причины создания неологизмов. Проиллюстрируйте их собственными наблюдениями либо примерами из главы 1.

2. ТИПЫ НЕОЛОГИЗМОВ

Лексические новообразования чрезвычайно многообразны. Поэтому возникает проблема их классификации. Типология неологизмов, как и типология обычных слов русского языка, может быть построена с учетом самых разных признаков, свойственных этим единицам: формальных, семантических, парадигматических, синтагматических, социолингвистических и иных. Поэтому некоторые классификации неологизмов являются традиционными для лексики в целом (например, деление неологизмов по способу их образования, по стилистической окраске и под.), другие же опираются на признаки, свойственные только этим языковым единицам (например, деление неологизмов на группы по степени их новизны или по степени новизны обозначаемой реалии). Рассмотрим существующие типологии неологизмов более подробно.

2.1. Основные классификации неологизмов

2.1.1. Типы неологизмов по виду языковой единицы

По виду языковой единицы неологизмы делятся на **неолексемы**, **неофраземы** и **неосемемы** (слова и фразеологизмы).

Неолексемы представляют собой новые слова, являющиеся результатом заимствования (*имидж, киллер, папарацци, рейв, рэп, свингер, секьюрити, слоган, сингл, тамагочи, чизбургер*) либо процессов словообразования (*предел* → *беспредел*, *бизнесмен* → *бизнесменка*, *туалет* → *биотуалет*, *бомж* → *бомжатник*, *бомж* → *бомжиха*, *бомж* → *бомжевать*, *иностранная валюта* → *инвалюта*, *качать мышцы* → *качок*, *рассказывать* → *рассказачивание*)³.

³ Все приведенные в этом разделе неологизмы зафиксированы в качестве таковых в «Толковом словаре современного русского языка: Языковые изменения конца XX столетия» / Под ред. Г.Н. Складяревской (М., 2001), в исследованиях Н.З. Котеловой (слова со звездочкой) и В. Шапошникова «Русская речь 1990-х: современная Россия в языковом отображении» (М., 1998).

Неофраземы — это новые фразеологизмы и устойчивые сочетания слов с формирующейся идиоматичной семантикой, или аналитические сочетания, по терминологии Н.З. Котеловой [Котелова 1978: 17]. Например, в годы перестройки сформировались такие фразеологизмы, как *Белый дом* (о русских реалиях), *беловежский пакт*, *кредит доверия*, *непопулярные меры*, *популистские меры*, *правовое государство*, *декларация о доходах*, *прожиточный минимум*, *рекламная пауза*, *смешные цены* и под.

Неосемемы — это новые значения старых слов и фразеологизмов. Например, у существительного *экология* появилось новое переносное значение 'чистота, правильность, обусловленные гармоничным соотношением элементов; забота о такой чистоте': *экология духа*, *экология языка*, *экология культуры*; у существительного *демонтаж* — переносное значение, сформировавшееся в публицистическом стиле 'уничтожение или коренное преобразование чего-либо (общественных структур, системы управления государством и т.п.)'; у фразеологизма *светлое будущее* сформировалось переносное значение с иной стилистической окраской: в советское время оно зафиксировано в словарях с пометой *высок.* в значении 'о коммунизме', сейчас словари ставят помету *ирон.*, значение может быть сформулировано примерно следующим образом 'будущее, о котором мечтали в годы перестройки и которое стало светлым только для богатых'; фразеологизм *дворянское гнездо* приобрел значение 'место элитной застройки в городе для правящего класса и богатых' и помету *ирон.*

По данным Н.З. Котеловой, новые слова составляют примерно 90,7% русских лексических инноваций, неофраземы — 1,2%, неосемемы — 8% новых единиц, вошедших в словарь «Новые слова и значения. По материалам прессы и литературы 60-х гг.» [Котелова 1978: 19]. Исследователь полагает, что при широком понимании термина *неология* как науки о новом, ее объектом, помимо названных выше, могут стать и такие единицы, как:

а) **новые свойства старых слов**, например терминологизация слова в целом или его отдельного значения (**надежность*, **структура*), изменение стилистической или временной окраски (так, слова **мысленный*, **отлучить*, **стезя* потеряли уже в 60-е годы XX в. помету *устар.*; существительные **выходной*, **получка* — помету *разг.* и под.);

б) **новые формы словоизменения слова:** у прилагательных появляются формы степеней сравнения или краткие формы (**камерна, *зрелищны, *личностен, *предметнее*), у существительных — формы множественного числа (**единичности, *логики, *протяженности*);

в) **новая сочетаемость слов**, например **экскурсовод по чему (по стилям), *география чего* и под.;

г) **новые лексико-грамматические функции слов**, например использование союзов *и, или* в новой модели *фото- и кинопромышленность, авто- или электрогрузчик*, активно заявившей о себе в 60-е годы XX в., специализация слов в роли постоянных приложений (**цех-гигант, город-гигант*) или слов, соединяющихся с приложениями (**автомат-диспетчер, *автомат-секретарь* и под.) [Котелова 1978: 17–18].

Указанные процессы, характеризующие развитие языка, представляют собой интересный объект для научных исследований, но могут быть предметом анализа в исследованиях нелексикографического характера, поскольку с трудом поддаются лексикографическому описанию.

2.1.2. Типы неологизмов по степени новизны языковой единицы

По степени новизны неологизма, определяемой по соотношению с системой языка, новообразования делятся на **абсолютные** и **относительные**. Последние имеют еще и синонимичные термины: **функциональные неологизмы** или **актуализированные слова**. Более адекватным представляется термин **относительные неологизмы**, поскольку прилагательное **функциональный** оставляет неясным, о какой функции идет речь, прилагательное **актуализированный** передает признак лишь одной группы таких новообразований.

Абсолютным неологизмам обычно не дают развернутого определения, выявляя их признаки по соотношению с относительными неологизмами. Реально к абсолютным неологизмам относят те слова и фразеологизмы, которых ранее не было в языке, например: *бомж, бомжировать, масс-медиа, ди-джей, лейбл* и под.

Категория относительных неологизмов наиболее полно разработана в исследованиях Т.Н. Поповцевой [1990: 90—95] и в предисловии к «Толковому словарю современного русского языка: Языковые изменения конца XX столетия» (М., 2001. С. VI—X) [в дальнейшем — Словарь-2001]. В последней работе этот термин не используется, но разряды слов, выделяемые авторами словаря с точки зрения динамического состояния языка, содержательно коррелируют с обсуждаемым явлением.

Относительные неологизмы как группа слов, принципиально не новых для языка, признается исследователями сравнительно немногочисленной, но характерной и показательной для развития современного русского языка.

К **относительным неологизмам** относят следующие группы слов.

А) Так называемая **«вернувшаяся лексика»**. Это малоупотребительные или устаревшие слова, которые в последние годы (или на определенном временном отрезке) «актуализировались, сохраняя в своей «новой жизни» прежнее смысловое и функционально-стилистическое содержание» [Поповцева 1990: 90]. Например, в 70—80-е годы XX в. в связи с возрождением в нашей стране жанра синтетического эстрадного представления активизировалось употребление существительного *варьете*, которое с 20-х годов можно было встретить только в специальной литературе.

Среди «вернувшейся» лексики особую группу составляют термины религий, прежде всего православия, активно употребляющиеся на страницах современных изданий: *альтарь, Бог, Богородица, крестный ход, молебен, монах, паломничество, панихида, Патриарх, Пасха, Рождество, храм* и под. Аналогична судьба ряда архаизированных слов, обозначавших ранее государственные органы, образовательные учреждения, людей, работавших в них: *гильдия, гимназия, губернатор, гувернёр, лицей*.

Вернулась с периферии лексика, ассоциировавшаяся ранее с явлениями и признаками буржуазного общества, капиталистических стран, о чем свидетельствовали комментарии в толковых словарях (*в капиталистических странах, в буржуазном обществе*). В настоящее время эти слова обозначают реалии русской

действительности: *банкир, коммерсант, безработица, бизнес, забастовка, инфляция, многопартийность*. К этой же группе относятся имена реалий, заимствованных из социального устройства зарубежных стран и используемых в настоящее время для обозначения русских явлений: *муниципалитет, мэр, мэрия, офис, фермер, парламент*.

Б) **Актуализированная лексика** — слова, прежде существовавшие в русском языке, но выступающие на современном этапе в ином осмыслении. Например, существительное *земляне* в древнерусском языке имело значение 'люди, обрабатывающие землю, крестьяне', а в 60-е годы XX в. оно приобрело значение 'обитатели планеты Земля'.

Именно так понимается актуализация авторами Словаря-2001, которые относят к актуализированной лексике единицы так называемого основного фонда русского языка — обычные, привычные «старые» слова, претерпевшие в описываемый период семантические, стилистические, сочетаемостные, оценочные и другие изменения.

Таким образом, актуализация заключается в активизации семантических преобразований слова: в расширении сочетаемости и изменении ее характера, в образовании новых значений слов, в том числе переносных, а также в изменении значений слов в связи с идеологической переориентацией. Данное определение свидетельствует о более широком понимании относительных неологизмов составителями Словаря-2001, в число которых авторы словаря включают и семантические новообразования. Это отличает их позицию от традиционной точки зрения, согласно которой актуализированные неологизмы могут иметь изменения в составе только коннотативных, но не денотативно-сигнификативных сем.

В качестве иллюстрации в словаре приводятся такие примеры, как появление у прилагательного *рублевый* новых значений 'оцениваемый в рублях; такой, где расплачиваются в рублях; такой, где функционирует только отечественная валюта — рубль', которые делают его антонимом к прилагательному *валютный*: *рублевая зона, рублевая прибыль, рублевые средства, рублевые кредиты, рублевый счет* и под.

Существительное *диссидент* потеряло идеологическую окраску. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить его толкование в МАС-2 и в Словаре-2001. МАС-2: «Устар. Такой, кто отступает от господствующего в стране вероисповедания; вероотступник». Словарь-2001: «В советск. время: тот, кто не следовал коммунистической идеологии, противостоял существующему режиму и подвергался за это преследованиям и репрессиям. См. Антисоветчик. Отщепенец».

Образование устойчивых словосочетаний с разной степенью терминологичности характерно для слова *деньги*: *быстрые деньги*, *горячие деньги*, *грязные деньги*, *деревянные деньги*, *дешевые деньги* (о вкладах и кредитах с низкой процентной ставкой), *длинные деньги* (о кредитах, выдаваемых на длительный срок), *необеспеченность денег*, *отмывание (грязных) денег*, *пластиковые деньги*, *черные деньги* (доходы, скрытые от налогообложения) и под.

Одномоментное вхождение в язык группы однокоренных или одноструктурных слов также свидетельствует об актуализации этого понятия и обозначающего его слова. Так, существительные *спонсор*, *бомж*, *наркотик*, *рынок* и под. породили много новых слов: *спонсорство*, *спонсорский*, *спонсировать*, *проспонсировать*; *бомжевать*, *бомжировать*, *бомжиха*, *бомженок*, *бомжатник* и под. Активизировались такие словообразовательные средства, как приставки *анти-*, *про-*, *де-*, *рас-*, *ре-*, *пост-*, *супер-* и под., порождающая значительные группы неологизмов: *антиельцинский*, *антигорбачевский*, *антибаркашевский*; *проельцинский*, *проправительственный*; *деколлективизация*, *десоветизация*, *деидеологизация*; *реколлективизация*, *ренационализация* и под.

В) Внутренние заимствования — новые слова и фразеологизмы, появление которых обусловлено перераспределением языковых средств в видах и жанрах речи [Котелова 1982: 33; Поповцева 1990: 92]. Внутренние заимствования включают в себя те языковые единицы, которые проникают в литературный язык из русской разговорной речи, просторечия, диалектов, жаргонов и аргоса, из профессиональной лексики, разных областей знания (терминосистем) и т.п. Например, трудно найти человека, который не знал бы таких медицинских терминов, как *СПИД*, *ВИЧ-инфекция*, *мануальная терапия*, *антистидовский*, *хостис*, *антистрессо-*

вий; лексику молодежной субкультуры: *бодипирсинг*, *пирсинг*, *мейнстрим*, *рейв*, *рэп*, *тусовка*; термины бизнеса и финансового дела: *бартер*, *брокер*, *безвалютный*, *инфляция*.

Как показывают наблюдения, основную массу внутренних заимствований «составляет терминологическая лексика, которая, сохраняя свой терминологический характер в соответствующей науке, поступает в «актив» литературного языка благодаря популяризации научных знаний, культурному росту носителей языка» [Поповцева 1990: 94], активному «вторжению» в бытовую жизнь называемых терминами явлений.

Анализ относительных неологизмов показывает, что они обозначают только старые реалии [Поповцева 1990: 94–95]. Это может быть критерием для отграничения их от абсолютных неологизмов. Обозначение новой реалии старым словом свидетельствует о появлении абсолютного неологизма, или собственно неологизма, по терминологии Т.Н. Поповцевой.

Е.В. Сенько (1980) также предлагает классифицировать новообразования языка и речи в зависимости от степени их новизны, которая определяется в результате сопоставления неологизмов с господствующим языковым стандартом. На основе этого критерия Е.В. Сенько выделяет **сильные неологизмы**, **слабые неологизмы** и **неологизмы переходного типа**.

2.1.3. Типы неологизмов по виду обозначаемой реалии

По виду обозначаемой реалии (денотата или сигнификата) неологизмы делятся на пять групп: неологизмы, обозначающие новую реалию (1), старую реалию (2), актуализированную реалию (3), уходящую реалию (4), несуществующую (гипотетически представляемую) реалию (5). Эта типология новообразований была рассмотрена выше, в разделе 1.1. «Современная лингвистика о сущности неологизма».

2.1.4. Типы неологизмов по способу образования

По способу образования неологизмы делятся на **заимствованные**, **словообразовательные** и **семантические**.

К **неологизмам-заимствованиям** относят слова и фразеологизмы, перенесенные из одного языка в другой либо из одного подъязыка в другой подъязык того же языка. В зависимости от того, что является донором: другой язык или подъязык одного языка, **заимствования** делят на **внешние** (донор — другой язык) и **внутренние** (донор — один из подъязыков того же самого языка). Так, к внешним заимствованиям русского языка последних десятилетий можно отнести слова: *боди, свингер, слаксы, топ, топлесс, шазюбль, факс, ксерокс, гамбургер, чизбургер, тоник, крекер, ксерокс, роуминг, факс, гель, кондиционер, скраб, лайкра, крэз, нубук* и под. К внутренним заимствованиям — слова, проникшие в русский язык из жаргона и сленга: *байк, дурь, жмурик, качок, лаж, ментовка, наркота, облом, попса, тащиться, ширяться, тусоваться*; из терминосистем: *копирайт, мониторинг, ноу-хау, прайс-лист, пресс-релиз, римейк, трансферт, менеджмент, маркетинг, байт, драйвер, сканер, инсталляция (программы), дефолт, конвертация*.

Е.В. Ларионова, анализируя активный процесс проникновения англицизмов в русскую речь, предлагает выделять среди заимствований собственно **речевые заимствования** и **речевые проникновения**. Основание для их выделения заключается в том, что первое явление обусловлено потребностями языковой системы и носителей языка, а второе — речевыми привычками двуязычно говорящих [Ларионова 1993: 4].

К **словообразовательным неологизмам** относят неологизмы, образованные по моделям русского словообразования: аббревиатуры *ИНН* (индивидуальный номер налогоплательщика), *МЧС* (Министерство по чрезвычайным ситуациям), *АО* (акционерное общество), *ОМОН, РУБОП, СОБР*; сложные слова: *шоу-бизнес, пиар-кампания, интернет-сервис, рок-тусовка, секс-меньшинства*; простые производные слова: *антиреклама, антирыночный, антиноменклатурный, антиперестроечный, видеоиндустрия, видеопиратство*. Это самая многочисленная и разнородная группа русских новообразований. По данным И.С. Улуханова, в русском языке действуют 79 способов словообразования: 17 узуальных и 62 окказиональных [Улуханов 1996: 94—95], при этом используется 1013 суффиксов, 306 префиксов, 4 постфикса и 556 конфи-

сов, всего 1875 морфем [Ефремова 1996: 9]. Именно с их помощью и образуются словообразовательные неологизмы.

Словообразовательные неологизмы современной публицистики достаточно подробно охарактеризованы ниже.

К **семантическим неологизмам** относят старые слова и фразеологизмы, у которых появились новые значения. Примеры таких новообразований были приведены выше.

Семантические неологизмы составляют примерно 9% от числа всех инноваций русского языка последних лет [Никитченко 1985: 4]. Новые значения могут появляться у разных частей речи, но наиболее «неогенны» имена существительные: 61% новых значений свойствен именно субстантивам, 20% — именам прилагательным, 17% — глаголам [Никитченко 1985: 20].

Семантические неологизмы образуются прежде всего в ходе внутрисловной семантической деривации (66% всех выявленных Н.С. Никитченко новых семем):

- метафоризации — переноса по сходству: *сценарий* визита, компьютерные *пираты*, *отмывание* денег, валютная *интервенция*, производственная *вертикаль*, *живое* исполнение песни, транспортный *коридор* и под.;
- метонимизации — переноса по смежности, рядоположенности: *бройлер* ‘помещение для бройлерных цыплят’, *картошка* ‘работы по уборке картофеля’; в последние годы наибольшую продуктивность получила модель «часть — целое»;
- сужения или расширения значений; сужение значения обычно сопровождается специализацией какого-либо значения: *восстанавливать* ‘ремонтировать’, *информация* ‘программа для ЭВМ’; при расширении значения слово начинает обозначать большее количество однотипных явлений: *грузовик* ‘автомобиль / самолет / космический корабль, предназначенные для перевозки грузов’.

Среди семантических неологизмов 4% являются результатом внешнего или внутреннего заимствования и калькирования (*мать* в значении ‘материнская плата в компьютере’, *мышь* ‘управляющее устройство для компьютера’ и под.), около 30% созданы иными способами: семантико-морфологическим или способом агрегатирования [Никитченко 1985: 5]. При семантико-

морфологическом способе появление нового значения у слова обусловлено не закономерностями развития системы его значений, а одновременным присоединением аффикса и сопровождающими его семантическими сдвигами. Например, глагол *челночить* 'лично заниматься закупкой товаров за границей и продажей их на родине, совершая потоянные туры за рубеж, напоминающая работу челнока в каком-л. механизме', по мнению Н.З. Котеловой, образован от существительного *челнок* путем присоединения суффикса *-и(ть)* и одновременного метафорического сдвига. Аналогичный пример: *получить втык* → *втыкать*. Подобные дериваты часто рассматривают как обычные словообразовательные инновации с метафорической мотивацией.

При агрегатировании значения форма слова остается прежней, а появление нового значения невозможно объяснить законами семантического развития русских слов. К таким семантическим неологизмам относятся, например, новые значения, возникшие в результате использования слова в качестве условного названия (например, *дружба* 'танец', *пантера* 'танк' и т.п.), в результате несистемных случаев семантической деривации (*комок* 'комиссионный магазин', *совок* 'советский человек') или закрепления за словом значения исходного словосочетания (опосредованная деривация, семантическое стяжение): *комплекс* ← *комплекс неполноценности*, *послать* ← *послать к черту* [Котелова 1982: 31].

2.2. Типы окказиональных новообразований

При любом, широком (окказионализм = неологизм — любое неузуальное слово, появившееся в речи носителя языка) или узком (окказионализм — индивидуально-авторское речевое образование, явление, отличное и от языковых неологизмов, и от потенциальных речевых слов) понимании окказиональности принято выделять следующие типы окказионализмов:

- **Фонетические окказионализмы** рождаются в том случае, когда автор предлагает в качестве новообразования какой-либо звуковой комплекс, считая, что этот комплекс передает, содержит некую семантику, обусловленную фонетическими значени-

ями звуков, его составляющих. Классические примеры фонетических окказионализмов находим в экспериментальном стихотворении В. Хлебникова:

Бобэоби пелись губы,
Вээоми пелись взоры,
Пиээо пелись брови,
Лиэээй пелся облик,
Гзи-гзи-гээо пелась цепь.
Так на холсте каких-то соответствий.
Вне протяжения жило Лицо.

Чаще всего фонетические окказионализмы появляются в художественной речи и текстах СМИ.

Новообразование «*Супер-думс-думс-думс-танцевальный проект*» («МК в Нижнем Новгороде», 22—29.10.2000) однозначно отнести к фонетическим окказионализмам нельзя, хотя звуковой комплекс *думс-думс-думс* в данном сложном новообразовании несомненно передает звучание современной молодежной музыки. Этот окказионализм можно назвать фонетико-лексическим.

• **Лексические окказионализмы** создаются в большинстве случаев комбинацией различных узуальных основ и аффиксов в соответствии со словообразовательной нормой языка. При образовании лексических окказионализмов действует исторически сложившийся механизм словопроизводства. Иллюстрацией может служить, например, словообразовательный окказионализм *атомность* (Сейчас атомная станция представляет собой опасность не из-за своей «атомности»... // «КП — Нижний Новгород», 18.12.2001), который относится к словообразовательному типу существительных с суффиксом *-ость*, обозначающих отвлеченный признак, названный мотивирующим прилагательным *атомный*.

• **Грамматические (морфологические) окказионализмы** представляют собой образования, в которых, с точки зрения узуса, в конфликте находятся лексическая семантика и грамматическая форма. Например, при образовании форм множественного числа от слов *singularia tantum* типа **мусоры* ← *мусор* (устн.) или несчетных существительных типа **неоны* ← *неон*. Невозмож-

ное в системе языка оказывается возможным в авторском контексте благодаря творческому развитию лексического значения слова.

• **Семантические окказионализмы** появляются в результате семантических приращений (иначе говоря «обертонов смысла», «контекстуальных значений», «эстетических значений»), которые существенно преобразуют семантику исходной узуальной лексемы, употребленной в художественном контексте. Заметим, что круг семантических окказионализмов очертить значительно труднее, чем лексических или грамматических, поскольку практически каждое эстетически нагруженное слово образного текста характеризуется смысловыми приращениями, но работать с ними необходимо, так как они составляют неотъемлемую часть идиолекта писателя, текстов художественных произведений. Примером семантического окказионализма может служить прилагательное *лазоров* в стихотворении И. Северянина «Нерон»:

Мучают бездарные люди, опозорив
Облик императора общим сходством с ним.
Чужды люди кесарю: Клавдий так *лазоров*,
Люди ж озабочены пошлым и земным.

В семантическом окказионализме *лазоров* актуализированы смыслы, традиционно входящие в периферию лексического значения узуального прилагательного *лазоровый*. Коннотацией саркастичности окрашен весь текст стихотворения, соответственно и семантический окказионализм *лазоров* характеризуется приобретенной в данном контексте отрицательной экспрессией.

• **Окказиональные сочетания слов** представляют собой стечение лексем, сочетаемость которых в узусе невозможна, поскольку противоречит закону семантического согласования вследствие отсутствия общих сем в их лексических значениях. Благодаря возникновению контекстуально обусловленных семантических сдвигов в зависимом компоненте словосочетания общие семы появляются. Так, окказиональным является словосочетание *давнопрошедшие поэты* в стихотворении С. Кирсанова «В Лондоне»:

...Он — город часовых
в *давнопрошедших позах*,
подстриженной травы,
живых головок Греза,
ораторов в садах,
седеющих спортсменов
и стрелок, что всегда
дрожат на «переменно»...

Опорный компонент словосочетания — существительное *поза*, денотат которого может быть охарактеризован с точки зрения пластики, комфортности, но не может иметь временной характеристики. В контексте стихотворения *давнопрошедшие* означает 'традиционные, остававшиеся неизменными в течение веков, свойственные старинным временам, несовременные, архаичные'. Семы «архаичности» и «традиционности» доминируют в контексте стихотворения и делают приемлемым сочетание слов *позы* и *давнопрошедшие*.

• **Фразеологическими окказионализмами** называет Э. Ханпира особую группу окказиональных словосочетаний, которые мотивированы устойчивым сочетанием слов и построены на обыгрывании соотношения фразеологической производящей основы и производного окказионального словосочетания [Ханпира 1972]. К таким необычным словосочетаниям относятся, например, окказионализмы: *Жизнь спустя*, горячо приветствую такое умолчание матери (М. Цветаева) — ср. «*спустя годы*»; *Поживем — ульшим* (Л. Ленч) — ср. «*Поживем — увидим*».

Интересен окказионализм «*акуленок пера*» («...человек хочет получше узнать «*акуленка пера*» // «КП — Нижний Новгород», 11.10.2001). Слово *акуленок* — потенциальное, но его окказиональность усиливается тем, что оно образовано не на базе прямого, а на базе переносного значения фразеологизма «*акула пера*». Таким образом, при образовании данного окказионализма можно выявить двойные окказиональные связи: от потенциального слова — к усилению окказиональности вследствие мотивированности новообразования фразеологизмом.

• Э. Ханпира выделяет и так называемые **синтаксические окказионализмы**, относя к этому типу новообразований конструк-

ции с окказиональным управлением: «Иду, и холодеют росы и серебрятся о тебе» (А. Блок); окказиональный порядок слов: «Рабочего громады класса враг» (В. Маяковский).

• Особое место среди разных видов окказиональных слов занимают **словообразовательные окказионализмы**, словообразовательная норма в которых может нарушаться в различной степени. В связи с этим некоторые ученые предлагают различать разные степени окказиональности новообразований:

а) **окказионализмы первой степени** — это стандартные потенциальные образования, созданные в полном соответствии с деривационными нормами современного русского литературного языка. Часто такие окказионализмы называют потенциальными словами (см. приведенное выше существительное *атомность*);

б) **окказионализмы второй степени** — частично стандартные образования, причем отступления от деривационной нормы, произошедшие при образовании окказионализма, не порождают трудностей семантической интерпретации. Например, прилагательное *эхоголосые* в строке С. Кирсанова «мхи диалектов *эхоголосых*» несколько не соответствует узуальной деривационной модели (ср. прилагательные типа *звонкоголосый*, *большеглазый*, *темноволосый*), поскольку первая основа окказионального композита — основа имени существительного (*эхо*), а не прилагательного. Но выявленное отступление от нормы не затрудняет дешифровку новообразования: *эхоголосые*, т.е. «доносящиеся до нас из глубины веков, как эхо доносится издалека»;

в) **окказионализмы третьей степени** — это сугубо окказиональные, полностью нестандартные образования, семантическая интерпретация которых достаточно трудна, а отступление от деривационной нормы существенно. Такие образования часто не имеют аналогов даже среди окказионализмов. Например, окказионализм А. Вознесенского *тюрьмым-тюрьма* в строке *в душе — тюрьмым-тюрьма* деривационно не соответствует отчасти структурно подобным *темным-темно*, *белым-бело* и др., так как мотивирован не прилагательным, а существительным, которое от лексем-образцов наследует суффикс *-ым*, чуждый существительному. Только исследование семантики существительного *тюрьма*, круга устойчивых ассоциаций, рождаемых этим словом, при уче-

те «накала» состояния, подчеркиваемого повтором мотивирующей основы, и семантики лексем-образцов типа *темным-темно, черным-черно* позволяет прийти к истолкованию названного окказионализмом состояния души как тягостного, мрачного, безнадежного одиночества, как мучительного чувства внутренней несвободы.

Словообразовательный анализ окказионализмов, выявляющий сущность отклонения от словообразовательного типа, по которому образован окказионализм (использована нетипичная словообразовательная база, аффикс и т.п.), позволяет выделить среди них следующие группы слов.

• **Окказионализмы, созданные по продуктивным словообразовательным типам** (потенциальные слова, окказионализмы первой степени). В окказионализмах этого вида не нарушаются условия образования производных слов того или иного типа вне зависимости от того, обладает ли данный тип эмпирической продуктивностью или нет. Чаще в таком случае в качестве образца выступают продуктивные типы. Наиболее полной реализацией словообразовательной системы являются окказиональные слова, созданные по продуктивным словообразовательным моделям, по образцу продуктивных словообразовательных типов.

Слова, созданные по продуктивному словообразовательному типу, языковеды М.А. Бакина, Н.А. Богданов, В.В. Лопатин, Г.О. Винокур и др. часто называют потенциальными, отмечая их структурную аналогичность словам определенных словообразовательных типов, представленным в языке. Они потенциально существуют в языке, и нужен лишь внешний стимул, обусловленный речевой ситуацией, чтобы они были употреблены. Словообразовательная структура потенциальных слов полностью соответствует структуре реальных (входящих в языковую систему) слов, представляющих продуктивные и высокопродуктивные словообразующие типы; потенциальные слова «запрограммированы» языковой системой. Хотя такие единицы чаще не квалифицируются как языковые, высокая продуктивность словообразовательного типа, к которому относится речевое слово, всегда создает значительную вероятность того, что соответствующая единица су-

ществует в языке, но недавно, а потому еще не зафиксирована лексикографически [Реформатский 1967: 133].

В современном словообразовании Е.А. Земская отмечает большое количество потенциальных имен существительных с суффиксами *-щик/-льщик*-, *-чик*-, *-ник*-, *-ик*- и со словообразовательными значениями «лицо — носитель предметного признака» и «лицо — носитель процессуального признака». Например: *проверяльщик, рефератчик, жилищник, налоговый, бюджетник, сырьевик*.

• **Окказионализмы, произведенные по образцу непродуктивных и малопродуктивных в ту или иную эпоху типов, т.е. с нарушением законов эмпирической продуктивности (окказионализмы этой и двух последующих групп относятся к окказионализмам второй степени).** В данном виде окказионализмов нарушается общая пассивность, бездеятельность типа в ту или иную эпоху, но условия образования производных слов этого типа не затрагиваются. Такие окказионализмы почти полностью соответствуют словообразовательной системе русского языка. Так, окказионализм *кучковаться* («Участники были возбуждены, *кучковались* вокруг Борьки» [В. Амлинский]) создан по образцу немногочисленных мотивированных существительными глаголов с суффиксом *-ова-* и постфиксом *-ся*: *столоваться, почковаться*. Данный окказионализм, как видно из примера, не нарушает условий соответствующего словообразовательного типа.

• **Новообразования, созданные с отклонением от схемы определенного словообразовательного типа.** Подобные отклонения могут касаться словообразовательного средства. В этих случаях окказиональное слово синонимично узуальному слову языка с типовой структурой, но отличается от него формантом. Например, окказиональное *выров* («Говорят, местная стоматологическая поликлиника не выполнила план по *вырову* зубов без наркоза» [О. Ждан]), по-видимому, используется вместо синонимичного ему узуального *вырывание* [Радибурская 1992]. Здесь нарушены лексические ограничения в соединении морфем: в языке нет лексической лакуны (вакансии), которую стремится занять окказионализм, это место уже занято.

Вместе с тем, нарушая условия одних словообразовательных типов, подобные окказионализмы выполняют условия других

словообразовательных типов, являясь результатом действия последних: соответственно — отглагольных существительных с нулевым суффиксом (*вызов, выход* и др.), обозначающих отвлеченное действие.

Нарушения условий словообразовательного типа при создании окказиональных слов могут затрагивать и мотивирующую основу. Окказионализмы нередко образуются от основ иных лексико-грамматических свойств, чем требуется по условиям типа. Так, словообразовательный формант может присоединяться к основе иной части речи. Окказионализм *урательные* («Все мои *урательные* материалы печатались...» // «Советская культура», 21.01.1988) создан с помощью суффикса *-тельн(ый)*, который обычно присоединяется к основам существительных (*состояние* → *состоятельный*, *образование* → *образовательный*) и глаголов (*удовлетворить* → *удовлетворительный*, *привлечь* → *привлекательный*). В данном же случае указанный суффикс присоединяется к междометной основе *ура*.

Словообразовательный формант может сочетаться с основой иной семантики, чем это принято в языке. Так, окказионализм «*москвичата*» («*москвичата*» находят свой покой где-нибудь во дворах, кюветах или на пустырях» // «КП — Нижний Новгород», 25.08.2001) образован присоединением словообразовательного форманта *-ат(а)* со значением незрелости к основе неодушевленного существительного «*Москвич*» (название марки автомобиля). В представленном случае нарушаются семантические ограничения в сочетаемости морфем.

Нередко наблюдаются стилистические несоответствия морфем при образовании окказиональных слов. Стилистические ограничения в сочетаемости морфем имеют иной характер, чем ограничения семантические, словообразовательные и формальные. Они обнаруживаются как тенденции сочетаемости/несочетаемости, а не как строгие, не нарушаемые законы. В определенных условиях эта необычность производных существительных, создаваемая контрастностью сочетающихся в составе слова единиц, может понадобиться говорящему, желающему использовать выразительные возможности языка.

В словах *вручант* («В номинации «Русский вручант» побеждает Борис Ельцин» // «Ника», ОРТ, 27.04.2002), *прессуха* («Так была задумана «радикальная прессуха», где Петкун прошелся по всем — от журналистов до коллег по цеху // «Аргументы и Факты», 2002, № 14) нарушаются стилистические ограничения в сочетаемости морфем, поскольку заимствованный суффикс *-ант* присоединяется к основе исконного нейтрального глагола *вручать*, а стилистически сниженный суффикс *-ух(а)* присоединяется к книжной основе (*пресс-*).

Формальные ограничения в сочетаемости морфем могут нарушаться, когда в словообразование по характерным для русского языка моделям и способам включается иноязычное слово, недостаточно освоенное русским языком. В региональной прессе последнего времени часто встречается неологизм *пиар*, образованный от английской аббревиатуры PR — public relations («связи с общественностью»), например, «специалисты черно-белого *пиара*» («МК в Нижнем Новгороде», 25.10—1.11.2001) и др. Можно отметить, что неологизм *пиар*, вошедший в активное употребление в печати и, несомненно, принадлежащий к ключевым словам современной эпохи, одновременно становится окказиональной базой для появления новых слов, например *пиарить*, *пиарщик*, *пиаровый*.

Вместе с тем несоответствие системе, проявляющееся в нарушении какого-либо одного из условий словообразовательного типа, сопровождается следованием системе в отношении других условий, сторон данного типа. Так, в рассмотренных выше случаях к нетипичной (по частеречным, семантическим, стилистическим и формальным свойствам) для данного типа мотивирующей основе присоединяется типовой формант.

Как верно отмечает М.А. Бакина, окказиональные слова, представляющие собой какое-либо отклонение от структуры словообразовательного типа, можно рассматривать как возникающие по аналогии к образованиям этого типа и воспроизводящие в своей структуре один из компонентов их структуры [Бакина 1975]. Факт аналогии в данном случае свидетельствует как раз о влиянии системы. Более того, нарушая условие одного типа, окказио-

нализм может строиться в соответствии с условиями другого словообразовательного типа. В целом при образовании окказионализмов с каким-либо отклонением от словообразовательного типа в большинстве случаев используются стандартные языковые средства (основы, аффиксы); нарушаются лишь условия их валентности, т.е. сочетаемости.

• **Окказионализмы, созданные по конкретному образцу** — это окказионализмы, созданные по образцу отдельного слова типовой структуры, слова с уникальным аффиксом или с остаточной основой, а также по образцу произвольно членимого слова. Например, дериват *слышность* («Чтобы перестройка и *гласность* дали результаты, нужна еще так называемая *слышность*» // док. телефильм «Группа товарищей») воспроизводит типовую структуру слова-образца *гласность*, относящегося к словообразовательному типу существительных с суффиксом *-ость*, обозначающих отвлеченный признак, названный мотивирующим прилагательным (*смелость*, *ответственность* и т.п.).

Более сложным оказывается отношение к словообразовательной системе тех окказиональных слов, которые действительно созданы с нарушением словообразовательных правил и закономерностей.

• **Нетиповые окказионализмы** (окказионализмы третьей степени). Встречаются случаи, в которых асистемность окказиональных слов проявляется особенно ярко. К таким случаям относятся отмечаемые рядом исследователей явления контаминации, междусловного наложения, слияния частей предложения в одно целое, перехода аффиксальных элементов в знаменательные слова, произвольного усечения основ и др. К указанному способу слияния относится, например, слово *как-бы-реформы* («...учились в дремучие времена Константина Устиновича Черненко и его школьной *«как-бы-реформы»* // «МК в Нижнем Новгороде», 6—13.09.2001). Интересен также окказионализм *губермобиль* («*губермобиль*» представляет собой «Волгу» ГАЗ-3110» // «КП — Нижний Новгород», 31.08.2001), созданный путем контаминации — сложения начальной и конечной частей слов *губернатор* и *автомобиль*. В подобных случаях говорят о внетиповом возникновении

окказионализмов (Калниязов 1975) или об окказиональном способе словообразования [Янко-Триницкая 1975].

Но и в подобных случаях можно отметить проявление словообразовательной системы. Так, в образовании окказионализмов, созданных путем междусловного наложения, не сопровождающегося усечением (*велосипедагогические науки*), наблюдается аналогия с представленным в языке способом сложения с наложением частей мотивирующих основ (*лермонтовед, табакур* и т.п.). Образование окказионализмов на основе целого предложения (*всеполшияпошел*) по сути идет по известному в языке способу слияния слов (*вечнозеленый, дикорастущий* и т.п.). Развитие контактированного окказионального словообразования ведет к росту агглютинативных черт в семантике, структуре производного слова, что является наиболее общей тенденцией развития современной словообразовательной системы [Никитина 1972].

При создании окказионализмов с использованием неморфемных элементов (при наложении, усечении или присоединении в качестве аффикса) система заявляет о себе участием в этом процессе мотивирующих основ и слов, существующих в языке, а также аналогией с представленными в узуальных словах наложением, усечением, аффиксальными способами словообразования. Произвольный отрезок, употребляемый в качестве аффикса, окказионален только по форме, значение же его обычно представлено в системе аффиксальных значений.

2.3. Типы окказиональных слов

Классификация окказиональных слов в целом коррелирует с классификацией неологизмов, хотя частично может отличаться от нее. Типы окказиональных слов (лексических словообразовательных окказионализмов) выделены и описаны прежде всего в работах Р.Ю. Намитоковой (1986, 1989). Автор не использует термин **окказионализм**, хотя анализирует именно их, заменяя его термином **новообразование**.

Р.Ю. Намитокова предлагает следующую типологию новых слов.

Новые слова:

1. Неологизмы

2. Новообразования

2.1. Авторские:

2.1.1. Художественные

2.1.2. Научные

2.2. Неавторские

2.2.1. Разговорные

2.2.2. Детские

По мнению Р.Ю. Намитоковой, все новые слова делятся на **неологизмы** (единицы языка) и **новообразования** (элементы речи). В состав последних и входят авторские новообразования, которые автор определяет как речевые новообразования, впервые встреченные на страницах письменного текста — художественного или научного — и не отмеченные в словарях национального языка; они живут только в тексте и потому обладают признаком необычности, новизны, но при благоприятных условиях могут превратиться в факты языка.

Р.Ю. Намитокова классифицирует новообразования по признаку известности/неизвестности их автора, создателя, по сфере (функциональному стилю, языковому коллективу), в которой они возникли, и по степени структурной новизны (абсолютно новые — частично новые).

Авторские художественные новообразования хорошо известны всем и анализировались выше. Примером **авторского научного новообразования** могут служить термины *экология языка*, *лингвоэкология* и *лингвоцид*, первый введен в научный оборот Л.И. Скворцовым, два последних — А.П. Сквородниковым. При введении термина лингвисты пытаются дать его определение. По мнению А.П. Сквородникова, второй термин можно определить следующим образом: «Лингвоэкология — это находящаяся в процессе становления лингвистическая дисциплина, тесно связанная с такими разделами лингвистики; как социолингвистика, этнолингвистика, теория культуры речи, история языка; взаимодействующая с рядом других гуманитарных дисциплин (этнопсихологией, социологией, историей данного народа, историей его культуры) и исследующая проблематику языковой и речевой

среды в ее динамике (т.е. факторы, негативно влияющие на развитие языка и его речевую реализацию) и проблематику языковой и речевой реабилитации (т.е. факторы, пути и способы обогащения языка и совершенствования общественно-речевой практики» [Сковородников 1996: 46].

Особенностью авторских научных новообразований — в отличие от окказионализмов художественной речи — является обязательное обоснование необходимости их введения, объяснение специфики их структуры и значения, исторические экскурсы в историю термина и историю изучения обсуждаемой проблемы. Например, А.П. Сковородников обосновывает введение нескольких новых терминов, позволяющих разработать научный аппарат новой науки — лингвоэкологии — следующим образом: «По аналогии с собственно экологическим термином «экоцид» (разрушение окружающей человека природной среды, нарушение экологического равновесия) можно использовать термин «лингвоцид» для обозначения политики ограничения, дискриминации и подавления языка какого-либо народа; по аналогии с термином «биотехнология» — термин «лингвистическая технология» для обозначения совокупности методов и мер, направленных на ослабление негативных или стимулирование позитивных факторов развития и функционирования языка; по аналогии с термином «почвенная эрозия» — термин «лексическая эрозия» для обозначения процесса утраты слов, представляющих семантическую и/или системообразующую ценность на данном этапе существования языка; по аналогии с термином «аллергия» — термин «языковая аллергия» для обозначения индивидуальной или социальной реакции отторжения какого-либо слова или оборота и т.д.» [Сковородников 1996: 47]. Приживутся ли данные термины в науке, зависит от самых разных лингвистических, психо- и социолингвистических факторов.

Неавторские разговорные новообразования проанализированы в работах Е.А. Земской, М.В. Китайгородской, В.З. Санникова и других исследователей разговорной речи. Все они отмечают, что в словообразовании действуют две разнонаправленные силы: тенденция к строгой организации системы с последовательным заполнением всех пустующих клеток и «капризы лексики»

(В.В. Виноградов), власть узуса, которые нарушают строгую системную организацию. Это обусловлено тесной связью словообразования с потребностями номинации.

По мнению Е.А. Земской, «раскованный характер протекания РР, обуславливающий свободу словотворчества, приводит к тому, что в РР силы регулярные оказываются более действенными и влиятельными, чем силы нерегулярные и власть узуса. Система словообразования в РР организована более регулярно, чем в КЛЯ (РР — разговорная речь, КЛЯ — кодифицированный литературный язык)», в словообразовании РР меньше лакун [Земская 1981: 177]. Например, в КЛЯ существительные на *-ш(а)*, обозначающие лиц женского пола и мотивированные существительными, обозначающими лиц мужского пола, немногочисленны и образуются только от существительных с основой на сонорный звук. В РР эти существительные образуются от субстантивов с исходом на любой согласный: *адвокатша, кандидатша, гомеопатша, завша, невропатологша, стратегша, йогша* и под.

РР свойственна замкнутость на субъекте, этим объясняется особая продуктивность в РР возвратных глаголов, в том числе окказиональных: *«Сейчас я пойду *овощиться*»; *«Вы все продолжаете *морковиться*?» (пить морковный сок); *«Я сегодня *фестивалился*» (был на кинофестивале); *«Ну что ты *черепашишься*? Ползи скорее!»

В РР чрезвычайно много новообразований, созданных с установкой на языковую игру: «Давайте назовем Свердловск *Ельцинбургом*, а улицу Ленина — *Россельштрассе*» (это шуточное предложение записано в начале 90-х годов XX в., в период активных переименований улиц, городов, государств; Россель — губернатор Свердловской области); *«Сейчас будет чаепитие? — *Кофепитие*», *«Художественный *домысел-примысел* должен быть».

В целом разговорные новообразования напоминают детские неологизмы, но они создаются по разным причинам: дети только осваивают язык и потому свободно используют словообразовательную модель, не обращая внимание на «капризы» узуса и лексики при создании необходимой им номинации; новообразования разговорной речи строятся с сознательным отступлением от кодифицированных норм словоупотребления, с установкой на

языковую игру, выразительность, яркость, образность (реже точность) речи. Иллюстрацией последней установки говорящего может быть хорошо известный пример Е.А. Земской: дед говорит о своей внучке: «Я ее *усыновить* хочу. Нет, *удочерить, увнучить*», где корректировка номинации определялась желанием пожилого человека более точно обозначить ситуацию, возможна и некоторая установка на языковую игру, но она не была прямо выражена в описании ситуации произнесения этой фразы.

Особенности **детских неавторских новообразований** были освещены в работах А.Н. Гвоздева, Т.А. Гридиной, С.Н. Цейтлин, В.К. Харченко, К.И. Чуковского и др. Под детской инновацией обычно понимают любой языковой факт, зафиксированный в речи ребенка и отсутствующий в общем употреблении [Цейтлин 2000: 164].

В речи детей выделяют разные типы инноваций: фонетические (*вишневьй* с ударением на первом, а не втором слове 'относящийся к вишне'), словообразовательные (*дыркодел* 'экскаватор', *завинтка* 'приспособление для завинчивания', *пчелинник* 'улей', *гармонить* 'играть на гармони'), формообразовательные (морфологические: «Купи мне одну *санку*», *крепчей* вместо *крепче*, *искаю*, *рисовую* вместо *ищу*, *рисую*, *глазов* вместо *глаз*), лексико-семантические (*беспомощный* 'характеризующийся отсутствием помощи', *мельница* 'жена мельника'), синтаксические (например, ошибка при построении двойного отрицания: *Я всегда не ем кашу* или *Я никогда ем кашу* вместо *Я никогда не ем кашу*).

По степени новизны для литературного языка детские новообразования делятся на собственно новообразования и модификации единиц взрослого языка. К первым относятся новые для русского языка, не существовавшие в нем ранее слова (*насутиться*, *намакарониться* 'наестся супа/макарон', *позеркалиться* 'посмотреться в зеркало'), ко вторым — модификации уже существующих единиц (*покупец* вместо *покупатель*, *продаватель* вместо *продавец* и т.п.).

С.Н. Цейтлин выделяет среди детских новообразований инновации восприятия речи и инновации ее продуцирования [Цейтлин 2000: 164]. Например, осмысление Женей Гвоздевым существительного *санки* как формы множественного числа в вопросе

отца о том, не купить ли ему санки (инновация восприятия), повлекла ответ: «Нет, не надо, купи только одну *санку*» (инновация продуцирования). К инновациям восприятия относят многочисленные переосмысления ребенком узуального слова: *деревня* 'где деревьев много', *бесплатная* 'не имеющая платя, неодетая' (примеры В.К. Харченко) и т.п.

Детские инновации стремятся заполнить существующую в языке лауну (значение «опуститься на цветок (о насекомом)», не обозначенное в современном русском языке отдельным словом, ребенок передает неологизмом *прицветочиться*, «маленький кусочек стекла» — существительным *стекленок*, «тот, кто забывает» — *забыватель*), часто строятся по аналогии (*покупец* по аналогии с *продавец*, *продаватель* по аналогии с *покупатель*, *понь* по аналогии с *конь*) и опираются на особенности детского восприятия и членения мира, номинируя кусочки действительности, важные именно для детей.

Детские новообразования чрезвычайно многочисленны: об этом свидетельствует опыт общения с детьми и словари детских новообразований А.Н. Гвоздева, С.Н. Цейтлин, В.К. Харченко, К.И. Чуковского и др. Эти новообразования выявляют потенциальные возможности языковой системы.

Разнообразные окказионализмы, изучаемые современной лингвистикой, чрезвычайно интересны не только для характеристики потенциальных возможностей языковой системы, но и для анализа речевых явлений, поскольку высокохудожественные, эстетически ценные авторские окказионализмы являются важным текстообразующим средством, отличаются исключительной семантической емкостью.

Вопросы и задания

- Сформулируйте выводы к каждому параграфу и главе в целом.
- Назовите основные типы новых явлений в языке, выделенные Н.З. Котеловой и Э. Ханпирой.
- Какие основания используют современные исследователи для классификации неологизмов?

- Каковы типы неологизмов по виду языковой единицы?
- Какая группа инноваций русского языка количественно наиболее (наименее) велика? Чем это обусловлено?
- Что такое абсолютные неологизмы?
- Каковы признаки относительных неологизмов? Охарактеризуйте основные группы относительных неологизмов.
- Назовите виды неологизмов по виду обозначаемой ими реалии и проиллюстрируйте их собственными примерами.
- Чем отличаются речевые проникновения от речевых заимствований?
- Вспомните основные типы заимствованной лексики, выделяемые в русской лексикологии (кальки, собственно заимствования, иноязычные вкрапления и т.п.). Подберите примеры к каждой группе заимствований из числа известных вам неологизмов.
- Охарактеризуйте типы неологизмов по способу их образования.
- Назовите основные способы создания семантических неологизмов.
- Какие классификации окказионализмов являются специфичными только для них, какие — общими для неологизмов и окказионализмов?
- Что такое словообразовательные окказионализмы I, II, III степени?
- В чем заключается специфика художественных / научных / детских / разговорных новообразований?
- Что такое инновации восприятия и инновации продуцирования? Кто является автором этой классификации?

3. ОСОБЕННОСТИ СЛОВОТВОРЧЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

Решительные трансформации государственного устройства, политической системы, идеологических доминант, экономического уклада в России, по мнению ученых, «повлекли за собой значительные изменения в русском языке, прежде всего в его лексике. Они выражаются как в ресемантизации (реконнотации) или архаизации ранее известных слов и устойчивых словосочетаний, так и во введении новых в активное употребление» [Васильев 2003: 25]. Конец XX—начало XXI в. характеризуются активизацией деривационных процессов, обилием новообразований, отражающих назревшие потребности социума.

Как показывают наблюдения, новообразования последнего времени достаточно широко представлены в языке газеты. Это объясняется тем, что газета, как один из видов массовой коммуникации, разносторонне и быстро отражает события каждого нового дня. В наши дни газета — самый чуткий регистратор новых слов, значений, словосочетаний. Она значительно быстрее всех других жанров письменной речи отражает сдвиги, которые происходят во всех сферах жизни общества, и в большинстве случаев является первым письменным источником, фиксирующим рождение новых слов, значений и выражений, претендующих на вхождение в общеупотребительную лексику. Появление новых слов непосредственно в языке газеты и, кроме того, «посредничество газеты» при переходе новых слов в общеупотребительную лексику — все это может служить иллюстрацией особенностей словообразовательных процессов в языке. Кроме того, именно в газете возникают и определяются многие важнейшие тенденции развития современного русского литературного языка.

В связи с новой установкой журналистов «на живую речевую стихию социума, а не на конструирование особого политического языка, как это было в прошлом, когда язык средств массовой коммуникации рассматривался прежде всего в качестве инструмента идеологического воспитания масс», «современная пресса вбирает в себя самые разнообразные формы речевого общения» [Современный русский язык 2003: 265] и отражает речевую практику многих социальных групп говорящего коллектива, что приводит к сосуществованию и активному взаимодействию в языке современных СМИ крайне разнородных языковых ресурсов, тяготеющих как к «высокому», так и к «сниженному» стилистическим полюсам, иноязычных заимствований, заимствований из пассивного словарного фонда языка, жаргонов и просторечия. Это обуславливает относительно высокую проницаемость различных, в том числе «далеких», подсистем языка (политический дискурс — бытовой дискурс — социальные жаргоны — профессиональные жаргоны) и «определяет высокую скорость сменяемости языковых средств, циркулирующих в СМИ» [Современный русский язык 2003: 259].

Для современного публицистического стиля в целом характерна яркая полемичность, высокая степень оценочности новобразований и несомненная убедительность (во всяком случае, стремление к ней).

В словообразовательных процессах сегодня находят яркое и непосредственное отражение изменения в словарном составе, связанные с развитием общественного мировоззрения. В фактах словотворчества отражены видение и оценка говорящими явлений современной российской действительности. На первом плане обозначения в СМИ — массовые, общественные, социальные явления, хотя немало внимания уделено и человеку как единице социума.

Объектом номинации и оценки в современных СМИ становятся явления общественной жизни, экономики, политики, культуры; общественно-политические деятели, звезды и деятели поп-культуры и шоу-бизнеса: «американская акция по *осчастливлению* Ирака...» (ОРТ, 14.04.2003); «Самый высокий имидж у

страны был при Горбачеве... Что после этого произошло с *имиджируемой* державой, всем известно» (ОРТ, 28.04.2003); «Израильтяне считают, что снос домов — эффективное средство заставить шахидов перестать *шахидить*» (ОРТ, 11.11.2002); «*Шахидки* взрывают себя посреди толпы в столице» (КП, 23.07.2003); «Европа взялась за *«Путиниану»*» (КП, 03.10.2001); «Станет ли Питер *«Путинбургом»?*» (КП, 16.03.2002); «Кинофестиваль подарит нам настоящее кино, а не ту *серийщину*, которую я (мэр Москвы Ю.М. Лужков. — *Прим. авт.*) не могу досмотреть до конца» (ОРТ, 20.06.2003); «жизнь на фабрике (*«Фабрика звезд-2»*. — *Прим. авт.*) просто бурлит от *полуфабрикатских* страстей» (ОРТ, 15.04.2003); «*прединтернетный* народ» — о тех, кто не умеет себя культурно вести в интернете (ОРТ, 21.04.2003).

Новые явления реальной действительности, требуя новых наименований, активизируют отдельные звенья словообразовательной системы языка. Наблюдения над современными деривационными процессами позволяют, с одной стороны, выявить наиболее активные звенья словообразовательного механизма, а с другой — установить способы, приемы освоения языковым сознанием новых реалий общественной жизни. Духовная жизнь общества находит выражение не только в номинативных языковых (речевых) единицах, способах их организации в тексте, но и в языковых (речевых) средствах оценки обозначаемых реалий.

Анализ новообразований в печати, теле- и радиозфире последних лет позволяет сделать некоторые выводы о появлении новых слов в пределах заданного отрезка времени, определить возрастание или затухание продуктивности той или иной словообразовательной модели или морфемы, установить наиболее активные звенья современных словообразовательных процессов, выявить формирование новых словообразовательных гнезд. Все эти закономерности обнаруживаются в процессе речевой номинации явлений современной действительности, в процессах окказиональной деривации.

3.1. Особенности современных словообразовательных процессов

Словообразовательные неологизмы всегда составляют большую часть новообразований любого языка, в том числе русского. Неологизмы последних лет наиболее полно освещены в монографии «Русский язык конца XX столетия» (М., 1996), в главе, написанной Е.А. Земской, в работах В.Г. Костомарова, В.Н. Шапошниковой и др. Материалом для их наблюдений были в основном язык современной периодической печати, радио и телевидения и разговорная речь носителей русского языка 80—90-х годов XX в. Анализ именно таких данных обусловлен той ролью, которую средства массовой информации играли в конце столетия, и резкими изменениями разговорной речи и языка газет.

В.Г. Костомаров и Е.А. Земская обратили внимание на следующие особенности современных словообразовательных процессов.

3.1.1. Повышение интенсивности и функционального динамизма современных словообразовательных процессов

Во-первых, исследователи, в частности В.Г. Костомаров [1999: 208—246], отмечают повышение интенсивности современных словообразовательных процессов. Доказательством этого может быть многочисленность новообразований на страницах периодической печати (в 80-е годы в одном номере газеты можно было обнаружить до 50—70 новообразований), а также то, что современные неологизмы часто появляются целыми словообразовательными гнездами, а не по одиночке, например: *тусоваться* — *тусовка*, *тусовщик*, *тусовочный*; *бомж* — *бомжиха*, *бомжовка*, *бомжати́на*, *бомженок*, *бомжатник*, *бомжевать*.

Во-вторых, для русского словообразования, как и для всего языка в целом, характерен функциональный динамизм: в литературный язык активно проникают те словообразовательные модели, которые ранее использовались на периферии русского языка: в жаргонной, разговорной и профессиональной речи и т.п.

Свидетельством этого являются такие неологизмы-производные, как *наркота*, *лимита*; *групповуха*, *чернуха*, *порнуха*, *кольцевуха* 'кольцевая дорога', *передовуха* 'передовая статья', *кидала* и под. Они привносят в литературный язык стилистически маркированные словообразовательные модели.

Среди новообразований, созданных по моделям, распространенным в разговорной речи, просторечии, в том числе жаргонах, можно отметить также существительные, образованные от разных частей речи с помощью суффиксов *-ун*, *-ак*, нулевых суффиксов: *звездун* («один популярный телеведущий за бутылочкой вина часа три заливал мне про то, как он с этой и как с той... Я все думала: к чему бы это? Пока удивлялась, *звездун*, набившись в провожатые, уже стоял у двери моей квартиры и бил копытом, аки конь ретивый» // КП, 01.08.2003), *неvezун* («тут сразу думаешь: зачем тебе такой *неvezун*, и как с ним вообще строить отношения?» // КП, 01.08.2003), *свежак* («Если говорить об иерархии пластинок того времени, то, пожалуй, ценилось то же, что и сейчас, — *свежаки*» // АиФ — Нижний Новгород, 2001, № 3), *звездняк* («Я вашу газету читаю с удовольствием, и если ребята увидят это интервью ... то могут или *звездняком* заболеть, если сказать, что они лучше, или обидятся, если скажу, что хуже» — из интервью с тренером сборной России по футболу О. Романцевым // КП, 07.02.2003), *дурняк* («ездить на *дурняк*» // ТК «Волга», Нижний Новгород, 17.02.2003), *экстремал* («В Россию завезли *бельгийцев-экстремалов*» // КП, 23.07.2003), *мобила* («У «новых русских» золотые *мобила* и гроб с лифтом» // КП, 27.06.2003) и др.

Подобная жаргонно-просторечная лексика нередко используется в деривационных процессах в качестве базы для новых жаргонных слов: *совковый* → *совковость* («Ее (интеллигенции) внутренняя *совковость* проявилась в желании сделать этот переход советски недвусмысленным, обеспеченным» // МК, 14.09.1993), *тусовка* (*тусоваться*) → *тусовщик* («Здесь крутится вся богема, журналисты и профессиональные *тусовщики*» // МК, 08.08.1995), *халява* → *халявщик* («Наблюдатели отмечают, что если разгневанные акционеры ... останутся *халявщиками* и будут доказывать свое право на *халяву* у стен Белого дома, вза-

мен дивидендов они получают водометы и омоновские дубинки» // МК, 12.08.1994).

В качестве деривационной базы выступают профессиональные жаргонизмы и арготизмы. Так, на базе слова *зачистка* из военного жаргона, которое в связи с актуальностью военной темы активно используется в СМИ, создается дериват *зачищаемые*: «*зачистка* прошла по всей стране, и опять же без всякого шума. Даже самые «*зачищаемые*» не смеют пока громко протестовать» // КП, 01.11.2002). На базе профессионального жаргонизма *погодник* возникает дериват *погодница* («Хотите стать народной «*погодницей*»?.. Напоминаем, что у вас есть уникальный шанс стать ведущей прогноза погоды на одном из центральных телеканалов» // КП — Нижний Новгород, 28.03.2003). Популярный арготизм *крыша* дает целый «букет» производных: *крышевать*, *крышующий*, *крышевание* («В результате, по мнению знающих специалистов, две пограничные структуры превратились в конкурирующие фирмы, борющиеся за право «*крышевать*» всех рыбопромышленников Южных Курил» // КП, 07.02.2003; «С марта этого года начались операции по «*крышующим*» над проститутками милиционерами...» // КП, 06.12.2002), «*Крышевание* (в нашу речь уже вошел этот термин) тех, кто занимается проституцией» // РТР, 17.02.2003).

Широкое использование в СМИ подобных новообразований подтверждает отмечаемую исследователями общую тенденцию к жаргонизации современной речи. Этот процесс многие исследователи рассматривают как своеобразную реакцию на еще недавнюю стандартизированность, «приглушенность» и определенную безликость публичных выступлений, насыщенных официально-пропагандистскими штампами.

В качестве орудия борьбы не только с тоталитарным языком, но и с государственно-политическим устройством, его культивировавшим, рассматриваются, в частности, молодежный сленг, а также уголовное арго. Многие арготизмы «служат вербальным сигналом, позволяющим говорящему декларировать свою приверженность тем тенденциям дискурса, которые он считает актуальными (модными, современными, прогрессивными...) и созвучными эпохе реформ, а также манифестировать свою принадлеж-

ность к числу подобным образом настроенных носителей языка» [Васильев 2003: 164].

Таким образом, в настоящее время современный русский литературный язык испытывает интенсивное давление со стороны профессиональных и социальных жаргонов, что находит отражение в СМИ. Широкое проникновение ранее табуированной лексики в средства массовой информации признается не только следствием, но и орудием «либерализации» нашего общества. Отличительная особенность такого рода жаргонного словообразования в СМИ, по мнению исследователей, — высокая образность, нацеленность на передачу разного рода оценок, что приводит к доминированию экспрессивной функции словообразования над номинативной. В современных СМИ личные эмоции буквально пронизывают речь ведущих и телекомментаторов, становясь своеобразным замещением форм выражения экспрессивности (выразительности). Экспрессивность жаргонно-просторечной лексики в текстах СМИ в ряде случаев служит средством неосознанного агрессивного воздействия на читателя, инструментом эмоциональной разрядки.

Жаргонная лексика становится важным средством стилизации живой речевой стихии социума, средством создания особого дружески-непринужденного тона беседы с читателем-единомышленником.

3.1.2. Изменение круга производящих основ

Третья тенденция развития современного русского словообразования — это изменение круга производящих основ. Он значительно расширился за счет имен собственных, аббревиатур и «ключевых слов текущего момента».

• **Имена собственные как мотивационная база современных русских новообразований.** По мнению Е.А. Земской [1996: 99], активный выбор имен собственных в качестве базовых основ словообразования обусловлен усилением личностного начала, что является характерной чертой языка нашего времени. Новые слова, мотивированные именами собственными, появляются не по одиночке, а целыми гроздьями. Так, имя и фамилия Бориса Ель-

цина мотивируют такие новые лексемы, как *ельцинец*, *ельцинист*, *антиельцинист*, *ельцинолюб*, *ельциноид*, *ельцинолюбие*, *ельцинофобия*, *ельциноборчество*; *ельцинский*, *проельцинский*, *антиельцинский*, *ельциноголовые (интеллигенты)*; *Борисбург*, *Ельцинбург*; фамилия М. Горбачева — дериваты *горбачевец*, *антигорбачевец*, *горбачевщина*, *горболюбие*, *Горби*, *горбач*, *горбушка*, *горбиненавистник*, *горбачевизм*, *горбостройка* (*Горбачев + перестройка*) и ее преобразования *горбатостройка*, *гробостройка*, *горбимания*; *горбачевский*, *антигорбачевский*; фамилия Е. Гайдара — *гайдаровец*, *гайдаризм*, *гайдариномика*, *гайдаровщина*, *гайдарики* («Денежки-гайдарики что воздушны шарики» /Частушка/); *гайдаровский*; фамилии Хазбулатова и Бурбулиса — глагол *хазбурбулькать*; фамилия Чубайса — сущ. *чубаучер* (*ваучер + Чубайс*) и под.

В последние годы в прессе активно обыгрывается фамилия президента Путина: «Европа взялась за «Путиниану» (КП, 03.10.2001); «Станет ли Питер «Путинбургом»?» (КП, 16.03.2002). Фамилия президента родила также множество политических понятий. Например, «*путинг*» — это рейтинг Путина, «*путинномика*» — определение экономической ситуации в России, «*Путиненко*» — потенциальный будущий президент Украины... Все верные Путину движения занимаются «*вернопутинством*» («О *вернопутинцах*» // КП, 19.12.2003). Мотиваторами могут быть не только имена и фамилии известных политических деятелей, но и названия правительственных учреждений, зданий, событий, например *Белый дом* породил новообразования *белодомовский*, *БД*, *БиДе*; аббревиатура *ГКЧП* — производные *гэкачеписты*, *чеписты*, *ГКЧПуго* (*ГКЧП + Пуго*) и др. Дериваты на базе антропонимов становятся ярким средством экспрессии и словесной игры.

Неологизмы и окказионализмы от имен собственных легко объединяются в группы в соответствии с теми моделями, по которым образуются. Наиболее продуктивны следующие модели: «антропоним + *-изм/-щин(а)/-ств(о)*» = имя существительное (далее — ИС) со значением направления в политике, инициатором которого был человек, названный мотивирующим существительным (в дальнейшем — н.м.с.): *гайдаризм*, *рейганизм*, *горбачевизм*, *ельцинизм*, *тетчеризм*; *алиевщина*, *гайдаровщина*, *раши-*

довщина, хасбулатовщина; жириновство. Отвлеченные существительные на *-щина* дают резко отрицательную оценку свойствам или действиям тех лиц, которые послужили мотиваторами, модели на *-изм* и *-ство* стилистически нейтральны, хотя в большей степени свойственны книжной речи.

В конце XX столетия активизировалась также модель телескопического словообразования: «имя лица + *-номика* (сегмент сущ. *экономика*) = ИС со значением экономической политики, проводимой деятелем, н.м.с.»: *гайдарономика, клинтономика, рейганономика*; модель, порождающая собирательные существительные: *горбачевщина, ельцинщина, николащина* (от имени царя Николая), существительные со значением качеств сторонников или противников того направления, которое создано политическим деятелем: *ельцинолюбие — ельцинофобия — борисоборчество; горболубие, горбимания* и под.

От антропонимов активно образуются также существительные со значением «человек, поддерживающий того, кто н.м.с.»: *анпиловец, баркашовец, гайдаровец, горбачевец, ельцинист, ельциноид, жириновец, зюгановец, руцкист, хазбулатовец*; «человек, являющийся противником того, кто н.м.с.»: *антигорбачевец, горбиненавистник*; прилагательных со значением «свойственный тому/ похожий на того, кто н.м.с.»: *проельцинский, прогорбачевский, прогайдаровский, окологайдаровский, гайдаровский*; «свойственный противнику того, кто н.м.с.»: *антигорбачевский, антиельцинский* и под. По модели «*по-* + фамилия + *-овски*»⁴ произведены наречия *по-гайдаровски, по-черномырдински*.

Стоит отметить, что в настоящее время в словообразовательный процесс вовлекаются имена не только российских, но и зарубежных деятелей (М. Тэтчер, Р. Рейган, Б. Клинтон и др.). При этом используемые модели позволяют создать не только нейтральное, но и оценочное именование явления, связанного с названным общественным деятелем, ср.: *ельцинист* и *ельциноид, горбистройка — горбостройка, горбатостройка*.

⁴ Такова трактовка способа образования подобных наречий Е.А. Земской (1996: 100), хотя возможно и иное, более традиционное ее истолкование: «*по-* + имя прилагательное + *-и*»: *гайдаровский* → *по-гайдаровски*.

• **Ключевые слова как мотивационная база современных новообразований.** Актуализированные в общественном сознании имена собственные входят в состав ключевых слов, которые также являются базовыми основами современного словопроизводства. Понятие ключевых слов, давно используемое в литературоведении, в последние годы активно проникает и в лингвистические работы (Караулов 1992, Шмелева 1993, Попова 1994).

Ключевыми словами, по мнению Е.А. Земской, следует считать «слова, находящиеся в фокусе социального внимания» [Земская 1996: 92]. К ним относятся и имена собственные, о которых говорилось выше, и имена нарицательные. Признаками ключевых слов можно считать высокую частоту употребления, семантическую емкость (склонность «обрастать» новыми значениями), словообразовательную активность (способность мотивировать целые группы новообразований).

Определенные слова могут стать ключевыми на короткий период времени (месяц, несколько недель) либо на более длительное время (год и больше). Первые обнаруживаются в период общественных катаклизмов, вторые называют явления, характеризующие эпоху более глубоко [Земская 1996: 92].

Примером ключевых слов первого типа могут быть существительные *путч*, *либерализация* (*цен*), *ваучер*, *шоп*, *референдум* и под. Например, субстантив *путч* «государственный переворот, обычно военный» частично изменило свое значение: потеряло элемент «в капиталистических странах», поскольку было использовано для обозначения российских событий 19–21 августа 1991 г. в Москве. Это слово, давно известное русскому языку, но ранее мало употребительное, в начале 90-х годов XX в. породило целую серию производных: *путчист* — *путчистский* — *путчистски*, *антипутчист*, *путчизм*, *допутчевый*, *послепутчевый*, *постпутчевый*, *антипутчевый*. Активизировались и синонимы существительного *путч* — *переворот* и *ГКЧП*: они мотивировали неологизмы *переворотчик*, *гэкачетист*, *четист*, *ГКЧПуга*.

Примером ключевых слов второго типа могут служить слова *демократия*, *свобода*, *рынок*, *лобби*, *тусовка*, *крутой* и др. Например, слово *рынок* породило большое число новых производных: *безрыночный*, *квазирыночный*, *недорыночный*, *псевдорыночный*,

ультрарыночный; квазирынок, недорынок, полурынок, псевдорынок, рыночник, антирыночник, псевдорыночник; рыночно или актуализировало существовавшие ранее слова, «уничтожив» при этом отрицательную оценку, свойственную явлениям, обозначаемым прежде этими словами: *рынок, рыночный, рыночник* 'сторонник рыночной экономики'. Свидетельством того, что существительное *рынок* является ключевым, служит и активное образование им и его дериватами новых словосочетаний, некоторые из которых стремятся к фразеологизации: *рынок недвижимости, р. инвестиций, р. ценных бумаг, р. облигаций, р. векселей, р. компьютеров, р. оружия, р. вооружения, р. телекоммуникаций, р. новостей, рыночная экономика, рыночные структуры, рыночные цены, рыночные отношения, рыночные преобразования, рыночные лозунги, рыночный маркетинг, рыночный курс, рыночная инфраструктура, рыночная стоимость, рыночная пропаганда, рыночное законодательство, рыночное хозяйство, министры-рыночники, радикалы-рыночники* и т.д. [Шапошников 1998: 173—175].

Именно «ключевые слова» широко используются как базовые основы, рождая новые группы однокоренных слов (словообразовательные парадигмы и словообразовательные гнезда). Представляется интересным образование окказионализмов на базе «ключевых слов» — неологизмов, вошедших в общеупотребительную лексику.

• **Аббревиатуры как мотивационная база современных новообразований.** В конце XX в. аббревиация становится высокопродуктивным способом словообразования [Жилина 2001: 256]. Как показывает анализ аббревиатур, число их не уменьшается, а растет, т.е. аббревиация остается одним из наиболее стойких и сильных языковых процессов. Так, в 1977 г. в словаре сокращений русского языка было зафиксировано около 15000 аббревиатур. В 1995 г. вышел «Словарь современных сокращений и аббревиатур», который содержит более 12000 сокращений и аббревиатур, появившихся в русской печати за годы кардинальных социально-политических и экономических преобразований, следовавших за распадом СССР. В словарь включены новые технические термины: *АБСУ* (автоматизированная бортовая система управления), *ГТЗА* (главный турбозубчатый агрегат); названия

новых партий: *АПР* (Аграрная партия России), *ПЖ* (Партия Жириновского); названия различных газет и журналов: *МК* («Московский комсомолец»), *ПЖ* («Правда Жириновского»), названия новых предприятий и учреждений: *МКБ* (Межотраслевой коммерческий банк), *ТД* (Торговый дом), *СП* (совместное предприятие) и др.

От новых аббревиатур активно образуются неологизмы: от *ФНС* (Фронт национального спасения) — *фэнэсовцы*, от *ФНПР* — *фэнэпээровский* (*фэнэпээровская верхушка*), от *СНГ* — *эсэнговский*, *эсэнговье*, *эсэнговец*, от *ЦБ* — *цэбэшный* (*цэбэшные кредиты*) и под.

Лавинообразный рост аббревиатур изменил функциональную нагрузку этого разряда слов. Аббревиация в языке всегда выполняла компрессивную функцию, т.е. служила для создания более кратких, чем мотивирующее словосочетание, однословных номинаций⁵. Эту функцию, особенно в деловой, научной и публицистической речи, аббревиатуры продолжают выполнять и сейчас. Помимо этого, они широко используются с конца XX в. как средство экспрессивизации речи [Земская 1996: 12–124]. М.В. Панов отмечал, что с 60-х годов XX в. наметилась новая тенденция в образовании русских аббревиатур: такие производные должны быть благозвучными, многосонорными и напоминать обычное слово, вплоть до омонимии.

Современные аббревиатуры 80–90-х годов отвечают этому требованию: *БАРС* — Банк развития собственности, *ГраД* — партия «Гражданское достоинство», *ШАРМ* — шоу армянских мужчин, *КЕДР* — Конструктивно-экологическое движение России (в этой аббревиатуре — для полного совпадения с обычным словом — нарушено фонетическое соответствие производного слова исходному словосочетанию, при котором сокращенное слово должно было бы звучать, как *КЭДР*), *ЯБЛОКО* — блок Явлинского, Болдырева, Лукина и др. Сближение аббревиатуры с обычным словом создает каламбур, придает новые коннотативные смы, которые не были ей свойственны при отсутствии связи с данным словом [Земская 1996: 121].

⁵ О функциях словообразования см.: [Земская 1992: 8–12].

Часто аналогичным образом воспринимаются аббревиатуры-омонимы, количество которых в языке резко возросло: *КСП* (Клуб самодетельной песни, кооперативное совместное предприятие, коллективное сельское предприятие), *ЧП* («чрезвычайное происшествие» и «частная практика»), *НЭП* («новая экономическая политика» и «наведение элементарного порядка»), *ОРЗ* («острое респираторное заболевание» и шутовое «очень рано завязал»), *СПБ* (Санкт-Петербург и «скорая бытовая помощь»), *СС* («немецкое военное подразделение» и «студенческая столовая») и др. [Земская 1996: 124; Зайковская 1993 и др..

Такие языковые эксперименты не всегда, вероятно, могут быть оценены как удачные: так, именование Московского инвестиционного фонда *МИФом* вряд ли создаст ему имидж надежного предприятия, хотя, как добавляет Е.А. Земская, мифы бывают овеяны тайной и могут содержать что-то притягательное; преобразование название блока политических партий *ЯБЛОКО* в *БЛЯ* приемлемо не для всех носителей русского языка. Несомненно фонетическая и смысловая перекличка аббревиатуры *ЕдиОТ* («то, что получилось в результате слияния «Единства» и «Отечества», уже называют «*ЕдиОТ*» // «Новое дело», 29.03.2001) с узуальным *идиот*.

Современная аббревиация чрезвычайно «склонна» к языковой игре: аббревиализации подвергаются даже имена руководителей государства, видных политиков и экономистов, известных личностей. Так, Борис Николаевич Ельцин сокращается до *БНЕ*, Владимир Владимирович Путин — до *ВВП*, Борис Абрамович Березовский — до *БАБ*, полномочный представитель президента — до *ППП*.

Многие аббревиатуры порождают разнообразные и многочисленные производные. Достаточно вспомнить новообразования с корнями *PR*, *CD*, *VIP* и под. Такие неолексемы⁶ активно употребляются в речи носителей современного русского языка, но фиксируются словарями в весьма ограниченном объеме. Так, нео-

⁶ Вопрос о морфемном анализе аббревиатур не решен современной лингвистикой. К сложным словам, состоящим из нескольких корней, традиционно относят аббревиатуры слогового и смешанного типов, к простым — звуковые и буквенные образования.

логизмов с этими иноязычными корнями нет ни в «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова (СПб., 2001), ни в «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина (М., 2001), ни в «Новом словаре русского языка» Т.Ф. Ефремовой (М., 2000). Лишь некоторые из них зафиксированы в «Словаре иностранных слов» Н.Г. Комлева [1999, 322, 180: *си-ди, компакт-диск, компакт-дисплейер* «магнитофон для проигрывания компакт-дисков»], в «Словаре русского арго» В.С. Елистратова [2000, 424: *сидюк*], в «Большом словаре русского жаргона» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной [2000: 537] — неологизмы *сиди-ромка* (компл., шут.), *сидил* (мол.), *сидюк* (компл., шутл.), *сидюшник* (компл.), *сидишник* (компл.), *сидюшка* (мол., шутл.), *сидишка* (мол., шутл.).

Более полно исследуемые новообразования представлены в «Толковом словаре современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия», подготовленном под ред. Г.Н. Склярёвской (М., 2001). В нем описаны следующие лексемы: *пиар, пиарить* «разг. Заниматься пиаром, проводить пиар-кампанию», *пиар-кампания, пиаровец* «тот, кто занимается пиаром», *пиарщик* (разг.), *пиаровский* (с. 569—570), *PR, PR-агентство, PR-акция, PR-бизнес, PR-кампания, PR-менеджер, PR-мероприятие, PR-щик, PRщик, Public*, все, кроме слов *пиар* и *пиарить*, имеют помету «публ.» (с. 889—890); *сидиром* (разг.), *сидюк* (жарг.) (с. 720), *CD, CD-drive* (то же, что *сидиром*), *CD-R, CD-ROM, CD-Rom, CD-ROMный, CD-диск, CD-плеер, CD-плеер, CD-проигрыватель, CD-чейнджер* «устройство для автоматической смены компакт-дисков в музыкальном центре, компакт-диск-проигрывателе и т.п.», *CDшка*, все неологизмы имеют помету «информ.» [Словарь-2001: 882—884].

Материалы современной периодической печати и устные выступления позволяют существенно дополнить этот список аббревиатурных новообразований. В региональной прессе последнего времени часто встречаются неологизмы *пиар*, например, «специалисты черно-белого *пиара*» // «МК в Нижнем Новгороде», 25.10—1.11.2001; *пиарить* («Нижегородская область, которую теперь принято *пиарить* исключительно как сирую и убогую, в четверку сильнейших, конечно, не входит» // «МК в Нижнем Нов-

городе», 6—13.12.2001); «Пиарили» это дело долго и натужно, как это умеет мэрия» // «МК в Нижнем Новгороде», 26.04—3.05.2001; пиарщик («Идеология нового детища двух пиарщиков звучит красиво...» // «КП — Нижний Новгород», 4.05.2001); пиаровский («...был занят подготовкой к очередной пиаровской акции» // «МК в Нижнем Новгороде», 28.09—5.10.2000); PR-ход («...является PR-ходом в ответ на требование принять на баланс муниципалитета наше жилье» // «МК в Нижнем Новгороде», 5.07.2001) и др.

Наибольшее количество неологизмов пополнило словообразовательное гнездо (в дальнейшем — СГ) с вершиной *пиар* (подробнее см.: [Попова 2003]).

К «PR-неологизмам» относятся следующие новообразования: PR → PR-агентство, PR-акция, PR-кампания, PR-менеджер, PR-мероприятие, PRщик (PR-щик), Public, ПР*, пиар, пиарить, пропиарить*, пиар-кампания, пиаровец, пиарщик, пиаровский, пиарошный*, ПР-агентство*, ПР ассоциация*, ПР-влияние*, ПР-действие*, ПР-департамент*, ПР-деятельность*, ПР-документ*, ПР-достаточность*, ПР-задача*, ПР-кампания*, ПР-консультант*, ПР-мен* ПР-мен-индивидуал*, ПР-менеджер*, ПР-метод, ПР-механизм, ПР-модуль*, ПР-обеспечение*, ПР-обслуживание*, ПР-отдел*, ПР-отрасли*, ПР-подразделение*, ПР-правило*, ПР-практики*, ПР-программа*, ПР-продукт*, ПР-проект*, ПР-процесс*, ПР-рынок*, ПР-служба*, ПР-сообщество*, ПР-сопровождение*, ПР-специализация*, ПР-специалист*, ПР-стратегия*, ПР-структуры*, ПР-субъект*, ПР-сфера*, ПР-технология*, ПР-усилие*, ПР-услуга*, ПР-фирма*, ПР-функция*, ПР-центр*, ПР-эксперт*; к «CD-неологизмам» — компакт-диск, компакт-диск-плеер (-плеер/-плэйер), компакт-диск-проигрыватель, компакт-дискковод, компакт-дисплейер, компакт-плеер, компаха, компашка, диск, дисковод, диск-жокей, дискач, дисковёрт, дискотрайв, дискокрут; к «VIP-неологизмам» — VIP → VIP-гость, VIP-звезда, VIP-клиент, VIP-ложка, VIP-мероприятие, VIP-номер, VIPовский, VIP-персона, ВИП, ВИП-гость.

Эти новообразования, например, увеличили объем гнезда от существительного *пиар* с 15 до 64 слов (см. схему 1).

Схема 1. Словообразовательное гнездо существительного *PR*

Примечания: 1. Производные, обладающие одним и тем же лексическим значением, но отличающиеся только орфографическим оформлением (*PRщик, PR-щик*) относились к вариантам слова; слова, включающие в свой состав морфемы, оформленные по законам русской и иноязычной графики (*PR-кампания, ПР-кампания*), — к разным словам.

2. Звездочкой (*) отмечены слова, не включенные в современные словари.

- PR → PR-агентство
- PR-акция
- PR-кампания
- PR-менеджер
- PR-мероприятие
- PRщик (PR-щик)
- Public
- ПР* → пиар → пиарить → пропиарить*
 - пиар-кампания
 - пиаровец
 - пиарщик
 - пиаровский
 - пиарошный*
 - ПР-агентство*
 - ПР ассоциация*
 - ПР-влияние*
 - ПР-действие*
 - ПР-департамент*
 - ПР-деятельность*
 - ПР-документ*
 - ПР-достаточность*
 - ПР-задача*
 - ПР-кампания*
 - ПР-консультант*
 - ПР-мен* → ПР-мен-индивидуал*
 - ПР-менеджер*
 - ПР-метод
 - ПР-механизм
 - ПР-модуль*
 - ПР-обеспечение*
 - ПР-обслуживание*
 - ПР-отдел*
 - ПР-отрасли*
 - ПР-подразделение*
 - ПР-правило*
 - ПР-практики*

- ПР-программа*
- ПР-продукт*
- ПР-проект*
- ПР-процесс*
- ПР-рынок*
- ПР-служба*
- ПР-сообщество*
- ПР-сопровождение*
- ПР-специализация*
- ПР-специалист*
- ПР-стратегия*
- ПР-структуры*
- ПР-субъект*
- ПР-сфера*
- ПР-технология*
- ПР-усилие*
- ПР-услуга*
- ПР-фирма*
- ПР-функция*
- ПР-центр*
- ПР-эксперт*

Анализ неологизмов, в частности с корнями *PP* и *PR*, позволяет обнаружить интересные особенности современных отаблированных новообразований, характерных для новой учебно-научной литературы.

Во-первых, СГ, состоящее из рассматриваемых новообразований, реально имеет две вершины: английскую аббревиатуру *PR* и русскую *PP*. Иноязычная лексема *PR* появилась раньше русской *PP* и стала мотиватором последней, но в настоящее время английское существительное *PR* имеет незначительное количество дериватов (7 слов), в то время как русское мотивирует 57 производных; дериваты с *PR* употребляются в текстах СМИ значительно реже, чем производные с *PP*. Именно поэтому можно предположить, что на современном этапе развития русского языка анализируемое СГ имеет две вершины (см. схему 2), причем русская вершина активно вытесняет исторически первичную, англоязычную. По завершении этого процесса СГ примет традиционный, «одновершинный» вид.

Схема 2. Двухвершинное словообразовательное гнездо существительного PR

PR → PR-агентство
→ PR-акция
→ PR-кампания
→ PR-менеджер
→ PR-мероприятие
→ PRщик (PR-щик)
→ Public

ПР* → пиар → пиарить → пропиарить*
→ пиар-кампания
→ пиаровец
→ пиаршик
→ пиаровский
→ пиарошный*
→ ПР-агентство*
→ ПР ассоциация*
→ ПР-влияние*
→ ПР-действие*
→ ПР-департамент*
→ ПР-деятельность*
→ ПР-документ*
→ ПР-достаточность*
→ ПР-задача*
...
→ ПР-эксперт*

Во-вторых, в современном русском языке идет активное освоение аббревиатур *ПР*, *PR* и их производных, но этот процесс далеко не завершен.

Русификация рассматриваемых заимствований идет чрезвычайно активно: они освоены языком семантически (приобрели особое лексическое значение); получили грамматические характеристики: категориально-грамматическое значение предметности, категорию множественного числа и склонение (*ПиАром*); мотивировали значительное количество производных, появившихся в языке почти одновременно; приобрели русскую фонетическую форму.

О незавершенности процесса освоения анализируемых лексем свидетельствует их вариативное графическое оформление:

- «*ПР-дериваты*» могут оформляться неоднотипно: графическими средствами только русской (*пиар, пиарить, пропиарить, пиар-кампания, пиаровец, пиарищик* и под.), только латинской (*PR, Public*) либо и русской, и латинской графики (*PR-агентство, PR-акция, PR-кампания, PR-менеджер, PR-мероприятие, PRщик (PR-щик)*);
- одно и то же явление может быть названо лексемой, имеющей как русскую, так и иноязычную форму: *пиарищик, Ррщик, PR-щик; PR-агентство* и *ПР-агентство; PR-кампания* и *ПР-кампания*;
- даже если слово передано графическими средствами только одного языка, оно не всегда имеет однотипное оформление: при его передаче используются строчные и прописные буквы: *ПР — ПиАр — пиар*, слитное (*PRщик*), дефисное (*PR-щик*) и даже раздельное написание (*ПР ассоциация*).

В современных печатных изданиях явно обнаруживается тенденция все более активного использования русского варианта написания слова. Если в названных выше словарях новообразования с корнями *ПР* и *PR* имели в основном англоязычную форму и еще совсем недавно воспринимались как экзотичные («*ПиАр* — звучит как ребус... *ПиАр* — это общественные связи, это решение общественных проблем и управление кризисными ситуациями» [Васильев 2000: 92]), то в изданиях последних лет эти же неологизмы оформляются в основном средствами русской графики, что свидетельствует об активизации процесса графического освоения слова.

В-третьих, новообразования с корнями *ПР* и *PR* семантически разнообразны.

С точки зрения грамматической семантики среди них есть дериваты, обозначающие предмет (*пиар, пиарищик, пиаровец, PR-менеджер, PRщик (PR-щик), ПР-консультант**, *ПР-мен**, *ПР-профессионал**, *ПР-специалист**, *ПР-субъект**, *ПР-эксперт* и др.), его статический (*пиаровский*) и динамический признаки (*пиарить, пропиарить*). В СГ явно доминируют имена существительные: они составляют 97% всего СГ. Это хорошо соотносится с общей тенденцией современных процессов неологизации: субстантивы в разных языках мира являются самой неогенной частью речи.

С точки зрения деривационной семантики производные с корнями *ПР* и *РР* имеют следующие словообразовательные значения (СЗ):

- «то, что названо мотивирующим существительным (н.м.с.): *Public, Пиар* — 2 деривата;
- «человек, имеющий отношение к тому, что н.м.с.): *пиарщик, РРщик (РР-щик), пиаровец, ПР-консультант*, ПР-мен*, ПР-мен-индивидуал*, РР-менеджер, ПР-профессионал*, ПР-специалист*, ПР-субъект*. ПР-эксперт** — 11 производных;
- «организация или ее часть, имеющие отношение к тому, что н.м.с.): *РР-агентство, ПР-агентство*, ПР ассоциация*, ПР-департамент, ПР-отдел*, ПР-отрасли*, ПР-подразделение*, ПР-служба*, ПР-сообщество*, ПР-структуры*, ПР-фирма*, ПР-центр* — 12 дериватов;
- «действия, мероприятия, связанные с тем, что н.м.с.): *РР-акция, ПР-влияние*, РР-кампания, ПР-кампания*, пиар-кампания, РР-мероприятие, ПР-действие*, ПР-деятельность*, ПР-обеспечение*, ПР-обслуживание*, ПР-практики*, ПР-процесс*, ПР-сопровождение*, ПР-усилие*, ПР-услуга** — 15 производных;
- «сфера действия того, что н.м.с.): *ПР-рынок*, ПР-специализация*, ПР-сфера** — 3 производных;
- «способ осуществления, отдельный акт того, что н.м.с.): *ПР-задача*, ПР-метод*, ПР-механизм*, ПР-модуль*, ПР-правило*, ПР-программа*, ПР-проект*, ПР-стратегия*, ПР-технология** — 9 дериватов;
- «результат действия того, что н.м.с.): *ПР-документ*, ПР-продукт** — 2 производных;
- «свойство, качество объекта или субъекта, связанного с тем, что н.м.с.): *ПР-достаточность*, ПР-функция** — 2 деривата;
- «имеющий отношение к тому, что н.м.с.): *пиаровский* — 1 производное;
- «совершать (-ить) действия, связанные с тем, что н.м.с.): *пиарить, пропиарить* — 2 деривата.

Среди ПР-неологизмов явно доминируют производные со значением самого процесса пиара (27 дериватов) и субъектов, осуществляющих эту деятельность (17 производных).

С точки зрения лексической семантики анализируемые отабривиатурные производные образуют хорошо структурированные, значительные по объему лексико-семантические группы (в дальнейшем — ЛСГ).

1) Это прежде всего ЛСГ имен, обозначающих лицо, осуществляющее ПР-деятельность. В нее входят лексемы, номинирующие лицо по выполняемому им действию и практически являющиеся синонимами-дублетами: это *пиарщик = Прщик = PR-щик, пиаровец, ПР-мен, ПР-специалист, ПР-субъект*; имена существительные, характеризующие специализацию ПР-менов: *ПР-консультант, ПР-менеджер, ПР-эксперт* — или способ работы (коллективный или индивидуальный): *ПР-мэн-индивидуал*.

2) Вторая ЛСГ объединяет лексемы, характеризующие организации, связанные с пиаром: это имена существительные, называющие конкретную пиаровскую организацию (*ПР-агентство, ПР-служба, ПР-структура, ПР-фирма, ПР-центр*), ее часть (*ПР-департамент, ПР-отдел, ПР-подразделение*) или объединение таких компаний (*ПР ассоциация, ПР-сообщество*).

3) Третья значительная по объему ЛСГ, образуемая дериватами с корнями *ПР* и *PR*, — это существительные со значением деятельности по установлению связей с общественностью. Среди них есть субстантивы, обозначающие:

- обобщенный, неконкретизированный вариант пиаровской деятельности (*ПР-деятельность, ПР-обеспечение, ПР-обслуживание, ПР-практика, ПР-процесс*);
- отдельный акт этой деятельности (*PR-акция, ПР-действие, PR-мероприятие, ПР-усилие, ПР-услуга*);
- способ, механизм осуществления пиар-действий (*ПР-задача, ПР-метод, ПР-механизм, ПР-модуль, ПР-проект, ПР-программа, ПР-стратегия, ПР-технология*);
- совокупность взаимосвязанных действий по осуществлению пиара (*PR-кампания = ПР-кампания = пиар-кампания*);
- конкретный вид пиар-действий (*ПР-влияние, ПР-сопровождение, ПР-услуга*).

Некоторые новообразования с исследуемыми аббревиатурными корнями не вписываются в эти ЛСГ, обозначая сферу действия пиара (*ПР-рынок, ПР-сфера*), его свойства (*ПР-функция, ПР-до-*

статочность) и иные проявления. В целом же семантика новых для русского языка слов с корнями *PP* и *PR* достаточно разнообразна.

Таким образом, активизация образования, употребления и обыгрывания аббревиатур в современном русском языке — активный, живой процесс. Причина распространения этого типа неологизмов, вероятно, заключается в том, что одной из тенденций развития современных языков является стремление выразить все большее количество информации в единицу времени.

Изменение круга базовых основ словообразования и потребности общества в номинациях определенных семантических областей обусловили структурно-семантическую специфику создаваемой лексики — русских словообразовательных неологизмов конца XX в.

3.2. Именная префиксация в современной публицистике

На протяжении 90-х годов прошлого века активизировался процесс превращения неразложимых прежде заимствованных основ в основы членимые. Следствием этого стала активизация многих иноязычных морфем, приобретение ими способности сочетаться с русскими основами. Иноязычные препозитивные единицы типа *анти-*, *архи-*, *гипер-*, *квази-*, *контр-*, *супер-*, *ультра-*, *экс-* и некоторые другие стали исполнять роль префиксов, заняв определенное место в системе русской именной префиксации.

Особенно действенны в наши дни, по мнению Е.А. Земской, такие приставки, как *не-*, *сверх-*, а из заимствованных — *анти-*, *супер-*, *псевдо-*. Активное включение таких иноязычных элементов в современное русское словопроизводство способствует активизации семантически близких им русских приставок и общей активизации префиксального способа образования имен. В региональной печати именные префиксы, участвующие в образовании имен, отличаются разнообразием семантики, неоднородностью происхождения и словообразовательных связей, а также продуктивностью.

Особую активность в последние десятилетия проявляют приставки *супер-*, *гипер-*, *ультра-*, *архи-*, которые, присоединяясь к исходным словам именных частей речи, образуют производные существительные и прилагательные со значением признака в высокой, максимально возможной степени: *суперпрезентация* («опять же — размах, с которым проходила подготовка к выходу альбома, *суперпрезентация*» // КП, 12.04.2002), *суперминистерство доходов* («А вместо нынешнего Минфина и МНС будет создано *суперминистерство доходов*» // КП, 11.05.2001), *суперреферент* («...мама Тамара Васильевна говорит о курсах *суперреферентов*, которые Оксана сочла необходимым дополнением к университетскому диплому» // «Версия — Нижний Новгород», 24.06.2001), *суперсыщик* («Безусловный профессионал, яркий, блестящий, умный, очень артистичный человек, *суперсыщик*» // КП, 01.03.2002), *суперфильм* («Увы, лично мне воспринять «Азель» как *суперфильм* нашего времени не удалось» // КП, 12.03.2002), *суперпатриотический* («На съемках этого фильма о Чечне, который уже успели окрестить и *суперпатриотическим*, и нацистским, Леше Чадову труднее всего было научиться стрелять людям в лицо» // КП, 26.04.2002), *ультрапатриотический* («Судебная палата по информационным спорам при президенте настоятельно порекомендовала Комитету РФ по печати обратиться в суд с иском о прекращении деятельности редакции газеты «Завтра» ... Кроме того, в «черном списке» длинный перечень изданий *ультрапатриотического* толка» // КП, 17.09.1994), *архитрудоемкий* («губернатор Ульяновской области предложил на конкурс о перезахоронении В. Ленина *архитрудоемкий* проект: «...перенести целиком Мавзолей с телом вождя на родину Ильича» // КП, 22.12.2000).

В некоторых случаях данные приставки не только указывают на высокую степень признака, но и выражают позитивную или негативную оценку, вносят иронический оттенок в семантику новообразований: «Это те самые *суперзлодеи*, представители *гипердьявола*, *супергады!* ...*Ультрасатанисты!*» («КП — Нижний Новгород», 16.10.2001); «...поток анонимных *суперужасов*, *архикошмарных* разоблачений и *гиперправдивых* журналистских исследований...» («КП — Нижний Новгород», 16.10.2001); «Тру-

диться в нашем бистро официанткой можно только людям с *супержелезными* нервами...» («Дзержинец», 26.09.2000); «В меню входили самые *гипервредные* гастрономические удовольствия...» («Дзержинец», 26.09.2000); «Если взлетит на Ильинке церквушка, будет бактериям *суперпирушка*...» («КП — Нижний Новгород», 1.08.2001); «Кстати, если он ...растрепал твою *суперукладку*, обозвал тебя мужиком — это тоже шутка!» (КП, 12.04.2002).

Заметную активность в последние десятилетия проявляют также приставки *псевдо-*, *квази-*, которые, присоединяясь к именам, сообщают им семантику неистинности, мнимости, фиктивности с оттенком отрицательной экспрессии: *псевдопрямая* («...там начнется *псевдопрямая* трансляция из гримерок» // «КП — Нижний Новгород», 3.8.2001); *псевдоблагородные* («Оставим *псевдоблагородные* разговоры про будущее наших детей...» // «МК в Нижнем Новгороде», 19—26.10.2000); *квазивойна* («*квазивойна* в Израиле» // ОРТ, 19.04.2002), *квазирокер* («новый проект Блэкмора ...то, что меньше всего ожидали от *квазирокера*» // АиФ, 2002, № 14).

Достаточно часто в печати встречаются новообразования с общим значением противоположности, отрицания. Они образуются с помощью приставок *анти-*, *контр-*: *антироссийские* («Шеварднадзе вынужден поддерживать *антироссийские* настроения значительной части своей оппозиции» // КП, 30.08.2002); *антивандалные* («Обычные сиденья в электричках заменят на новые — *антивандалные*» // РТР, 20.08.2003); *антибогемная* («*Антибогемная*, простецкая, не играющая в этот долбаный декадент-стайл, ...такая она была: наша» (об известной певице. — *Прим. авт.*) // «Московский комсомолец», 22.08.1999); *антивиртуальность* («Театр при всей своей *антивиртуальности* на самом деле виртуальное искусство» // ОРТ, 17.01.2002), *антиШредер* («Нет канала Шредер и *антиШредер*, нет канала английской королевы и прочее» // АиФ, 2001, № 46), *антижванецкие* («Ухищряются всякими *антижванецкими* способами: что-то к весам прикручивают...» // «КП — Нижний Новгород», 20.07.2001).

Довольно широко представлены в средствах массовой информации новообразования с приставками временной семантики *до-*, *пред-*, *после*, *пост-*: *доденежный* («...давайте вернемся в эпо-

ху *доденежных* отношений» // КП, 12.01.1991), *дотоварный* («Как необходимо оно (время) для сложнейшей перестройки психологии работника из «дотоварной» в «товарную» // КП, 28.10.1989), *доэсенговский* («...это две разные книги ...первая для советских (доэсенговских), вторая — для американских (постэсенговских)... // КП, 15.02.1992), *дохимический* («А главное, нашим детям с их аллергией, нервностью, астмой мы желаем крепкого — прадедовского, «дохимического» — здоровья» // КП, 05.06.1988); *предгорбачевский* («Падение темпов экономического роста, ...отсутствие существенного прогресса в росте благосостояния народа — это, конечно, характерные черты «предгорбачевской» эпохи // КП, 14.10.1990); *прединтернетный* («прединтернетный народ» — о тех, кто не умеет себя культурно вести в интернете» // ОРТ, 21.04.2003), *предконцертный* («предконцертная суета» // ОРТ, 30.10.2003), *послебасаевский* («В ставропольской милиции — послебасаевские чистки» // КП, 25.07.1995); «*послепраздничный* (мусор)» (ТНТ, 03.01.2004), а также *послеперестроечный*, *послеавгустовский* и др.; *постэсенговский*, *посталкогольный* («В Германии состояние внутренней *посталкогольной* протрации называется «кошачьим воплем» // КП, 12.12.2002), а также *посткоммунистический*, *посттоталитарный*, *постперестроечный* и др.

Прилагательные с префиксами *до-*, *пред-*, *после-*, *пост-* образуются от прилагательных, образованных, в свою очередь, от существительных (*доэсенговский*, *дохимический*, *прединтернетный*, *предконцертный*, *послебасаевский*, *послепраздничный*, *постэсенговский*, *посталкогольный*) или на базе словосочетаний, в состав которых входит мотивирующее прилагательное (*доденежный*, *дотоварный*, ср.: *товарно-денежные отношения*; *предгорбачевский*, ср.: *горбачевская эпоха*).

Окказиональные прилагательные с префиксом *без-* обозначают признак, характеризующийся отсутствием того, что названо словом, которым, в свою очередь, мотивированно суффиксальное мотивирующее прилагательное: *бесфонарный* («но с другой стороны, с менеджером, т.е. сутенером, надежнее. Он и клиентов доставит, и *бесфонарную* жизнь обеспечит» // КП, 05.05.1991), *безавтомобильный* («Если в *безавтомобильной* жизни жены вам может быть «по барабану», насколько сильно влияют на нее эти

самые проклятые дни, то когда она у вас рулит, вы просто обязаны это знать» // КП, 05.10.2002), *бескнижный, бестелевизорный* («И тут мы имеем право вспомнить о контингенте — детях разрухи, *бескнижных, бестелевизорных*» // КП, 04.10.1987), *безбабий* («Человек общественного темперамента, Соколов один — *безбабий, безлошадный, необобществленный*» // КП, 16.03.1986), *бесконтрактный* («А это мы, ведущие, *бесконтрактные*» // РТР, 04.11.2003).

Значение неполноты, незавершенности выражается с помощью префикса *недо-*: «...где кастрированные *недомужчины* <...> оккупировали музыкальный рынок...» («МК в Нижнем Новгороде», 22—29.06.2000). В данном случае имеется отклонение от словообразовательного типа, поскольку префикс *недо-* обычно присоединяется к глаголам, а не к именам. Присоединение приставки может сопровождаться разного рода нарушениями ограничений в сочетаемости морфем: так, префикс *анти-* обычно не сочетается с личными именами собственными (*антиШредер, антижванецкие*). В ряде случаев при образовании подобных именных дериватов нарушаются стилистические ограничения в сочетаемости морфем: заимствованные приставки присоединяются к словам с исконными основами или образованным на русской почве: *суперсыщик, суперукладка, суперзлодеи, супергады, суперужасы, суперпирушка, супержелезные (нервы), архитрудоемкий, квазивойна, псевдопрямая, псевдоблагородные, антироссийские*. Это способствует усилению экспрессивности новообразований и текста в целом.

Активно используются в речи современных журналистов при создании новообразований исконные и заимствованные части переходного характера, промежуточные между корнем и аффиксом, — префиксоиды *полу-* («жизнь на фабрике просто бурлит от *полуфабрикатских* страстей» // ОРТ, 15.04.2003); *теле-* (*телекартинка, телехит, телешедевр, телеблюдо, телевпечатления* и др.); *авто-* (*авторусалки* — об иномарках после наводнения в Западной Европе // РТР, 24.09.2002), *гидро-* («*Гидронамордник* — отличная вещь. Хозяйству помощник, поливать — обалдеть» // «Перспект», 27.11.2001), *порно-* («*Порноитоги*» с Евгением Киселевым? В Интернете появилось несколько порнографических

фильмов, то ли смонтированных, то ли вправду снятых скрытой камерой. На них человек, похожий на ведущего «Итогов», занимается групповым сексом...» // КП, 18.12.2001).

В последнее время особенно заметным стало самостоятельное использование деривационных аффиксов в функции полнозначных слов: «Невыносимы надрывные обещания всяческих *«суперов»* — *супербоевиков, суперигр, супершоу...*» (ЛГ, 2002, № 14–15). Это свидетельствует в пользу диффузного характера некоторых иноязычных префиксов, которые совмещают в себе аффиксальную и корневую семантику, выступая тем самым в качестве префиксоидов. Подобное явление квалифицируется учеными по-разному: высвобождение аффиксов [Земская 1992], лексикализация аффикса [Журавлев 1982, Николина 2001], эмансипация аффикса [Изотов 1998].

3.3. Новообразования, созданные с участием суффиксов

Суффиксам принадлежит самая активная роль в создании новообразований. По мнению Е.А. Земской, «герой современного словообразования — человек» [Земская 1996: 103], поэтому большую группу новообразований, распространенных в СМИ, составляют имена существительные, называющие лиц по самым разным признакам (включая предметный и процессуальный) с суффиксами *-ик*, *-ник*, *-ист*, *-чик/-щик*, *-тель*, *-ец* и др.: *налоговик* ('сотрудник налоговых служб'), *силови́к* ('представитель силовых структур'), *сырьеви́к* ('представитель естественных *сырьевых* монополий страны'), *бюджетник* ('работник бюджетных отраслей'), *жилищник* ('работник жилищно-коммунального хозяйства'), *погодник* ('ведущий прогноза погоды' // КП — Нижний Новгород, 28.03.2003), *рефератчик* (...у *рефератчиков* бывают свои проколы» // «КП — Нижний Новгород», 31.10.2001), *компьютерщик*, *альтернативщик* ('тот, кто находится на альтернативной государственной службе в армии'), *информационщик* ('работник информационной службы'), *экстремальщик* ('представитель экстремальных видов спорта'), *переговорщик* ('участник перегово-

ров'), *проверяльщик* («...убедить соблюдать этот принцип самых назойливых *«проверяльщиков»* // «Биржа + Свой дом», 26.10.2000), *обещальщик* («Опыт ... наших *обещальщиков* печально известен» // НТВ, 04.09.2002), *потрясатель (устоев)* // ОРТ, 20.11.2002), *перевоплощенец* («Род Стюарт поет песни братьев Гершвинов, Коула Потера и других старых мастеров. В последнее время этим же занимались Брайан Ферри и Робби Уильямс ... — тот еще *перевоплощенец*» // КП, 29.11.2002).

Активизировалось создание дериватов, называющих представителей политических партий и движений, сторонников общественно-политических теорий и деятелей: *перестроечник* ('сторонник перестройки'), *рыночник* ('сторонник рыночной экономики'), *яблочник* ('представитель партии «Яблоко»'), *ельцинист*, *звядист*, *жириновец*, *зюгановец* и др.

Многие из новообразований, встречающихся в СМИ, созданы способом универбации, при котором существительные образуются на базе словосочетаний *прилагательное + существительное*, формально и семантически соотносясь с прилагательным, но при этом включая и семантику существительного. Универбаты обычно образуются с помощью суффиксов *-к(а)*, *-ник*: *автогражданка* ('автомобильное страхование граждан'), *боевка* ('боевая брезентовая одежда пожарных'), *взлетка* ('взлетная полоса'), *кремлёвка* ('кремлевская больница'), *минималка* ('минимальный размер оплаты труда'), *молодежка* ('молодежная команда, сборная'), *оффшорка* ('оффшорная зона'), *пищевка* ('пищевая промышленность'), *повременка* ('повременная оплата'), *психиатричка* ('скорая психиатрическая помощь'), *социалка* ('социальная сфера'), *этилка* ('этиловая жидкость'), *бесшумник* ('бесшумное оружие'), *сольник* ('сольный концерт') и др.

К универбатам можно отнести и указанные выше слова: *налоговик*, *силовик*, *сырьевик*, *альтернативщик*, *информационщик*, *экстремальщик* и др. Тяготеют к универбатам и новообразования *откровенищина*, *аномальщина*, *серийщина* со значением признака как отрицательно оцениваемого явления, образованные с помощью суффикса *-щин(а)*: *откровенищина* («...после полуночи острая и тонкая ирония основного состава СЭФа сменилась пресыщенной *откровенищиной*» // «КП — Нижний Новгород»,

25.10.2001), «аномальщина-небывальщина» («Понедельник. Приключения, тайны, чудеса», 2001, № 20), «Кинофестиваль подарит нам настоящее кино, а не ту *серийщину*, которую я (мэр Москвы Ю.М. Лужков. — *Прим. авт.*) не могу досмотреть до конца» // ОРТ, 20.06.2003).

Универбаты обычно характерны для разговорной (в том числе профессиональной разговорной) речи. В книжной речи получила распространение другая модель суффиксального словообразования: отвлеченные существительные, обозначающие действия, состояния, процессы и образованные не от глаголов, а непосредственно от существительных с помощью суффикса *-изация*(я): *чеченизация* (Косово) (ОРТ, 27.03.1999), *талибанизация* (Пакистана) (РТР, 17.09.2001), *пиджинизация* (всей страны) (РТР, 24.10.2002), *стаканизация* (всей страны завершена) (РТР, 06.10.2003), *автомобилизация* (всей страны) (реклама), а также *албанизация* (экономики), *балканизация* (конфликтов), *бандитизация* (России), *бартеризация* (страны), *витринизация* (магазинов), *гайдаризация* (экономики), *капитализация* (России), *компьютеризация*, *паспортизация* (населения), *украинизация* и др. Такие существительные мотивируются не только нарицательными и собственными (Албания, Гайдар, Украина) существительными, но и словосочетаниями (*страны третьего мира* → *третьемиризация страны*), что представляет собой новый процесс.

Присоединение суффиксов в ряде случаев может сопровождаться нарушениями ограничений в сочетаемости морфем и тем самым отклонениями от тех или иных словообразовательных типов. Подобные нарушения наблюдаются в тех случаях, когда суффиксы присоединяются к основам иной семантики, чем это принято в языке. Так, в существительных *жигулята* («В прошлую субботу с пяти вечера к входу в Кремлевский концертный зал стали съезжаться крутые иномарки, разноцветные «Волги» и потрепанные *«жигулята»* // «Нижегородский рабочий», 05.03.2002) и *москвичата* («*Москвичата*» находят свой покой где-нибудь во дворах, кюветах или на пустырях» // «КП — Нижний Новгород», 25.08.2001) суффикс *-ат(а)* со значением незрелости присоединяется к основе неодушевленного существительного, а в новообразованиях *бульдозерность* («*Бульдозерность* в

достижении цели — моя, а склонность стучать, драматизировать — от отца» // «Светская жизнь», 27.06.2001), *бродильность* («Обращение к властям с просьбой обеспечить художественной интеллигенции Москвы место для *бродильности*» // ОРТ, 16.11.2001) суффикс *-ость* присоединяется к основе не качественной, а относительного прилагательного.

При образовании окказионализма *давлеж* («Известны случаи *«давлежа»* на учителей со стороны администрации...» // «КП — Нижний Новгород», 18.08.2000) нарушаются лексические ограничения в сочетаемости морфем, поскольку в языке уже существует синонимичное узуальное существительное *давление* с иным суффиксом: «окказионализм претендует на место, занятое в системе языка другим словом» [Земская 1972: 23].

Стилистические ограничения в сочетаемости морфем нарушаются в тех случаях, когда заимствованный суффикс присоединяется к исконной основе: *вручант* («В номинации *«Русский вручант»* побеждает Борис Ельцин» // ОРТ, 27.04.2002), а также когда базой для новообразования становится слово или сочетание слов, не освоенных русским языком: *зергутнее* («Что немцу хорошо, то русскому еще *зергутнее*» // ОРТ, 14.12.2001). Подобные нарушения способствуют усилению экспрессивности новообразований. Однако в большинстве случаев суффиксальные новообразования создаются по действующим в современном русском языке словообразовательным образцам и моделям.

В целом суффиксация как способ образования новых слов преобладает над префиксацией, хотя, как отмечалось выше, в последние годы именная префиксация заметно активизировалась.

3.4. Сложные новообразования в современной публицистике

Одной из особенностей словотворчества в современных СМИ является обилие сложных новообразований. Сложные дериваты обычно создаются по существующим в языке типам и моделям как способом чистого сложения, так и сложно-аффиксальными способами.

Способом чистого сложения созданы такие новообразования, как *обезьянолюди* («Конечно, монстров ростом в десятки метров в природе не существует, но и сегодня в девственных джунглях Южной Америки порой встречаются дикие, густо поросшие рыжевато-бурой шерстью, очень крупные *обезьянолюди*» // «Версия — Нижний Новгород», 24.06.2001), *землеподобие* («Модель оценки *землеподобия* планет» // «Эхо Москвы», 20.09.2001).

Многие сложные новообразования дают не только развернутую характеристику, но и оценку (чаще негативную, с ироническим подтекстом) тех или иных социальных явлений: *авторитарно-ханский* («А нам — великой, хотя и ослабевшей России — пытаются навязать свой кондовый *авторитарно-ханский* опыт власти Казахстана» // АиФ, 2001, № 40), *амурно-армейский* («Но ... спустя почти 13 лет, Пьера, естественно, подзабывшего о своем *амурно-армейском* приключении, знакомый опшаршил известием: якобы его русская любовь тогда срочно вернулась в Россию...» // «КП — Нижний Новгород», 25.01.2002), *кинозатя* («Самое скандальное во всей этой *кинозатее* — имена героев второго плана» // «КП — Нижний Новгород», 31.01.03), *пирамидостроитель* («Мавроди в нашем доме не так давно поселился», — Клавдия Григорьевна оказалась соседкой знаменитого *пирамидостроителя*» // «Волжская магистраль», 10.02.2003), *тортометательница* (о девушке, кинувшей торт в мэра), *тортометатели* («Вадим Булавинов оказался неожиданно для себя в клубе сенаторов... оккупированном *тортометателями*» // («Новости Приволжья», 27.01.2003). В сложных словах негативная оценка, ирония может быть связана со значением одного из производящих слов: *затя* (*кинозатя*), *пирамида* (*пирамидостроитель*), *авторитарный* (*авторитарно-ханский*), *амурный* (*амурно-армейский*). Активно используется в сложных новообразованиях компонент *-мания*: *лозунгомания* («Советская власть отличалась *лозунгоманией*» // ОРТ, 30.10.2002); *карлсономания* (ОРТ, 28.01.2002); *бригадомания* — слово появилось в нижегородских СМИ после выхода на экраны телесериала «Бригада».

С контекстом и семантикой первой части окказионального прилагательного-сращения *свежеугнанный* («Джигиты упаковали плоды умственного труда Михаила Жванецкого в пакет и схо-

ронили его в багажнике *свежеузнанного* джипа» // КП, 25.01.2002) связан комический эффект, усиливающийся на фоне узуальных прилагательных с первым компонентом *свеже-* (*свежевспаханный, свежеввыбранный, свежеприбывший, свежеприготовленный, свежескошенный* и под.), который здесь соответствует по значению словам только что или недавно. Экспрессия окказионального сращения *высокосидящий* («Привилегии (самок в стае обезьян. — Прим. авт.) эти делятся на постоянные (например, самка всегда находится в середине — самом защищенном месте стада и т.д.) и переменные в зависимости от того, какой самец ее выбрал» // «Новое дело», 30.10—05.11.2002) возникает в результате каламбурного совмещения прямого и переносного значений исходного словосочетания.

Сложение основ при создании слов может сопровождаться суффиксацией (при этом суффикс может быть и нулевым): *ухогрыз* («Знаменитый *ухогрыз*» — о Майке Тайсоне // ОРТ, 30.01.2002), *грантодатель* («Сайт создан при поддержке отечественных *грантодателей*» // «Версия НН», 24.06.2001), *серокостюмный* («*серокостюмные* существа» // ОРТ, 22.06.2002), *обильноволосяй* («Социологи из Гарварда пришли к удивительному заключению: женщины считают вас умнее ваших *обильноволосях соперников!*» // КП, 26.12. 2001) и др.

Ироническая экспрессия этих новообразований возникает в результате незузального сочетания мотивирующих основ (*ухогрыз*), а также обусловлена контекстом (*серокостюмные, обильноволосяе*). С контекстом, видимо, связана и негативная оценка, содержащаяся в сложно-суффиксальном существительном *звукоизвлекатели* с суффиксом *-тель*: («Идея саундтрека «вокруг» фильма тоже принадлежала Акунину. Вначале он вообще предлагал, чтобы записи современных певцов звучали внутри фильма... я не хочу, чтобы мое имя как-то связывалось с этими *звукоизвлекателями*» // КП, 01.03.2002) — режиссер А. Адабашьян о фильме «Азазель». Негативная оценка в суффиксально-сложном окказиональном прилагательном *нервозатратный* («Изготовление этого сериала оказалось настолько *нервозатратным*, что мне придется крепко подумать, прежде чем согласиться на продолжение» // КП, 01.03.2002) возникает как в связи с контекстом, так и в

результате сочетания мотивирующих основ существительного *нервы* и глагола *затратить*.

В большинстве своем сложные новообразования не нарушают сложившихся в языке правил словообразования, создаются по типовым словообразовательным образцам и моделям.

3.5. Новообразования, созданные по конкретному образцу

Новообразования в публицистической речи могут возникать не только по образцу словообразовательного типа, но и по аналогии с отдельным, конкретным словом, т.е. по конкретному образцу. Под образцом понимается слово, структурно-семантические отличия которого от другого однокоренного (исходного) слова языка воспроизводятся в деривационном процессе [Михайлов 1989: 59]. Так, окказиональное существительное *поносительность* (Теория «поносительности» // «Нижегородский рабочий», 01.10.2002) от прилагательного *поносительный* создано по образцу отаггективного существительного *относительность* с помощью суффикса *-ость* со значением отвлеченного признака. Окказионализм *пришлепалец* («Без ведома мамы папа уже брал на работу какого-то *пришельца*, или *пришлепальца*» // «Радио России», 12.08.2002) построен по образцу отглагольного существительного *пришелец* суффиксом *-(л)ец*, называющего лицо по действию.

Экспрессия подобных дериватов усиливается в результате их антонимического отталкивания от слова-образца: «Через пять-шесть лет в ННГУ места круглых отличников займут круглые *превосходники*» (НТВ, 10.01.2003), «Маша не *хранитель* денег, Маша — *транзитер* денег, вернее, *тратитель*» (RenTV, 15.06.2003), в результате семантической переключки со словами, называющими близкие или однопорядковые признаки: «Как же я люблю эти *всяческие, всевозможнические* новогодние хлопоты» (РТР, 21.12.2002), «Хлопайте погромче: он не только *подслеповат*, но еще и *подглуховат*» (ОРТ, 01.08.2003), «Дорогие друзья, до поведельника. *Увидимся и услышимся*» (ТК «Волга», Нижний Новгород, 16.07.2003).

В качестве образца может выступать слово с редким или уникальным аффиксом. Так, образцом для окказионального *сати-рески* («Николай Зиновьев читает свои юморески, или, если можно так сказать, *сати-рески*» // «Радио России», 23.11.1995) послужило отсубстантивное существительное *юмореска* с нерегулярным суффиксом *-еск(а)*, а образцом для окказионализма *алфизика* («То, чем Алферов занимается, сам он называет алхимией, хотя точнее это надо было назвать *алфизикой*» // РТР, 20.12.2001) является существительное с уникальным префиксом — *алхимия*.

В качестве форманта при деривации по конкретному образцу может выступать неморфемная часть слова. Например, конкретным образцом для окказионализма *дядьволодинцы*, созданного на базе разговорного словосочетания *дядь Володя* («...вступая в ряды юных *дядьволодинцев...*» // RenTV, 21.04.2002), послужило узвальное слово *ленинец*, неморфемная часть которого *-инец* выступает в роли форманта окказионализма. В подобных случаях степень экспрессивности новообразований возрастает.

В качестве форманта может выступать аффиксоид, в частности суффиксоид *-ман* («Эту команду знают многие киноманы, а точнее *тарантиноманы*» // ТК «Волга», Нижний Новгород, 11.10.2002).

При деривации по конкретному образцу окказиональное слово может возникать чересступенным способом. Так, окказионализм *стильницы* («Эта одежда придется по вкусу даже не столько модницам, сколько *«стильницам»*» // «АиФ — Нижний Новгород», 1996, № 16) воспроизводит структуру слова-образца *модницы*, минуя словообразовательную ступень исходного существительного со значением лица мужского пола. Окказиональное существительное *растроение* («Не происходит ли раздвоения личности, *растроения* личности?» // ОРТ, 03.01.2002) построено по образцу отглагольного существительного *раздвоение*, минуя ступень глагола, с помощью префикса *раз-/рас-* и суффикса *-ени|j|(e)*.

Таким образом, при деривации по конкретному образцу в качестве образца может выступать слово как типовой, так и нетиповой структуры. В последнем случае степень экспрессивности новообразований обычно возрастает.

3.6. Нетиповые новообразования в современной публицистике

Яркой приметой современной публицистической речи являются новообразования, созданные с нарушением словообразовательных стандартов — норм и законов словообразования. Такие новообразования возникают нетиповыми, неузвальными способами, характерными для окказиональной деривации. Среди них выделяются следующие продуктивные способы.

1. Заменительная деривация. Нередко сложные новообразования появляются в результате заменительной деривации, которая обычно отождествляется исследователями с деривацией по конкретному образцу. «Иногда появление нового слова представляет собой образование не по образцу как структурной схеме, а по аналогии к конкретному слову путем извлечения из него корня (основы) и замены его другим корнем» [Янко-Триницкая 2001: 463; Удуханов 1974]. При деривации по конкретному образцу новообразование воспроизводит формант слова-образца. Так, окказионализм *диптерпломан* создан на базе названия зарубежной музыкальной группы помощью суффиксоида *-ман*, представленного в конкретном образце *битломан*, который присутствует в контексте: «Это наши, это битломаны или диптерпломаны...» // ОРТ, 10.01.2002.

Заменительное словообразование широко представлено в современной прессе: *кетчупозависимость* ← *наркозависимость* («Семья Тимоховых приобрела кетчуп, изготовленный на Украине, «Торчин продукт». «Пробовали всей семьей, — пишет Надежда Тимохова, — торчать там не с чего!» Ну и слава Богу: *кетчупозависимость*, как сейчас доказано, практически неизлечима» // КП, 09.11.2001); *фальшивотаблетчики* ← *фальшивомонетчики* («Почему существующая система... не защищает нас от *фальшивотаблетчиков?*» // ОРТ, 17.06.2002); *грязепролитие* ← *кровопролитие* («Многолетний опыт наблюдений предвыборных гонок подсказывает, что следующий этап кампании — *грязепролитие*», когда кандидаты стараются смешать с землей своих соперников» // «Репортер и время», Дзержинск, 2002, № 38); *хлопкораб* ← *хлопкороб* («От истинного положения дел отделяет одна

буква: вместо *хлопкороб* — *хлопкораб*» // RepTV, 25.10.2002); *нефтевро* ← *нефтедоллары* («Мы хотим поменять *нефтедоллары* на *нефтевро*» // ОРТ, 21.10.2003); *дальшелетние* ← *трех-четырёхлетние* («*трех-четырёхлетние* и *дальшелетние* девочки» // РТР, 22.10.2003), *златокубковая* ← *златоглавая* («Комсомолка сделала Москву *златокубковой*» // КП, 20.12.2001), *потопролитный* ← *кровопролитный* («В спорткомплексе «Олимпийский» продолжаются *потопролитные* бои, в которых цвет мужского и женского тенниса сражается за кубок Кремля» // КП, 04.10.2001). Окациональное *бритобезголовые* (М. Леонтьев, «Другое время» // ОРТ, 19.04.2002) создано путем антонимического отталкивания от узального *бритоголовые* в результате замены второй части сложения словом *безголовые*.

Подобные новообразования, как правило, становятся экспрессивным средством выражения иронии, негативной оценки, служат для создания комического эффекта.

2. Контаминация. В последнее время наблюдается активизация неузальных способов образования сложных слов, которые по-разному определяются в научной литературе: *междусловное наложение* [Янко-Триницкая 1975], *контаминация* [Намитокowa 1986, Земская 1992, Николина 1993], *гибридизация* [Костюков 1986]. При междусловном наложении происходит совмещение соседних частей исходных слов на основе их формального тождества: *велосипедагогические* ← *велосипед* + *педагогические* («доктор *велосипедагогических наук*» // ОРТ, 21.07.2002); *баобабушка* ← *баобаб* + *бабушка* («Дед-баобаб и бабушка-баобабушка» // КП, 06.04.2001).

Междусловное наложение, согласно Н.А. Янко-Триницкой, «состоит в том, что на конец основы одного слова накладывается омонимичное начало другого слова. Таким образом, возникает сложное слово особого типа, включающее в свое значение семантику обоих объединившихся слов, а в свою основу — основы обоих объединившихся слов, причем в качестве определяемого выступает второе слово, а качестве определяющего — первое» [Янко-Триницкая 2001: 471]. Такое совмещение может сопровождаться усечением финали первого или/и начала второго слова: *Архимандрей* ← *архимандрит* + *Андрей* («У Архимандря Кислородина

отчества нет» // «Новое дело», 29.03.2001), *Молимпиада* ← *мормоны* + *олимпиада* («Всемирный центр мормонов находится в Солт-Лейк-Сити... Неудивительно, что грядущие состязания порой называют *«Молимпиадой»* // КП, 01.02.2002), *КИДМАНули* ← *КИДМАН* + *пидманули*, *обманули* («Тома Круза *КИДМАНули*» // КП, 28.12.2001). Кроме того, данный окказионализм ассоциируется и с жаргонизмом «кинули». *ЧИФеристы* ← *ЧИФ* 'чековый инвестиционный фонд' + *аферисты* («Люди, пострадавшие от коммерческой деятельности ЧИФ «Нижегородская ярмарка», уверены, что они стали жертвами грандиозного мошенничества» // «Новое дело», 30.04.2001). При совмещении первого из исходных слов с начальной частью второго в составе деривата возможны фонетические изменения: *ЛЮБЭобильная* ← *«ЛЮБЭ»* + *лювеобильная* («В эфире самая *ЛЮБЭобильная* программа «Пока все дома» // ОРТ, 03.01.2003). При контаминации соединяются начальная и конечная части исходных слов: *губермобиль* ← *губернатор* + *автомобиль* («...*губермобиль*» представляет собой «Волгу» ГАЗ-3110» // «КП — Нижний Новгород», 25.08.2001). Междусловное наложение и контаминацию можно рассматривать как частные случаи гибридизации.

Еще одним частным случаем гибридизации является *тмезис* (Намитоква 1986, Земская 1992), при котором одно исходное слово вставляется внутрь другого: *Анафигнадьрь* ← *Анадьрь* + + *на фиг надо* (шутливое название города // «Прспект», 27.11.2001), *народная целлюлительница* ← *целительница* + *целлолит* (ОРТ, 01.12.2002); при тмезисе также возможно совмещение соседних формально тождественных частей исходных слов.

В ряде гибридных новообразований происходит полное совмещение одного из исходных слов с частью другого, что на письме выделяется графически: *обШАРПанный* ← *обшарпанный* + + *«ШАРП»* («Главная сложность заключалась в том, как убедить вражеского потребителя купить наш телевизор. В отдельных случаях приходилось маскировать «Рубины» под «Сони» и «Шарпы». *«ОбШАРПанный»* таким образом враг не знал, что и думать» // КП, 05.10.2001), *«ОПТИМАльное решение»* (реклама сигарет «Оптим» // КП, 30.11.2001), *«Народ Украины заДАвил парла-*

мент. Президенту Кучме сделали «да» 4 раза» (КП, 18.04.2000), «ГОРЯчились, БУШевали, президента выбирали» (КП, 09.11.2000), «поКЛОИ с того света. Богатая американская семья собирается с помощью клонирования вернуть себе умершую дочь (КП, 20.10.2000), «поСЕТИте «СЕТИ НН» — яркое телевидение!» («КП — Нижний Новгород», 27.12.2002), «рубрика «ПРОпитание»: «Нужно СОКолиное зрение» (заметка о способах определения качества сока) («Биржа», 27.05.2002). Подобное явление отдельные исследователи называют **графическим словообразованием** (Изотов 1998).

Новообразования-гибриды отличаются не только произвольным характером внутрисловных, межморфемных границ, но и увеличением семантического объема, семантической компрессией, что отражает стремление автора к максимальной информационной емкости текста в рамках ограниченного пространственно-временного континуума, а также желание достичь определенного стилистического (в частности, комического) эффекта. В связи с этим многие сложные дериваты, созданные неузualmente способами, отмечены явной установкой на языковую игру и имеют оценочный характер.

Элементы каламбурного словообразования широко представлены в современной прессе, ср., например, шуточные топонимы *Ячень-на-Глазу*, *Нарьян-на-Марье*, *Пламенноприветск*, *Досвиданьево* («Проспект», 27.11.2001). Окказионализм *Ячень-на-Глазу* создан на базе соответствующего словосочетания по конкретному образцу *Ростов-на-Дону*. Окказиональное *Нарьян-на-Марье* построено по той же модели (ср.: *Павлово-на-Оке*) путем замены частей узуального топонима *Нарьян-Мар* омонимически переосмысленными компонентами (декомпозиция с заменой частей). Окказиональные *Пламенноприветск* и *Досвиданьево* созданы сложно-суффиксальным способом на базе речевых этикетных формул *пламенный привет* и *до свидания*. Приемы каламбурного словообразования способствуют усилению личностного, авторского начала в речи, ее экспрессивности.

3. Нелинейная деривация. Большинство из рассмотренных выше новообразований можно условно отнести к линейной деривации, при которой фонетическая и графическая оболочка од-

нозначно представляют определенную семему. Между тем окказиональные слова в публицистике образуются и при помощи **нелинейной деривации**, т.е. таких способов, при которых формант не присоединяется, а наоборот, удаляется из мотивирующего слова (происходит усечение) либо присутствует условно.

А) Один из распространенных способов — это **неморфемное усечение (десегментация, удаление фонем, усечение по аббревиатурному типу)**, представлено, например, дериватами *Арт* (от имени собственного *Артем*), *безоп* (от слова *безопасность*), *Говор-*, *Соло-* и *Ухин* (от фамилий *Говорухин* и *Солоухин*). Здесь формантом является неморфемный сегмент (фонема или сочетание фонем, не равное узуальной морфеме), усекаемый в производящем слове: **-ем, -асность, -ухин, соло-**. Бесспорно, этот способ используется в экспрессивных целях, часто на нем основываются приемы языковой игры: каламбурное сближение паронимов, псевдоэтимологизация и пр. Так, дериват *Арт* — явный омоним части сложных слов *-арт-*, обозначающей принадлежность к искусству (ср. *соц-арт, артнуво*).

Н.А. Николина, анализируя тексты художественной литературы, отмечает такие типы усечения, как:

- усечение начала слова: «*это прощально щемлящая ркадия / исчезновенный мир / за миг до своего рмагеддона*» (А. Цветков) ↔ **Аркадия, Армагеддон*;
- усечение конца (финали) слова: «*нас не улов ни кисть ни слов — лишь музыка стиха*» (Г. Сапгир) ↔ **уловят / уловили, слова*;
- усечение и начальных, и конечных элементов слов: «*небр дбородок запроки / из-под века — смурый зра / двери гнузные поскри...*» (Г. Сапгир) ↔ **небритый подбородок запрокинул/запрокинь, зрачок, поскрпывали/поскрпывают*.

В современной речи, как отмечают Л.В. Зубова и Н.А. Николина, культивируется поэтика полуслова, поскольку «сокращение слова усиливает неопределенность знака (формы) и активизирует восприятие читателя (адресата текста), включает его в языковую игру — сотворчество» [Николина 2003: 384]. Кроме того, «очень часто недоговоренное слово иконично в изображении ситуации — засыпания, смерти, увечья, перебивания речи собеседником, заглушающего шума... Но подобные мотивировки —

внешние поводы», большую значимость имеет первая причина [Зубова 2000: 355].

Б) К нелинейной деривации относится и (**идео**)**графическая деривация**. Ее активизация связана с тем, что на современном этапе развития литературного языка многократно возросла роль его письменной формы, в некоторых областях, в частности в деривации, сумевшей потеснить первичную звуковую форму. Так, появляются специфические слова с неоднозначной звуковой оболочкой, но с четкой графической (например, вряд ли возможно «правильно» произнести окказионализм *пост(а)теист*).

Идеографическая деривация — это участие идеограммы (условного графического знака) в процессе словообразования. Например, очень распространена замена графемы **а** фонографически опосредованным символом **@**, соотносящимся с миром компьютерных реалий и интернета. Так, название телерубрики «*Давайте встретимся!*» подразумевает фактическое общение через интернет (в «чате»). Ср. название диспута о творчестве писателя «*Добро должно быть с Мураком!*».

Можно говорить о трех отдельных способах идеографической деривации и их вариантах с обратным направлением действия деривационной операции.

1) Идеографизация. Производное слово отличается от производящего наличием словообразовательного средства, принадлежащего иной знаковой системе, и факультативностью, незначимостью звукового облика по сравнению с письменным. Идеографическая оболочка здесь приоритетна, например, дериват *Stogoff* является уже не фамилией писателя *И. Стогова*, а его логотипом; дериваты *во-I* (ср. *во-первых*); *во-II* (ср. *во-вторых*) также не предназначены для произнесения (часто подобные идеограммы используются для ускорения записи текста вручную, например, в конспектах лекций; ср. узуальные аббревиатуры *РСФСР*, *США* и пр., имеющие вариативную, неустойчивую фонетическую оболочку). Идеографизации подвергаются не только слова целиком, но и их (не)морфемные части, однако, на наш взгляд, и в таких случаях все слово приобретает черты идеограммы, напр. *Мурак@ми* ← *Мураками*; *1,5цкий* ← *Полторацкий*.

2) Онимизация — образование имени и фамилии на базе производящего имени собственного, например: *Из других «бара-тынских» реминисценций... череда рифм рождает как бы «бес-смысленную» строчку — Вскоре? Не вскоре?.. Какой еще Боря? Известно какой — Тынский; по старой модели: Веня Витинов и Веня Диктов (Немзер 2001). Боря Тынский ← *Бара || *тынский; Веня Витинов ← *Вене || *витинов и т.п. (Встречается также термин *капитализация* (ср. англ. *capital letter* — ‘прописная буква’ [Нефляшева 1998: 16]).*

3) Дезонимизация (обратный вариант *онимизации*) — производное отличается от производящего графически *отсутствием онимографа*, напр. *камю и сартры* (от фамилий *Камю* и *Сартр*; ср. узуальные *геракл; донкихот*). Это явление известно также как *апеллятивация* (переход собственных имен в нарицательные), хотя обычно не рассматривается как способ идеографической деривации.

4) Интеграция — образование нового слова на базе словосочетания или целого предложения путем ликвидации пробелов между словами. Производное отличается от производящих наличием контакта (или полуконтакта — при использовании дефиса вместо пробела между словами) выраженных видеорядом частей, напр. *словаслилисьводнуфразу* или *политика-как-продолжение-войны-только-другими-средствами* (ср. узуальные *вперёдсмотрящий, перекаати-поле* и пр.). Этот феномен рядом ученых называется также *слиянием* или *голофразисом*, также не будучи включенным в состав идеографических способов деривации.

В) С идеографической деривацией тесно связана ранее практически не исследованная *виртуальная деривация*, при которой одна оболочка служит обозначению двух и более слов. Этот феномен заключается в том, что автор окказионализма графически обособляет формант, например, заключает в скобки, показывая условность, вероятностный характер его присутствия в деривате, или отделяет формант дефисом, или заключает в кавычки. В качестве примера можно рассмотреть слово *(за)очник*, приставка которого взята в скобки. Благодаря тому, что это слово и с приставкой, и без нее узуально, обособление приставки может означать как ее условное присоединение, так и условное удаление,

а кроме того — сложение слов *очник-заочник*. Таким образом, в графической оболочке одного слова могут присутствовать оба члена деривационной пары (*очник* и *заочник*) и окказиональный композит *очник-заочник*. Дериваты, образованные при помощи такой деривации, соответственно характеризуются виртуальностью. Под виртуальностью здесь имеется в виду вероятностная характеристика существования производного, полевой характер последнего: это и *очник*, и *заочник*, и *очник-заочник* одновременно.

Этот новый способ образования слов применяется в основном в публицистической и художественной речи. Размыwanie границ между словом и синтаксическими единицами «отражает диффузность, нестабильность, текучесть «картины мира» современных писателей, разрушение в ней традиционной иерархии явлений и отношений» [Николина 2003: 385]. Эти же новообразования выявляют и еще одну яркую особенность современной речи — ее интертекстуальность, отражающую постоянное взаимодействие текстов в мировой культуре. Появляются **интертекстуальные новообразования** [Николина 2003: 386], отсылающие читателя к историко-культурным ситуациям, личностям, мифам, литературным сюжетам, образам: *по-дерриде*, «Марк вполне пробирочный русский — *обломо-карамазово-грушицкий*. Или другой ряд. *Левино-раскольниково-базаровский*» (Г. Щербакова) и под.

При виртуальной деривации идеограмма (скобки, кавычки, дефис, слеш) является вспомогательным средством соединения базы и форманта. По виду идеограммы (точнее — **грамматограммы**) можно выделить следующие виды виртуальной деривации:

а) **парентезис** (ср. англ. *parenthesis* — ‘брать в скобки’): *пост-(а)теист* [Эпштейн 2000]; *(само)уничтожение; не(слишком)ленькие* [Липовецкий 1997] и т.п. (происходит *виртуализация форманта и самого процесса*);

б) **дефисация**: «*ботать по-дерриде*» [Курицын 2000]; *по-кончить с собой* [Липовецкий 1997] (*дефис виртуально соединяет или членил слово*);

в) **квотация** (ср. англ. *quotation marks* — ‘кавычки’): «*супер*» вещь или «*супер*»идея [Эпштейн 2000] и т.п. (*кавычки виртуализируют процесс деривации и семантику форманта*);

г) *слешинг*: *пред/постмодернизм* (слеш виртуализирует акт деривации).

Виртуальная деривация может быть соотнесена с линейными способами словообразования.

• **Виртуальная префиксация** означает виртуально выраженное присоединение префикса к слову, в результате чего в одной графической оболочке отражены три равновероятные звуковые оболочки: слово **(до)модерн* можно прочесть либо *модерн*, либо **домодерн*, либо **модерн-домодерн*. Из этих трех оболочек две окказиональны.

• **Виртуальная депрефиксация** — виртуально выраженное усечение префикса в узуальном слове при отсутствии в узусе соотносительного беспрефиксального, например, *без-исходность*, *о-своение*, *сверх-геометрический*, *транс-идеализм*, *транс-оригинальность*, *транс-патетика*.

• **(Де)префиксация** наблюдается, если узуальны два варианта (и с формантом, и без форманта), например, *(бес)порядок* (из трех возможных звуковых оболочек окказиональна одна — *порядок-беспорядок*). Поэтому в таких случаях равновероятны и префиксация: *(бес)порядок* → *беспорядок*, и депрефиксация: *(бес)порядок* → *порядок*, и интеграция: *(бес)порядок* → *порядок-беспорядок*. Ср. также *бес-характерный*, *(не)понимание*, *(пост)советский*, *(пост)структурализм*, *(само)разрушение*, *(само)уничтожение*. То же можно сказать и о термине **(де)префиксация**.

• **Виртуальная суффиксация** представлена в слове *о-ность*: «между тем англо-американский философ думает о мире, который остается всего лишь интенциональным объектом мышления, запредельным самому мышлению, косвенно связанному с ним через предлог «о» (сама интенциональность определяется как «*о-ность*» мышления, т.е. его свойство быть «мышлением о»)» [Эшштейн 2000]. В данном примере базой деривации является предлог *о*.

• **Виртуальная десуффиксация** может быть выделена, например, в словах *контекст(уальность)*, *интертекст(уальность)*, *гипертекст(уальность)*, причем в каждом из них происходит виртуальное присоединение сразу двух суффиксов разных ступеней деривации, поскольку линейно прочитанные дериваты мотиви-

рованы суффиксальными прилагательными *контекстуальный*, *интертекстуальный*, *гипертекстуальный*. Как видим, в деривации возможна и виртуальная чересступенность.

- **(Де)постфиксация:** в деривате *отвалить(ся)* одновременно «уживаются» три слова: узуальные *отвалить*, *отвалиться* и окказиональный композит *отвалить-отвалиться*.

- **(Де)композиция** — виртуальная равновероятная композиция-декомпозиция: узуальны как композит, так и все его части по отдельности, например, *(латино)американский*. Обособление одной из частей приводит к равновероятному обозначению (совмещению) данной оболочкой трех разных оболочек (*американский*, *латиноамериканский* и окказ. **американский-латиноамериканский*). Поэтому в таких случаях равновероятны и композиция: *(латино)американский* → *латиноамериканский*, и декомпозиция: *(латино)американский* → *американский*, и интеграция композитов: *(латино)американский* → **американский-латиноамериканский*.

- **Виртуальная композиция.** В публицистических текстах встречается немало сложносоставных слов (в том числе и образованных на базе окказионализмов) типа *автор-персонаж*, *американизация-постмодернизация*, *диссидент-отсидент*, *друг-соперник-поединщик-двойник*, *вчерашний-сегодняшний-завтрашний*, *интерартист-любитель*, *коллективизация-уркаганизация*, *культура-упырь*, *одинокость-богооставленность*, *Печорин-Сартр*, *проза-самоопределение*, *сон-вымысел*, *сон-жизнь*, *читатель-зритель*, *читаться-писаться*, *чтение-разыгрывание*, *чтение-сотворчество*, *художество-дурачество-воровство*. Подобные слова, в зависимости от их частеречной принадлежности, могут трактоваться по-разному. Подавляющее большинство представляют существительные, которые ввиду их полураздельнооформленности, рассматриваются и в рамках чистого сложения [Немченко 1994: 269], и вообще вне деривационных отношений (как отдельные слова с приложениями — в синтаксическом аспекте). Прилагательные и глаголы, наверное, с большей определенностью можно отнести к композитам, хотя и здесь возможно синтаксическое описание (словосочетание).

Нелинейная деривация обладает и терминообразующими потенциями. Нелинейно сконструированный термин может стать гиперонимом для нескольких терминов, состоящих между собой в отношениях антонимии или синонимии, при этом его линейная протяженность будет равна одному из них. Ср.: *(не)эвклидова геометрия* (пример из РГ-80). Специфическую микросистему виртуальных терминов могут сформировать такие дериваты, как *(пост)модернизм* [Тупицын 1998]; *(предпост)модернизм* [Липовецкий 1997]; *преди-(среди-, после-)словие* [Давыдов 2001]; *«супер»идея* [Эпштейн 2000]; *анти-мета-физический* [Эпштейн 2000] и т.п.

Таким образом, анализ публицистики последнего времени позволяет сделать вывод, что в современном словопроизводстве обнаруживаются те же черты, которые характерны для современного языка в целом: рост личностного начала, перемещение периферийной лексики в центр сферы употребления. Свобода от ограничений способствует расцвету неузального словообразования.

Вопросы и задания

- Составьте выводы к каждому параграфу и главе в целом.
- Охарактеризуйте речевые особенности современной публицистики.
- Назовите основные направления словообразовательных процессов в современном русском языке.
- В чем проявляется функциональный динамизм словообразовательных процессов в современном русском языке?
- Каковы признаки ключевых слов и типы последних?
- Приведите примеры «ключевых слов» современной действительности. Какую роль они играют в деривационных процессах?
- Найдите в современных газетных текстах неологизмы, мотивированные именами собственными, аббревиатурами или появившимися целыми словообразовательными гнездами.
- В чем проявляется активизация именной префиксации в современной русской публицистике? Каковы причины этого явления?

- Какова специфика современного суффиксального словообразования и производства сложных слов в современной публицистике?
- Дайте характеристику основным группам нетиповых словообразовательных неологизмов (окказионализмов) современной публицистики.
- Укажите элементы каламбурного словообразования в СМИ. Приведите собственные примеры из прессы.
- Чем отличается линейная деривация от нелинейной? Охарактеризуйте основные способы нелинейной деривации.
- Самостоятельно подберите примеры неологизмов, созданных способами усечения, идеографизации, виртуальной деривации.
- Какую функцию выполняют новообразования разных видов в текстах СМИ?

4. РУССКАЯ НЕОГРАФИЯ

4.1. История русской неографии

Неография — это раздел неологии, занимающийся лексикографическим описанием неологизмов русского языка. Неография включает «1) внесение новаций в очередное издание (или переиздание) толкового словаря живого литературного языка; 2) создание дополнений (или приложений) к прежде изданным словарям; 3) создание специальных словарей новых слов» [Алаторцева 1998: 486]. Эти же способы отражения неологизмов в русской лексикографии отмечают В.А. Козырев и В.Д. Черняк [2004: 69].

Необходимость описания новых слов и выражений была давно осознана русскими лексикографами. Еще по указанию Петра I и при его непосредственном участии был составлен «Лексикон во кабулам новым». В этом Словаре представлены и кратко истолкованы получившие тогда распространение в русском языке заимствования из различных западноевропейских языков. Отражая лишь один из разрядов новых слов в языке, этот лексикографический труд не являлся собственно словарем неологизмов русского языка, он представлял собой словарь смешанного типа — словарь новых иностранных слов. Такими же были и переводные словари XVIII в., в состав которых включался значительный слой неологизмов — лексических заимствований, калек, словообразовательных неологизмов.

Новый период в истории русской лексикографии начался с создания фундаментальных академических толковых словарей русского языка — Словарей Академии Российской. Впервые проблема описания новаций в русском языке была поставлена в академическом «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847 г.). Его составители «стремились отразить в своем труде неологизмы последних лет, общеупотребительные в лите-

ратурном языке. Новые слова составители словаря тщательно анализировали, прежде чем включить их в словник. Считая своей обязанностью помочь усвоению одних слов и препятствовать необдуманному употреблению других, авторы в результате включили в Словарь только часть новаций языка современного им периода» [Алаторцева 1998: 487].

В XVIII—XIX вв. в словарях фиксировались прежде всего неологизмы, появление которых обусловлено экстралингвистическими факторами: социально-экономическими, политическими, культурными изменениями, происходящими в обществе. Попытка отразить лексические инновации разных типов, относящиеся ко 2-й половине XIX в., была предпринята в «Словаре русского языка, составленном вторым отделением Императорской Академии наук» (1891—1895 гг.) под редакцией академика Я.К. Грота. Задачи этого издания были сформулированы следующим образом: «Словарь стремится возможно полно отразить литературный язык с половины XVIII века, включая и неологизмы, которыми в последние десятилетия обогатилась русская речь по естественному ли ходу развития языка (имеются в виду языковые новшества, обусловленные разными процессами внутриязыкового развития) или вследствие многочисленных преобразований во всех почти отраслях общественного и государственного быта (т.е. экстралингвистически обусловленные неологизмы)» [Словарь 1895: V]. Таким образом, в этом словаре отражены новообразования разных типов, появление которых обусловлено не только экстра-, но и внутриязыковистическими факторами.

В 20—30-е годы XX в. Л.В. Щерба призвал большее внимание уделить изучению неологизмов и отражению их в словарях: «Что же касается новых слов, новых словообразований и новых значений старых слов, то собирание и издание их... должно составить особую задачу... На обязанности Отделения русского языка и словесности... лежит время от времени выпускать добавления к Словарю (современного русского языка), содержащие в себе все вошедшее в литературный язык за определенный промежуток времени. Эти добавления будут крайне поучительны, так как будут наглядно представлять современные изменения в языке в

связи с изменениями в структуре общества и в материальной и духовной культуре его» [Шерба 1966: 75].

Первым словарем, в котором новая лексика и фразеология русского языка начала XX в. получили достаточно полное отражение, стал «Толковый словарь русского языка» под редакцией профессора Д.Н. Ушакова (1934–1940 гг.). Впервые в группу помет, устанавливающих историческую перспективу в словах современного языка, вошли пометы *новое* — *старинное*, *устарелое*. По этому словарю Е.А. Левашовым составлен список русских неологизмов 10–30-х годов XX в., который является естественной частью русской неографии и неологии [Левашов 1990: 106–130]. В него вошли, например, такие единицы, как *агитпроп* (нов. истор.), *активизация* (нов. газет.), *активизировать* (нов. газет.), *активист* (полит. нов.), *алиментщик* (нов. разг.), *ал(л)шуйный* (нов. газет. презрит.), *азрарий* (нов. мед.), *аэропорт* (авиац. нов.) и под.

Указанные выше словари не были словарями неологизмов, они лишь попутно описывали эту группу лексических единиц. Принципиально новый этап развития русской неографии начался в 60-е годы XX в. Новое лексикографическое направление было практически открыто и теоретически обосновано доктором филологических наук Н.З. Котеловой. Она являлась автором и редактором специальных словарей новых слов и выпусков «Новое в русской лексике» на протяжении 25 лет. За это время группой неологии под ее руководством были созданы неологические словари разных жанров [Козырев, Черняк 2004: 71], составившие определенную лексикографическую систему.

4.2. Типология современных словарей неологизмов

4.2.1. Типология неологических словарей А.А. Брагиной

Известный специалист по неологии А.А. Брагина выделяет среди неологических словарей три типа изданий, полагая, что они отражают три ступени, три стадии в жизни слова: от нового,

единичного употребления до общепринятого использования [Брагина 1997: 112]. Идею стадийности в жизни новых слов выдвинула еще Н.З. Котелова, сейчас ее разрабатывает коллектив авторов-словарников: Т.Н. Буцева, Ю.Ф. Денисенко, Е.П. Холодова, М.Ф. Найденова, Н.А. Козулина, В.Д. Бояркина, Э.Р. Сальмин.

Суть этой идеи заключается в следующем. Первая стадия жизни слова — это его появление в речи конкретного говорящего, обусловленное разнообразными потребностями общения; вторая стадия предполагает включение новообразования в речь слушающих; третья — закрепление их в общем употреблении (узусе).

Эти три стадии в жизни слова обуславливают появление трех типов неологических словарей, к которым относятся:

1) ежегодные словари. Они включают все слова, воспринимаемые как новые: и только что появившиеся в речи, и «по случайной случайности» зафиксированные в тексте — на страницах газет, журналов, в различных жанрах СМИ и записанной устной речи. Такие словари составляют серию выпусков «Новое в русской лексике. Словарные материалы» и охватывают материалы за 3—4 месяца одного года;

2) словари-справочники. Они включают не «новорожденные», а уже «воспроизводимые в потоке речи» лексические единицы. Словарный материал для словаря, соответствующего стадии становления, охватывает 10-летний период. Это словари «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов», потом — 70-х, 80-х годов и, наконец, готовящийся к печати — 90-х годов;

3) словари неологические, толковые. Такие словари охватывают несколько десятилетий (т.е. словарный материал прослеживается в речи двух поколений) и включает лексику новую, не зафиксированную академическими толковыми словарями, но уже закрепившуюся в узусе.

Если два первых типа словарей не преследуют нормативных целей (их задача — зафиксировать и описать новое слово), то третий тип словаря — нормативный: его задача — зафиксировать слово, ставшее общеязыковым достоянием, допущенное нормой, т.е.

уже вошедшее в литературный язык. Таков «Словарь новых слов русского языка (середина 50-х—середина 80-х годов)».

Несколько иная типология словарей неологизмов предложена Н.З. Котеловой [1988: 46—63].

4.2.2. Типология неологических словарей Н.З. Котеловой

Н.З. Котелова выделяет четыре типа словарей новых слов и значений:

1) ежегодники «Новое в русской лексике» — словари небольшого объема, демонстрирующие поток стихийной языковой жизни, в том числе неузואльные неологизмы, составляющие около 20% всех лексических инноваций, зафиксированных словарем [Котелова 1988: 48];

2) десятилетние словари новых слов и значений, фиксирующие факты, ставшие достоянием языка на этот период;

3) банк русских неологизмов, представляющий собой словарь, состоящий из всех новаций, включенных в ежегодники и десятилетние словари, но не фиксирующий речевых и неперспективных языковых фактов [Котелова 1988: 50];

4) Словарь новых слов русского языка 50—80-х гг., выборочно-сводный, дополненный и нормативный, охватывающий неологизмы всего послевоенного времени [Котелова 1988: 51].

Таким образом, при типологизации словарей неологизмов А.А. Брагина и Н.З. Котелова учитывали тип описываемого новообразования (языковое / речевое, соответствующее / не соответствующее тенденциям развития русского языка), целевые установки словаря (фиксация всех возможных новообразований либо нормализация их употребления), временной промежуток, в течение которого велось наблюдение.

Анализ лексикографических источников и историко-теоретических работ по русской лексикографии последних лет [Алаторцева 1998; Дубичинский, Самойлов 2000; Черняк 2001; Шимчук 2003; Козырев, Черняк 2004 и др.] позволяет расширить состав неологических словарей русского языка. В настоящее время созданы и другие типы словарей русских новообразований:

- словари авторских новообразований;
- словари детских новообразований;
- обратные словари неологизмов;
- деривационные словари лексических инноваций;
- словарь перестройки;
- словари языковых изменений рубежа столетий.

Рассмотрим эти словари подробнее. Отдельной характеристики требует и картотека новообразований, послужившая основой большинства словарей неологизмов.

4.3. Характеристика основных словарей неологизмов современного русского языка

4.3.1. Картотека словарного отдела Сектора неологии Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург)

Основу словарей неологизмов русского языка составляет большая картотека словарного отдела⁷ — самое крупное постоянно обновляющееся собрание лексических материалов по русскому языку. Картотека находится в Институте лингвистических исследований в г. Санкт-Петербурге и содержит около 7 млн карточек: слово и его употребление в конкретном контексте, как правило в предложении.

Картотека содержит два типа карточек: а) карточки, содержащие извлечения из литературных произведений, главным образом XIX и XX вв., и б) карточки, содержащие извлечения из словарей, энциклопедий, пособий, разного рода справочников, учебников и т.п. В карточках первого типа дается небольшой контекст (1—2 предложения), который раскрывает значение слова, показывает форму его употребления, стилистическую окраску. В карточках второго типа представлены сведения, на основе которых

⁷ Характеристика картотеки и истории ее создания дается по: [Дубинский, Самойлов 2000: 128—130].

можно дать толкования терминов, установить принадлежность слова к тому или иному речевому жанру и т.п.

Картотека была основана в 1886 г. Я.К. Гротом в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук для составления «Словаря русского языка» (вып. 1—3, 1891—1895). После его смерти А.А. Шахматов, возглавивший работу над словарем, внес в него ряд существенных изменений, разработал принципы отбора материалов: расширил круг литературных источников (от А.С. Пушкина до произведений современников), предложил учитывать данные диалектов и записей устной народной речи. Пополнение картотеки в этом направлении продолжалось до 1927—1928 гг.

После начала работы над «Словарем современного русского литературного языка» в 17 томах под руководством В.И. Чернышева (с 1937 по 1949 г.), принципы пополнения картотеки изменились: были поставлены задачи, связанные с отражением языка современной эпохи, его нормализацией. В соответствии с этими принципами и продолжалось пополнение картотеки.

С 1966 г. материалы, извлеченные из произведений современных авторов, были отделены от общего массива картотеки. Это произошло по инициативе А.М. Бабкина, который обосновал научную необходимость создания «Нового словаря русского языка». В настоящее время эта новая картотека компьютеризирована, обработка новых текстов также производится с использованием компьютерной техники. Словник картотеки постоянно пополняется.

Материалы новой картотеки были использованы при работе над многими словарями: «Словарем синонимов русского языка» А.П. Евгеньевой (т. 1—2, 1970—1971), «Словарем новых слов и значений» под ред. Н.З. Котеловой (1970, 1984, 1995), «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» под ред. К.С. Горбачевича (1973), «Толковым словарем русского языка конца XX века. Языковые изменения» под ред. Г.Н. Складчиковой (1998) и др.

Составителями картотеки подготовлен также «Сводный словарь современной русской лексики» в 2 томах под ред. Р.П. Рожниковой (М., 1991), который представляет собой, по мнению

В.В. Дубичинского и А.Н. Самойлова [2000: 130], каталог карто-теки в миниатюре и является справочным пособием для лексикографов при подготовке разных словарей русского языка. Сводный словарь содержит более 170 тыс. слов из 14 наиболее популярных словарей русского языка: толковых, энциклопедических, орфографического и др.

Вот как выглядит, например, фрагмент с. 517 (т. 1) «Сводного словаря современной русской лексики»:

кро'лик <i>с м</i>	У Б М БСЭ Ож Орф ГЭС М-2 ОЭ
кроликово'д <i>с м</i>	У Б М Орф М-2 ОЭ
кроликово'дство <i>с ср</i>	У Б М БСЭ Ож Орф СЭС М-2 ОЭ
кроликово'дческий <i>п</i>	У Б М Ож Орф М-2 ОЭ
кро'ликовый <i>п</i>	У Б Ож Орф
кроликама'тка <i>с ж</i>	У Б Орф
кроликофе'рма <i>с ж</i>	НС-2
кроли'ст <i>с м</i>	НС Орф
кроли'стка <i>с ж</i>	НС Орф
кро'личий <i>п</i>	У Б М Ож Орф М-2 ОЭ

Курсив после слова указывает часть речи и основные грамматические характеристики лексической единицы (*с* — имя существительное, *п* — имя прилагательное, *м* — мужской род, *ж* — женский род и т.п.), прописные буквы — словари, в которых данные слова зафиксированы: У — словарь Д.Н. Ушакова, Б — Словарь русского литературного языка в 17 т., М — Словарь русского языка в 4 т., Ож — словарь С.И. Ожегова и т.д.

Сторонники определения неологизмов по их лексикографической фиксации используют Сводный словарь русской лексики для выделения собственно неологизмов (слов и фразеологизмов, не зафиксированных в Сводном словаре), семантических инноваций (слов и фразеологизмов, зафиксированных в Словаре, но в ином значении, чем отмечают указанные словари) и актуализированной лексики (слов и фразеологизмов, зафиксированных в одном из исторических словарей, послуживших основой для Сводного словаря).

4.3.2. Словари-справочники («десятилетники»)

В 60-е годы XX в. в Словарном секторе Института русского языка АН СССР (г. Ленинград) возникла идея создания толкового словаря русского языка исторического типа, в котором было бы отражено становление норм и обогащение словарного состава языка в течение определенного периода языкового развития. В этой идее нашло свое воплощение понятие о динамической синхронии (И.А. Бодуэн де Куртене): время создания подобного словаря совпадает с периодом существования в языке отражаемых слов и выражений. В качестве такого периода был выбран период в 10 лет.

В русской лексикографии словарь «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов» под редакцией Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина стал первым опытом словаря синхронно-диахронического типа. Его создание явилось качественно новой ступенью в развитии неографии: как в теоретическом, так и в практическом плане лексикографами был сделан шаг от неологизмов в словарях к специальным словарям неологизмов. «С задачей своевременной регистрации неологизмов могут справиться только специальные словари... отбирающие для описания свои единицы, по своему параметру — времени их появления» [Котелова 1988: 47].

Подготовка этого словаря началась с создания в 1964 г. в Ленинграде в Словарном секторе Института русского языка новой группы словарного картографирования и библиографии (службы слова). Эта группа должна была целенаправленно пополнять Большую словарную картотеку новыми материалами: новыми словами и выражениями, словами с новыми значениями, с изменением сочетаемости, стилистических особенностей в современном употреблении. Было собрано около 70 тысяч выписок из периодической печати трех лет (1965—1967 гг. и дополнительно за 1964 и 1968 гг.) и новейших произведений художественной литературы. Для выборок неологизмов было признано целесообразным использовать материалы газет, еженедельников, научно-популярных и общественно-политических журналов — всего 45 названий центральных и многотиражных изданий прессы и пери-

одики. Периодические издания СМИ как один из основных источников НСЗ-60 были избраны не случайно: по своей природе они фиксируют такие новшества в первую очередь, являясь при этом одним из важнейших источников информации, оказывающих большое влияние на общественное сознание.

На основе таких материалов коллективом сотрудников под руководством Н.З. Котеловой был подготовлен первый словарь неологизмов русского языка «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов». М., 1971. 543 с. (далее НСЗ-60).

Этот словарь «...представляет собой опыт издания, дополняющего толковые словари русского языка словами, значениями слов и выражениями, появившимися или ставшими активно употребляться в периодической печати и художественной литературе в 50—60-е годы XX в. или несколько ранее» (с. 3). Словарь включает около 3500 новых, не вошедших в словари русского литературного языка слов и выражений. При этом в него были включены те новые слова, которые вошли в язык (собственно неологизмы), и не включены те, что относились к речи, были образованы на случай (окказионализмы).

Этот словарь одновременно был и научным, и нормативным, и справочным, что вызвало определенные трудности при его составлении и не могло не иметь некоторых негативных последствий. К последним С.И. Алаторцева относит следующие. Во-первых, принцип нормативности заставил авторов Словаря отказаться от слов, не рекомендуемых для употребления, хотя и представленных в материалах картотеки. Справочные же цели издания предполагали включение именно таких разрядов слов (просторечия, жаргонизмов и т.п.), так как специальных словарей для таких слоев лексики этого периода не было. Во-вторых, сочетание научных и справочных целей привело к некоторым пропускам в представлении описываемого словарного материала. Так, справочный характер издания побудил авторов отказаться от помещения в него тех новых слов, которые были уже зарегистрированы в вышедших в 60-е годы толковых словарях: в «Словаре русского языка» (1957—1961 гг., в 4 томах), а также в последних

томах «Словаря современного русского литературного языка» (1948—1965 гг., в 17 томах).

Редактор Словаря Н.З. Котелова видела возможность избежать отмеченных недостатков в увеличении жанров словарей неологизмов: «С появлением разных типов словарей новообразований можно будет более четко обозначить задачи конкретного словаря, освободить его от эклектичного соединения задач, хотя, по-видимому, и в этой благополучной ситуации известной гибкости в решении ряда вопросов, касающихся определения содержания и построения словаря неологизмов, избежать не удастся» [Котелова 1988: 10].

Следует отметить, что в следующих словарях новых слов позиция авторов была изменена: в словарь того или иного периода включалась вся хорошо представленная в материалах новая лексика и фразеология, независимо от наличия ее в других изданиях соответствующего временного отрезка.

Инновации, включенные в НСЗ-60, с точки зрения их происхождения делятся на новообразования и заимствования⁸. При этом основную часть словника составили вновь образованные слова (более 80%), среди которых преобладали сложные слова (более половины от общего числа единиц). Новые значения слов представлены 8% единиц. В НСЗ-60 зарегистрировано около 50 фразеологизмов (*тянуть резину, принять на вооружение, звездная болезнь, спустить на тормозах* и др.), приведено и большое число новых аналитических сочетаний (*санно-тракторный поезд, грунтосмесительная машина, автозаправочная станция, триацетатное волокно* и др.).

Внешние заимствования (из других языков) составили в данном словаре примерно 8% (в последующих словарях неологизмов их число несколько возрастает). Это *бройлер, йогурт, кемпинг, крекер, круиз, сиртаки, тост и тостер, транзистор* и т.п.

Внутренние заимствования, пришедшие в литературный язык из специальных сфер (термины различных областей знания составили в нем около 50% всех заимствований), из областных народных говоров (*верховик, запуржить*), из устной речи (*запаска,*

⁸ Характеристика словника НСЗ-60, НСЗ-70 и примеры из них приводятся по работе: [Алаторцева 1998].

неотложка, женатик), из аргос (выдать, хохма) составили около 4%, исключая термины. При этом такие слова и выражения снабжены в НСЗ-60 специальными пометами (в разг. речи, в проф. речи, в разг. проф. речи, в просторечии, из обл.) для того, чтобы читатель мог верно оценить место, особенности употребления и функциональную нагрузку той или иной инновации в системе литературного языка.

Включены в словарь также актуализированные слова и значения. К ним можно отнести (для 60-х годов XX в.) такие, например, слова (известные еще в XIX в.), как *вероятностный, алгоритм, заводчанин*; слова, зарегистрированные в картотеке Словарного сектора в 20-е и 30-е годы: *американизированный, лента* (о кинофильме), *аллергия, внеземной* и др.

Примерами словарных статей Словаря НСЗ-60 могут служить следующие [1971: 352].

ПЛЕЙБОЙ и ПЛЭЙБОЙ, я, м. Богатый молодой человек в буржуазном обществе, занимающийся только спортом, развлечениями, ухаживанием за женщинами и т.п. Чистокровный американец, 31 год, яхтсмен, известный «плейбой». Вы не знаете, что такое «плейбой»? Это понятие можно перевести как «любитель повеселиться». Непременно богатый, увлекающийся спортом, пользующийся постоянным успехом у дам из высшего общества, принятый в свете. [Огонек, 1967, 2]. *СЗ Шутливо*. В тихую бабушкину квартиру набегали три каких-то твистующих плейбоя, которые сразу распечатали бутылку водки. [Правда 21 дек. 1966].

— К. пр. 15.12.67 (плейбой).

ПЛЕКСИГЛАСОВЫЙ, ая, ое. Сделанный из плексигласа (оргстекла, см.). Камешки лежат в плексигласовой коробке и не тускнеют никогда. [Комсом. правда 25 апр. 1964]. Генерал подходит к сферическому плексигласовому окну и, наклонясь слегка вперед, словно повисает в голубом просторе. [Правда 29 авг. 1967]. *СИ Образно*. Эти поэты [сторонники чистого искусства] без аудитории не останутся. Это плексигласовые люди, плексиглас же, как известно, обладает механической прочностью, диэлектрическими свойствами, но, к нашему счастью, и прозрачностью. [Известия 5 марта 1965].

— Н. Асанов. *Открыватели дорог (Неожиданные повести, 1963, с. 91)* (плексигласовое окно кабины).— *Энци., Орф. сл.*

ПЛЕСКАТЕЛЬНЫЙ, ая, ое. Плескательный бассейн. Мелкий бассейн, предназначенный для плескания, для купания не умеющих плавать. Восемнадцатый этаж — крыша-терраса. На ней беговая дорожка, гимнастический зал, солярий, кафетерий, плескательный бассейн для детей. [В. Некрасов. Месяц во Франции (Новый мир, 1965, 4)].

ПЛЕТЕВОЗ, а, м. Автомобиль с одним или несколькими одноосными прицепами, предназначенный для перевозки плетей (см.). Я пошла к шоферам еще и потому, что их профессия — самая распространенная на трассе газопровода Бухара — Урал. С них все и начинается. На своих плетевозах они тянули первую нитку через четыре республики. [Известия, 4 июля 1965].

В 70-е годы работа группы неологии Словарного сектора была продолжена, и ею был подготовлен следующий словарь «**Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов**». М., 1984. 808 с. (далее НСЗ-70).

НСЗ-70 включает около 5500 слов, значений слов, сочетаний разных типов, которые появились и закрепились в литературном языке в 70-е годы (или несколько ранее) и не вошли в изданные до 1970 г. толковые словари русского языка. Словарь был составлен на базе более 100 тысяч выписок, сделанных в результате обследования текстов прессы и литературы разных жанров за 1973—1975 гг. и дополнительно за 1972 и 1976 гг.

Второй словарь новых слов богаче первого и по словнику (на 2000 единиц), и по характеру описания слова. В словарные статьи этого издания введены дополнительно этимологические и словообразовательные справки. Для каждого слова приводятся сведения о его происхождении и словообразовательных связях. При этом сохраняется, как и в НСЗ-60, справочный отдел, в котором указываются источники регистрации слова.

Принадлежность слов к отражаемому периоду, их новизна устанавливалась по словарям и картотекам Словарного сектора. Учитывались и описывались в этом словаре слова, значения и выражения, не зарегистрированные в НСЗ-60 и в общих толковых словарях, вышедших до 1970 г.

При отборе слов для НСЗ-70 преобладали научно обоснованная задача по возможности полного отражения всего материала по заданному хронологическому срезу и справочные цели издания. Поэтому в словарь вошла жаргонная, арготическая, просторечная, диалектная и иная новая лексика. В НСЗ-70 нашли свое место диалектные слова (*листовой, неудобщица*), разговорные образования (*многоэтажка, открывашка, поливалка, продленка*), просторечные неологизмы (семантические: *базарить, выступать, напахать, толкнуть, усекать* и др.), а также слова и выражения, относящиеся к самым нижним ярусам языка — грубому просторечию, жаргону (*балдеть, закидон, гробануться, пудрить мозги* и т.п.). Нормативный аспект в описании сниженных пластов лексики выражался в авторской оценке составителей словаря экспрессивно-стилистических признаков этих единиц, в дополнительных пояснениях особенностей употребления.

В НСЗ-70 в каждую словарную статью дополнительно введена справка о способе образования или источнике происхождения неологизма. Так, в Словаре представлены новообразования: *автоответчик, биоритм, видеофильм, госсекретарь, космизация, мелочевка, кафе-столовая, сверхдержава, сыроедение, театр-студия, ЖСК, технократ* и др.; вхождения в русский литературный язык (внутренние и внешние): *белолистка, обласок, марафет; биеннале, икебана, истэблшмент, каратэ, компьютер, консенсус, ноу-хау, пепси-кола, слайд, фломастер, фифти-фифти* и др. Около 10% составили в НСЗ-70 семантические неологизмы — слова с новыми значениями (отмечаемые знаком звезды — *): *барьер, вирус, дергаться, забуксовать, зацепить, зебра, климат, контекст, нитка, отключаться, поколение, разрядка, сова, сценарий* и др.

В Словарь вошли и новые идиоматические и аналитические сочетания: *гореть синим пламенем, горячая точка, держать руку на пульсе, довести до ума, завестись с пол-оборота, знать свое дело туго, начать с нуля, поезд ушел, попасть в струю, расши-вать узкие места, народный театр, пакетное пчеловодство, профессиональная ориентация, рабочая встреча, театр абсурда, бегущая дорожка, теория игр, массовая культура* и др.

Примерами словарных статей Словаря НСЗ-70 могут служить следующие [1984: 546].

ПОЭТА́ПНО, нареч. *Этапами, по этапам.* Цели советской космической программы определяются потребностями науки, народного хозяйства, требованиями научно-технического прогресса. Планомерно и поэтапно она охватывает различные области изучения и освоения космоса. [П.И. Петров. Исследование космоса и научно-технический прогресс (Вопр. философии, 1974, 10)].

— Пр. 10.4.73; НВ, 1973, 6; Тр. 2.8.73; Ж., 1973, 11; Тр. 5.1.75, 6.3.75, 7.3.75; В. Боборыкин. Истина ради жизни (НМ, 1975, 3). Зв., 1975, 4 (Крит. и библи.). — Орф. ел.

• Поэта́пный (см.) + -о.

ПОЭТА́ПНЫЙ, ая, ое. *Осуществляемый в несколько этапов, проходящий этапы, стадии.* Константинов вводит в поле анализа важную и до недавних пор недостаточно учитывавшуюся объективную связь между интернационализацией культуры и поэтапным движением исторических общностей людей при этом. [Ю. Суровцев. Навстречу новому (Знамя, 1973, 12)]. От «лихорадок» прошлых времен развитые капиталистические страны переходят к поэтапному освоению ресурсных территорий. [Л. Шинкарев. Большой чертеж Сибири (Новый мир, 1975, 1)].

— Изв. 24.12.65, Л. пр. 13.12.67, Л.М. Румянцев. Проблемы совр. науки об обществе, 1969, с. 27, КЗ 18.2.69, Пр. 5.3.69, Ог., 1969, 30, Пр. 30.12.69, СИ 6.3.70, СЖ 5.5.70, Клр. 12.6.70, СЖ 21.8.70, 7.6.71, УГ 11.2.72, Пр. 7.5.72, ЭГ, 1972, 7, 8, 37, СИ 8.9.72, СЖ 7.8.73, Изв. 20.9.73 (п. специализация); Пр. 10.3.73 (п. проекты работ), 15.4.73 (п. возврат лугов); СЖ 7.8.73, Изв. 20.9.73 (п. график); Пр. 16.8.73 (п. создание единого государства); Тр. 22.8.73 (п. запуск крупного производства); Пр. 23.9.73 (п. монтаж); ЭГ, 1974, 13, Пр. 7.4.74 (п. метод ремонта); Изв. 29.3.74 (п. разведка), 17.5.74 (п. сдача жилых домов); ВФ, 1974, 9 (п. характер совершенствования управления), 1974, 10 (п. исследование); Пр. 12.12.74 (п. переговоры); Л. пр. 19.12.74 (п. ввод в эксплуатацию); Тр. 14.1.75, 28.1.75, 25.3.75 (п. урегулирование), 14.1.75; 27.3.75 (п. подход), 22.2.75, 1.4.75 (п. решение), 5.4.75 (п. выплата); ЗС, 1975, 5 (п. реализация); Нед., 1975, 74 (п. электрификация быта).

• По-+ эта́п + -н(ый).

ПОЭТИ́ЗМ, а, м. *Традиционный, характерный элемент (слово, словосочетание и др.) поэтического языка.* Но это стих,

стих по-своему виртуозный. Настроение и мысль, донесенные до читателя максимально-экономными путями, с использованием средств, которые по видимости и поэтичными не назовешь. Во всяком случае так называемых поэтизмов ни одного. [А. Кондратович. Поэт и стих (Наш совр., 1974,12)], У большинства начинающих, делающих первые шаги в поэзии, ощутимо усвоение не уроков больших мастеров, а легкой воспринимаемой безликой переднею поэтичности. Но бывает и так, что, овладев расхожими поэтизмами, где-то они подпадают под влияние манеры определенного поэта. [Лит. газета, 1975,3].

— *НМ*, 1963,7 (Кн. обзор.); Е. Ермилева. *И правда, и совершенство* (М., 1973,5).

• *Поэтический* < *поэзия*/ + -изм.

4.3.3. Словари-«ежегодники»

Десятилетние словари новых слов не были мобильными изданиями, оперативно знакомящими читателя с лексико-фразеологическими инновациями русского языка. Это объясняется известной консервативностью существующих методов сбора и лексикографической обработки словарных материалов, а также объемом самих словарей и продолжительностью охватываемого ими периода.

В связи с этим в 1977 г. была начат выпуск серии ежегодных словарных выпусков:

- Новое в русской лексике. Словарные материалы-77 / Под ред. Н.З. Котеловой (по 1984 г. включительно). М., 1980
- Новое в русской лексике. Словарные материалы-78. М., 1981
- Новое в русской лексике. Словарные материалы-80. М., 1984
- Новое в русской лексике. Словарные материалы-81. М., 1986
- Новое в русской лексике. Словарные материалы-82. М., 1986
- Новое в русской лексике. Словарные материалы-83. М., 1987
- Новое в русской лексике. Словарные материалы-84. М., 1989
- Новое в русской лексике. Словарные материалы-85 / Ред. Ю.Ф. Денисенко; под общей ред. Н.З. Котеловой. СПб., 1996
- Новое в русской лексике. Словарные материалы-86 / Ред. С.И. Алаторцева, Т.Н. Буцева; под общей ред. Н.З. Котеловой. СПб., 1996

- Новое в русской лексике. Словарные материалы-87 / Ред. Ю.Ф. Денисенко; под общей ред. Н.З. Котеловой. СПб., 1996
- Новое в русской лексике. Словарные материалы-88 / Ред. Е.А. Левашов. СПб., 1996.

Это словари сравнительно небольшого объема (до 30 авторских листов, 3—4 тысячи словарных единиц), представляющие инновации как языка, так и речи. В словарях отражены материалы периодики одного года, получаемые в результате сплошного прочтения газет и журналов по заданному списку (10 источников: пять газет — «Правда», «Известия», «Литературная газета», «Неделя», «Комсомольская правда» и пять журналов — «Новый мир», «Наш современник», «Крокодил», «Огонек», «Юность») за четыре (первый выпуск — за три) месяца.

В Предисловии к первому бюллетеню «Новое в русской лексике» за 1977 г. говорится: «Особенностью этого издания является то, что в нем ставится задача представить новый лексический материал ... с возможной объективностью и максимальной полнотой, делается попытка показать поток стихийной языковой жизни, продемонстрировать факты рождения, изменения или вхождения в язык слов во всем их многообразии».

Создание словарной серии «Новое в русской лексике» было вызвано несколькими причинами. Во-первых, существовала общественная потребность в издании такого рода. «В наше время сверхскоростных темпов людям ждть некогда, даже словаря. Ведь каждый год привносит в нашу речь лавину новшеств. Русский язык меняется с ошеломляющей быстротой. Надо успеть запечатлеть его общую картину в пределах единого, хотя бы краткого хронологического отрезка...» [Ашукина 1976]. Во-вторых, была осознана научная, общефилологическая необходимость такого словаря новообразований, который включал бы окказионализмы и индивидуально-авторские употребления: «Было бы хорошо, если бы соответствующий кабинет лексикографической секции Института языкознания АН СССР, ведя систематический учет всех новообразований в художественной литературе и деловой прозе основных органов прессы, выпускал бы ежегодно словарик-бюллетень новых слов, независимо от степе-

ни их употребительности. Будущее покажет, какие из них останутся в пределах индивидуального словоупотребления, а какие получают «безусловное хождение» (термин Л.В. Щербы) [Фельдман 1957: 73]. Выдвигалась также идея создания словаря ненормированной речи и словаря разговорной речи.

Серия словарей-ежегодников «Новое в русской лексике» стала реальным воплощением этих проектов, удовлетворила в определенной степени потребность общества в информационно-справочных изданиях, фиксирующих новообразования короткого хронологического периода и не решающих нормативных задач [Алаторцева 1998: 500]. Это были микрословари синхронно-исторического типа, описывающие короткий период языкового развития — несколько месяцев одного года.

Бюллетени предоставили широкий доступ всему новому в языке, включая слова-однодневки, разного рода окказиональные, индивидуально-авторские слова, жаргонизмы, просторечие. В 12 ежегодных выпусках серии зарегистрировано в общей сложности около 30 тысяч лексико-фразеологических единиц с полной лексикографической обработкой и около 20 тысяч — в списках без описания.

В.Г. Гак отмечал, что «у справочников такого рода есть... функция социально-историческая. В новых словах и значениях слов отражаются новые явления жизни нашей страны, современной науки и техники, события международной действительности. Пройдут годы, и к этим книжкам смогут с пользой для себя обратиться не только лексикографы, но также историки и социологи» [Гак 1982: 125]. Иллюстрацией этих слов может служить материал любого словарного выпуска «Новое в русской лексике». Так, в НРЛ-87 представлены следующие разряды неологизмов⁹: 1) новые слова (новообразования и вхождения): *агропромбанк, административно-приказной, антисон, антисталинский, видик* (видеомагнитофон), *госдотация, госкапитализм, договорно-арендный, итедешник* (от ИТД), *металлистка, одеколончик, патентник, рок-движение, скейтдром, стереокассетник, ультрапере-*

⁹ Примеры из словарей «Новое в русской лексике» приводятся по работе: [Алаторцева 1998].

строечный, фирма-спонсор, хозрасчетность, экотехника, юппи и др.; 2) слова с новыми значениями, представляющими собой семантические дериваты: *аппаратчик, винтик, благотворительность, крутой, нажимной, нетрадиционный, плюралистический, погружение, упаковаться и упаковка* (об одежде) и др.; 3) новые сочетания слов — идиомы, парафразы, составные термины, штампы и т.п.: *бесконтактный массаж, горячая линия, залечь на дно, держать на контроле, образ врага, озонный щит, прораб перестройки, прямой эфир, свободный микрофон* и т.п.; 4) новые слова, однократно употребленные в речи: *бабаягай, видеоофицированный, водозаменитель, добровольно-принудительно, донашезный, застойно-застольный, индობслуживаться, культик, моржит, небюрократ, недотёпимость, несунство, отец-одиночка, перенаграждение, сер-реализм, теленаркоман, триумфализм* и др.

Такие словари послужили бы в будущем драгоценным материалом не только для лингвистов, но и для историков, культурологов, социологов.

Примерами словарных статей из словаря «Новое в русской лексике» могут быть следующие статьи из «Новое в русской лексике. Словарные материалы 1989» [2001: 33].

АХМАТОВЕ́Д, а, м. Литературовед, специализирующийся на изучении творчества А.А. Ахматовой. С воспоминаниями о встречах с А. Ахматовой, раздумьями о ее судьбе и творчестве выступили Л. Гинзбург, В. Адмони, В. Соколов, В. Корнилов, ахматовед (слово, обретшее широкие права гражданства именно в эти дни!) М. Кралий. [ЛГ.26, с. 1].

— Ахматова (имя собств.) + о + ...вед (специалист в какой-нибудь области знания).

АЯМ, а, м. Бурные дебаты вокруг БАМа и АЯМа (Амуро-Якутской магистрали) могут кого-то задевать, кого-то нет. [К.пр.6.8.].

— Сокращ. сочет. слов: Амуро-Якутская магистраль.

К типологическим особенностям ежегодников серии «Новое в русской лексике, по мнению С.И. Алаторцевой [1998: 502], относятся следующие: а) это мини-словари исторического характера (охватывающие короткий хронологический период), кото-

рые на протяжении уже более 12 лет отражают изменчивую, неповторимую картину жизни русского языка наших дней; б) это словарики «тезаурусного», описательного типа (не нормативные), представляющие с возможной объективностью и максимальной полнотой материал разнообразных социально-стилевых разновидностей речи; в) это словари, словник которых обладает абсолютной новизной; г) это издания с особым функциональным назначением — служить источниками материалов для словарей самых разных типов, вплоть до тезауруса.

4.3.4. Неологические толковые словари

В 1995 г. вышел из печати словарь неологизмов нового типа «Словарь новых слов русского языка (середина 50—середина 80-х годов)» под ред. Н.З. Котеловой (СПб., 1995. 877 с.), который охватывает новации уже не десятилетнего периода, а 30 лет: с середины 50-х до середины 80-х годов XX в. (далее НСЗ-80).

Проект этого словаря был опубликован в 1982 г. По своему характеру он является выборочно-сводным и дополненным по отношению к словарям-десятилетникам НСЗ-60 и НСЗ-70. В НСЗ-80 осуществлен целенаправленный отбор закрепившейся, оказавшейся жизнеспособной лексики, ставшей к началу 80-х годов принадлежностью литературного языка. Ее описание в целом приближено к описанию лексики в общих толковых словарях, поэтому в словаре усилено внимание к нормативному аспекту неологизации, что нашло выражение в отборе словарных единиц, оценке их вариантов, грамматической характеристике, толковании значений, стилистической характеристике и т.д.

Источники словаря разнообразны: это словари неологизмов НСЗ-60 и НСЗ-70; материалы из ежегодных выпусков по новой лексике «Новое в русской лексике. Словарные материалы» — с 1977 по 1984 г. включительно, материалы специальных картотек неологизмов и новых поступлений в Большую словарную картотеку Словарного отдела, а также материалы общих и специальных словарей, в которых в той или иной степени отражены неологизмы 50—80-х годов XX в. Тем не менее основным фондом Словаря явились материалы из периодической печати и литерату-

ры 2-й половины 80-х годов XX в. Словарь включает около 10 тыс. слов и около 230 фразеологизмов.

Синхронно-исторический словарь 2-й половины 80-х годов, описывающий языковые новшества, несет на себе яркий отпечаток своего времени. Экстралингвистическая обусловленность инноваций данного периода очевидна: появление новых общественно-политических, экономических и т.п. терминов, актуализация известных ранее слов, переосмысление значений многих из них. Усиление международных связей, контактов сказалось на вхождении в русский язык в 80-е годы значительного числа иностранных слов и выражений. Все эти языковые процессы нашли отражение в НСЗ-80. В него вошли новые слова: *административно-командный, аэробика, аюрведа, варёнки, видеоклип, безальтернативность, биоробот, ИТД, неформал, иммунодефицитный, перестройщик и перестроечный, плейер, подрядник, скейтбордист, спонсор, спонсорский и спонсорство, СПИД, теневик, многомандатный, дедовщина, рэкет и рэкетир, токсикоман и токсикомания, тусовка* и др.¹⁰ Представлены в этом словаре и новые значения известных ранее слов, явившиеся результатом семантической деривации: *визитка, зелёнка, индивидуал, отмывтый* (о деньгах), *саркофаг, грязный и чистый, металлист, дед, экология, упереться, система, афганец* и др. В эту группу входят и актуализированные в последние годы слова, претерпевшие различные изменения в семантическом содержании: *гласность, перестройка, плюрализм, ускорение, застой* и др.

В НСЗ-80 включены и описаны разные виды новых устойчивых сочетаний этого периода: *знать волну, голосовать ногами, не брать в голову, утечка умов (мозгов), ядерная зима, открывать шлюзы, чума двадцатого века, озонная дыра, механизм торможения, теневая экономика, индивидуальная трудовая деятельность, народная дипломатия, межрегиональная депутатская группа, бригадный подряд, семейное звено, одноразовый шприц, совместное предприятие, новое мышление, рыночная экономика, частный извоз, ярмарка солидарности* и др.

¹⁰ Примеры инноваций приводятся по работе: [Алаторцева 1998].

Приведем несколько примеров из «Словаря новых слов русского языка 1950—1980-х годов»:

ИКОНОЛИКИЙ, -ая, -ое; лик, а, о. Такой, какими изображаются святые на иконах (мученический, страдальческий; суровый, строгий; грустный, печальный; худой, аскетический) (о человеке). *Там женщины иконолики. Как будто их Рублев писал. А. Пьянов. Давай, поговорим о кораблях. Мать, плоская, безгрудая, иконолика от худобы и глубоко провалившихся глаз, всю ночь топталась возле выварки. Е. Носов. Домой за матерью.*

— **Икона** + **о** + ...**ликий** (имеющий такое лицо).

ОБЩАГА, и, ж. Общежитие (в просторечии). *Ничего не случится, если я поживу у тебя с полмесяца. Устроюсь на работу, переберусь в общагу. В. Шукшин. Там вдали. Надумаешь черкнуть — [пиши] ... до востребования, а то в общаге вахтерши чересчур любопытные. Л. Жуховицкий. Колькин ключ. — Общежи'тие + -аг(а).*

ПРОЦАТЬ*. Прощай молодость. Старомодный, удобный для немолодых людей (об обуви) (шутл., в разг. речи). *Думается, начатый разговор не будет расценен как призыв обуть мужчин в туфли «прощай, молодость», им тоже нужна красивая обувь. СТ 73. Отправляясь на работу, Маша надевала войлочные ботинки «прощай, молодость» на кожаной подметке. Е. Воробьев. Охота к перемене мест.*

В.В. Дубичинский и А.Н. Самойлов полагают, что в этом словаре «нарушен временной срез, неологизация и архаизация смоделированы в единый процесс: опрокинута шкала перехода от архаизма к неологизму, и наоборот. Например, в словаре можно встретить уже устаревшие или, так скажем, «неновые» «неологизмы»: *аэроузел, Икарус, магнитофон, сандинист* и т.п.» [Дубичинский, Самойлов 2000: 124]. Но это не умаляет несомненных достоинств данной лексикографической работы: по полноте материала словарь является уникальным памятником лексикографии русского языка 50—80-х годов; в нем отражен сложный и противоречивый характер переходного периода истории общества, что обуславливает не только лингвистическое, но и общекультурное значение издания:

4.3.5. Словари языковых изменений

Динамика лексической системы русского языка отражена в нескольких словарях: в «Словаре перестройки» В.И. Максимова и др. (1992), в «Толковом словаре русского языка конца XX века. Языковые изменения» (1998), в «Толковом словаре современного русского языка конца XX века. Языковые изменения» (2001). Рассмотрим их подробнее.

• **Максимов В.И. и др. Словарь перестройки. СПб., 1992. 256 с.**

В этом словаре отражена динамика лексической системы русского языка 80-х—начала 90-х годов XX в. «Основная цель словаря — ознакомление с теми словами и выражениями, которые называют реалии (предметы, явления, действия), возникшие или получившие широкое распространение в советском обществе за годы перестройки, начиная с апреля 1985 г. ... Тем самым делается попытка не только дать пользователям словаря ключ к пониманию значений и употреблению включенных в него наименований, но и зафиксировать многие перипетии развернувшейся борьбы за переустройство всех сторон общественной жизни» [Максимов 1992: 1].

Этот словарь охватывает определенные тематические группы лексики, пришедшей в движение в момент бурного общественного развития. В словарь вошли слова и устойчивые словосочетания, получившие новое значение, новую стилистическую окраску, переориентированные на советскую действительность или актуализированные в языке. Выборка неолексем проводилась из периодических изданий 1985—1992 гг. Описываемые слова и выражения охватывают следующие тематические группы: 1) идеология перестройки; 2) экономика и хозяйствование; 3) социальная политика; 4) научно-технический прогресс; 5) образование и культура; 6) правопорядок; 7) международные и межнациональные отношения. Толкование заголовочных лексических единиц является нейтральным, не содержащим оценки толкуемого явления или процесса.

Достоинством словаря является то, что лексическая система русского языка показана в движении, в развитии: на это указывают пометы *актуализ.*, *нов.*, *переор.* и др. Слова с пометой *актуа-*

лиз. получили в годы перестройки большую употребительность, стали актуальными (*аренда, кооператив*), с пометой *переор.* — обозначают явления, ранее характерные для дореволюционной или зарубежной действительности, а в последнее время переориентированные на советскую реальность (*акционерное общество, биржа, зеленые*).

Приведем примеры словарных статей из этого словаря [1992: 54, 126].

ДВИЖЕНИЕ ЗЕЛЕННЫХ

Переор.

Демократическое движение, один из основных принципов которого борьба за гармонию человека с природой, за сохранение окружающей среды.

«На пресс-конференции, которая состоялась в Пресс-центре МИД СССР. Тема — создание Всесоюзного общественно-политического движения «За возрождение окружающей среды и нравственности» (Движение «зеленых»). Хотелось бы думать, что Движение «зеленых» окажется не просто нужным, но даже необходимым нашему обществу».

СК, 21.04.90.

ДВОЕВЛАСТИЕ

Актуализ.

Одновременное существование двух властей в одной стране или в одном регионе.

«У нас сегодня как бы двоевластие: есть власть старая, монополюльно-аппаратная, и есть новая — демократическая, разноголосая».

Пр. 07.12.90.

«В Ленинграде после мартовских выборов [в местные советы] фактически установилось двоевластие. Между строк здесь легко читается упрек обкому партии в упорном нежелании передать власть Советам».

ЛП, 06.04.90

ДЕГУМАНИЗАЦИЯ

Утрата гуманистических начал, общечеловеческих ценностей в жизни.

«Человек стал рассматриваться как инструмент, социальное средство, что нашло отражение в дегуманизации образова-

ния и воспитания, взаимоотношений с обществом, восприятия национального наследия».

Пр. 17.07.89.

«Некоторые радители и «подвижники» хотят убедить общественность, что любая какофония звуков вызвана необходимостью следовать курсом демократизации «в свободе выбора музыкальных средств». Не приведет ли это нас к дегуманизации музыкального искусства, к подрыву эстетических критериев в деле воспитания юношества?»

Пр. 06.89.

НАМЕСТНИК

Нов. разг. перен.

О представителе Президента РСФСР на местах.

«Первые «наместники» появятся на местах на этой неделе. В ближайшую неделю будут назначены первые 1—15 представителей Президента на местах, или «наместников», что благозвучнее: «А что, хорошее русское слово, не бургомистр же какой-нибудь».

НГ, 13.08.91.

• **Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складчиковой. СПб., 1998. 702 с. (далее ТСЯИ).**

Этот словарь показывает специфику функционирования лексической системы русского языка в пределах относительно небольшого хронологического периода — 12 лет с 1985-го по 1997 г. Целью данного лексикографического труда является демонстрация тех перемен, которые произошли в русском языке двух последних десятилетий XX в. Как пишут составители во Введении, «лавинообразное словообразование, неконтролируемый поток заимствований, вторжение жаргона в общий язык, новая жизнь слов, обозначающих наиболее актуальные понятия нашего времени, уход в пассив целых пластов лексики эпохи социализма — эти динамичные и интенсивные процессы нашли свое место в Словаре в статичной словарной форме» [ТСЯИ 1998: 4].

Авторы видят специфику своего словаря в следующем [ТСЯИ: 10—11]:

- в попытке описать не статичное состояние лексической системы (или ее фрагмента), а ее динамики — тех сложных, перекрещивающихся и противоречивых процессов, которые происходили в конце XX в.;
- в попытке показать живое слово, продемонстрировать с максимальной полнотой его реальное функционирование в речи (в контекстах разных типов);
- в том, что Словарь свободнее, чем это делали предшествующие издания, описывает некоторые разряды лексики, прежде не допускавшиеся в лексикографические труды по соображениям идеологической цензуры (например, термины религий, публицистики, а также жаргон);
- в наличии помимо собственно лексикографической информации (толкование, пометы, иллюстрации и т.д.) разнообразных сведений о самом предмете или явлении, выраженном словом (энциклопедические данные, указание на его особенности в наше время и в прошлом, на меняющиеся «на глазах» смысловые, оценочные и другие характеристики);
- в компьютерной обработке неологизмов, что позволило выйти на новый уровень составления и редактирования толкового словаря. Эмпирической базой Словаря послужила Электронная картотека, насчитывающая к настоящему моменту около двух миллионов словоупотреблений, составленная авторским коллективом по материалам прессы, публицистической, научно-популярной и художественной литературы, записей живой речи, в том числе спонтанной речи радио- и телеинтервью;
- в комплексном характере описания языковых единиц;
- в многоаспектной характеристике коннотативной части значений;
- в высокой степени насыщенности иллюстративным текстовым материалом;
- в толковании ключевых слов — имен собственных, важных для современного языкового сознания или ставших символическими: *Христос, СНГ, СССР, ВАЗ, Лубянка, Кремль*, производных от имен собственных (*бериевщина, ежовщина, ельцинист, ельцинизм*), а также окказионализмов (*абсурдистан, агрогулаг, гайдарономика*).

Словарь стремится показать особенности функционирования четырёх основных групп слов [ТСЯИ: 11–14].

Первый разряд составляет лексика так называемого основного фонда, претерпевшая в описываемый период семантические, стилистические, сочетаемостные, оценочные и другие изменения. Например, слово *валютный*, прежде семантически реализуемое в свободных словосочетаниях *валютные операции, валютный обмен, валютные поступления* и в устойчивых сочетаниях *валютное законодательство, валютный демпинг и валютный курс* (БАС-2), в конце XX в. существенно расширило сочетаемость, формируя новые значения и устойчивые сочетания: *валютная система, политика; валютный обмен, отдел банка, счет, вклад, штраф, запас; валютные отчисления, поступления; валютный бар, ресторан, магазин, прокат, ракет, товар, продукт; валютное кафе, валютный аукцион, валютная биржа, валютное законодательство, валютный резерв, валютная спекуляция* (к 1 зн.) и *валютный арбитраж, валютный демпинг, валютный кризис, валютный курс, Международный валютный фонд, валютная монополия, валютный рынок* (ко 2 зн.), а также идиому *валютная проститутка*. Такова же история слов *власть, война, взвинтить, вклад, закон, партийный, политический, пособие, посредник, правительство, право, развал, разгон, реформа, рублевый, рынок, рыночный, свободный, собственность*.

Существенно меняет разработку многих слов снятие идеологических наслоений и запретов. Например, слово *диссидент* в МАС-2 толкуется так: «*Устар.* Тот, кто отступает от господствующего в стране вероисповедания; вероотступник». В ТСЯИ на основании обширных материалов разрабатывается иначе: «1. *Рел.* Верующий, отступающий от официального религиозного учения или не подчиняющийся церковной дисциплине. 2. В советск. время: тот, кто не разделял коммунистической идеологии, противостоял существующему режиму и подвергался за это преследованиям и репрессиям. См. Антисоветчик. Отщепенец. Правозащитник».

Второй разряд составляет новая лексика, к которой относятся как слова абсолютной новизны, т.е. впервые зафиксированные в данном Словаре (*антиправо, антиправовой, антисоциалисти-*

ческий, аудирование, безвалютный, безналоговый, бизнесменка, бомжатник, бомжевать, бомжиха, бюджетники, Госдума, отсидент, тамиздат, рассказывание, реинкарнация и др.), так и слова относительной новизны, уже описанные в словарях новых слов, в очередных изданиях Словаря С.И. Ожегова или в вышедших из печати томах БАС-2 (*алкаш, андерграунд, антиармейский, антисталинизм, бандформирование, бартер, безналичка, беспредел, ваучер, грант, гулаговский, дедовщина, дембель, имидж, инвалюта, качок, кришнаизм, мануальный, менталитет, сериальный, силовой* и др.).

Третий разряд составляет лексика, бывшая прежде на периферии общественного языкового сознания и сопровождавшаяся в словарях либо пометой «Устар.», либо комментарием «В старину», «В дореволюционной России» и т.п. (*акциз, благотворительность, милостыня, меценат, призрение, святой, праведник, атаман, аудитор, двенадцатый, думец, казна, казнокрад, казнокрадство, костоправ, казачество, кадетский корпус, престол, приют, прислуга, чиновник* и др.). Также вернулась с периферии лексика, стойко ассоциировавшаяся с категориями буржуазного общества и имевшая соответствующие комментарии в словарях («в буржуазном обществе», «в капиталистических странах») и обозначающая теперь реалии, соотносимые с российской действительностью: *инфляция, мафия, коррупция, многопартийность, стачка, забастовка, стачком, неимущий, безработица, бизнес, бизнесмен, капитал, банкир*. Сюда же относятся наименования реалий и явлений, заимствованных из социального устройства зарубежных стран (*мэр, мэрия, парламент, муниципалитет, офис, фермер*) и наименования «вернувшихся» в жизнь нашего общества реалий (*гильдия, гимназия, градоначальник, лицей, губернатор, гувернёр*).

Четвертый разряд лексики составляют слова и выражения, уходящие или ушедшие из активного употребления, отражающие реалии и категории советской эпохи — так называемые советизмы. Например:

- **Вахта**, *ы, ж. Перен. чего, какая*. В советск. время: о работе, отличающейся повышенной интенсивностью, особо трудными условиями и т.п., приуроченной к какому-л. идеологически важ-

ному событию. *Трудовая в. Космическая в. Научная в. В. мира. Ленинская вахта* (ударный труд в честь празднования дня рождения В.И. Ленина). *Вахта памяти* (дни, отличающиеся высокой производительностью труда в память о погибших в годы Великой Отечественной войны). *Ударная вахта* (выполнение повышенных обязательств, приуроченное к какой-л. дате).

Отличительной особенностью ТСЯИ является и то, что для отражения динамических процессов в лексике используются специальные графические знаки, позволяющие наглядно представить основное направление развития каждого неологизма:

- ⚡ новое слово (значение); первая словарная фиксация;
- 👤 относительно новое слово (значение); словарные фиксации в пределах описываемого периода;
- ⬆️ актуализация слова (значения);
- ➔ возвращение слова в актив из пассивного запаса;
- ⬅️ уход слова в пассивный запас;
- ☒ отделяет речения от цитат;
- ∠ отделяет серии речений, соответствующие семантическим сдвигам;
- ! особенности употребления слова;
- Δ устойчивые сочетания;
- ◇ фразеология;
- (тире Срезневского) справочный отдел (корреляты; данные словарей; легенда).

Приведем примеры словарных статей ТСЯИ с разными графическими знаками (с. 243):

☛ **За́пад**, а, м. [З прописная].

1. Страны, развивающиеся по типу европейской культуры (как правило, в противоположность восточной). *Россия — неоходимое звено между Западом и Востоком не только в географическом смысле. И культура, и духовный вклад народа, населяющего этот мост между двумя столь несхожими мирами, должны нести в себе черты того и другого.* Плеханов С. Охота за словом.

2. Высокоразвитые в экономическом отношении страны мира. *Я приветствую находящихся в этом зале представителей иной, капиталистической общественной системы — государств Северной Америки, Западной Европы, Дальнего Востока и других регионов, относящихся к той категории стран, которые на современном политическом языке принято обозначать словом Запад.* Горбачев М. Избранные речи и статьи. [В советск. время: противопоставление Запад—Восток отражало противостояние двух групп государств, двух так называемых экономических систем — капиталистической и социалистической.]

3. О чём-л., имеющем отношение к западной культуре, образу жизни. *Разг. — Не хотите ли приобрести билетки на эстрадное шоу в ресторан «Лидо»? Сам вчера смотрел и скажу вам: чистый Запад, и мы видим такое только в их фильмах.* АрдаMATский В. Туристская поездка в Англию.

— Ср. МАС-2: 2. (с прописной буквы). Западная Европа, страны Западной Европы.

☛ **Запа́дaть**, аю, аешь, ют. *Жарг.* Испытывать особое наслаждение от чего-л., любить кого-, что-л. очень сильно. *Некоторые, побывав на сборе раз или два, больше не приходили. Другие «западали» на необычайность обстановки, видя, как взрослые парни, собравшись вокруг восседающего на постаменте императора, коленапреклоненно его слушают.* Огонек, 1991. 23

— См.: Балдеть. Тащиться. Торчать.

➔ **За́падник**, а, м. Публ. Политик-реформатор, выступающий за сближение России с Западом (2 зн.) и перестройку российской экономики по западному образцу. *Если в 1991 году за Горбачевым хотя бы стоял Ельцин, то сегодня за Ельциным стоит пустота. На таком фоне вполне кстати... напомнить колеблющемуся между западниками и военнопромышленниками Ельцину, чем кончились сходные колебания Горбачева.* «Ъ», 08.06.92—15.06.92.

□ В слож. *То, что для Бондаренко есть благо — почвенничество, для Чуприна зло — самобытничество. А ситуация такова: демократы-западники воюют с реакционерами-почвенниками.* ЛГ, 18.04.90.

— Ср. МАС-2: сторонник западничества; западничество — общественное движение в России в 40—50-х годах 19 в., представители которого ... признавали, в отличие от славянофилов, западноевропейский, капиталистический путь развития приемлемым для России.

В приложении к словарю описаны слова, которые в современных текстах обычно даются латиницей (*CD, CD-ROM, DOS, Hard, IBM, Internet* и т.п.). Таким образом фиксируются недостаточно освоенные языком английские заимствования.

Описание процессов языковых изменений в лексике и фразеологии конца XX в. содержится и в «Толковом словаре современного русского языка конца XX века. Языковые изменения конца XX столетия» / ИЛИ РАН; Под ред. Г.Н. Складчиковой (М., 2001. 944 с.).

Он рассматривается составителями не как переиздание словаря 1998 г., а как новая версия. Работа пополнилась новыми словами и выражениями: *VIP, VIP-гость, VIP-сервер, VIP-персона, Soft* и под. Общее число описываемых единиц превышает 7 тысяч. Словарь более отчетливо выявляет проявившиеся в конце XX в. тенденции развития русской лексики.

Изменены также графические знаки. Словарь дает обширную и разнообразную информацию (не только лингвистическую, но и энциклопедическую) о явлениях, характерных для русской лексики конца XX в.

Приведем образцы словарных статей из «Толкового словаря русского языка конца XX века. Языковые изменения»:

▲ **Наши**, их, мн.

1. Разг. О жителях, гражданах России. *Наши за границей. Победа наших на международном чемпионате.* □ Вместо того, чтобы пытаться установить деловые и культурные связи с «нашими», российские государственные органы вспоминают о существовании российских немцев только в одном случае. Когда те приходят в посольство, чтобы заплатить Моск-

ве крупную сумму за отказ от российского гражданства. Эксперт, 1997, № 46.

2. Публ. О русских в противопоставление представителям других наций (в речи некоторых политических группировок националистического толка). Порой митинги делаются похожими на известную телеинсценировку, где возбудившийся репортер грозит пальцем окну, уверяя, что именно оттуда вот-вот начнут уничтожать «наших». Огонек, 1991, № 10. Есть в Петербурге-городе... телерадиокомпания «Петербург», где, распевая песенки и шевеля усами, сгрудились едва ли не все городские макабры от масс-медиа. Которые терпеть не могут «гнилую интеллигенцию», демократов, инородцев, масонов, Америку и вообще всех «не наших». Петербургский ЧП, 08.09.99—14.09.99. — В этом значении слово вошло в широкое употребление после репортажа под одноименным названием о действиях ОМОН в Вильнюсе во время событий 12—13 января 1991 года, который был показан в передаче «600 секунд» по Ленинградскому и Центральному телевидению.

♣ Ненаши.

Стоит отметить, что существует особый словарь, описывающий лексику, характерную для советского периода — это словарь В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина «Толковый словарь языка Совдепии» (СПб., 1998. 704 с.). Он также описывает некоторые инновации языка постсоветской России.

Следует отметить, что лексикографические работы рассмотренного выше типа перспективны и продуктивны. Лексика русского языка впервые на строго обоснованной научной основе анализируется в динамике своего развития.

4.3.6. Банк русских неологизмов

Наличие разнообразных словарей, многочисленных алфавитных списков неологизмов затрудняет обозрение всего массива инноваций русского языка. Поэтому Н.З. Котелова в начале 80-х годов предложила создать единый Банк русских неологизмов [Котелова 1983: 158—222]. Он должен «представить всю совокупность русских лексико-фразеологических инноваций в единой

обозримой форме — в виде словаря слов, собственно слов как таковых, без описания. Такой свод русских неологизмов позволит охватить и с разных сторон оценить новую лексику и фразеологию в целом, использовать статистический метод в работе с неологизмами разного типа, осуществить какие-либо классификации. Единое собрание неологизмов даст возможность увидеть не отдельные слова и выражения ... но сложившиеся микросистемы во всей совокупности — словообразовательные гнезда, типы, тематические серии и т.п.» [Котелова 1983: 158].

Опубликован Банк неологизмов, включающий около 15 тысяч единиц и отражающий инновации послевоенного времени: 1945—1980 гг., зарегистрированных по письменным источникам, прежде всего по словарям С.И. Ожегова, словарям новых слов и значений, «Новое в русской лексике», картотекам новых слов 60-, 70- и 80-х годов и некоторых кандидатских диссертаций.

Банк состоит из трех алфавитных индексов: I. Новые слова; II. Слова с новыми значениями; III. Новые сочетания слов. Словарные статьи из этих индексов выглядят следующим образом [Котелова 1983: 161, 204, 216]:

I. Новые слова

Авиахимплощадка

Авиахимработы

Авиахищничество

Авиационно-химический

АВМ (аппарат для витаминно-травяной муки)

Авралить

Аврально

Австрало-американский

Австро-советский

Автоавария

Автоазбука

Автоагрегатный

Автоатлас

II. Слова с новыми значениями

Автограф (о следах чьей-л. работы)

- Автомат (телефон с монетоприемником; кабина с таким телефоном)
Автоматчик (специалист по автоматике)
Автономист (сторонник автономии)
Автор (о том, кто придумал вещь, способ; кому принадлежит достижение)
Адаптация (привыкание, приспособление)

III. Новые сочетания слов

- Абонентский телеграф
Автобус дружбы
Автоматическая система аналитического контроля
Автоматический пастух
Автопоезд добрых услуг
Административная автономия
Административное правонарушение
Адреналиновая тоска
Адресовальная машина
Академический отпуск

4.3.7. Деривационные словари русских неологизмов

Словообразовательная характеристика современных русских неологизмов дается почти в каждом специализированном словаре инноваций. В последнее время стали появляться словари новообразований, дающие прежде всего словообразовательную характеристику нового слова.

К таким словарям относится словарь Л.А. Кудрявцевой «**Обратный деривационный словарь русских новообразований**» (Киев, 1993. 156 с.)

Источником «Обратного деривационного словаря русских новообразований» послужил словарь-справочник «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг.». Но в Обратный словарь (ОС) включены только словообразовательные инновации и не вошли лексические заимствования всех типов; семантические дериваты, семантические кальки; фразеологические и устойчивые словосочетания. Поэто-

му словники исходного и обратного словарей количественно различны.

Принцип расположения слов в обратных словарях — алфавитный порядок по концу слова. Материалы ОС представляют в большей своей части объединение слов в группы (списки) по одинаковым конечным формантам — флексиям и суффиксам. Поэтому из Обратного словаря можно почерпнуть сведения о распространенности тех или иных словообразовательных моделей. Материалы Обратного словаря неологизмов дают возможность не только выявить состав групп слов с определенным суффиксом, но и получить сведения об их количественном соотношении, т.е. о степени продуктивности тех или иных формантов. Например, определение числа фиксаций новых производных имен прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ск-* позволит сравнить степень продуктивности этих морфем в русском языке наших дней. Так, легко обнаружить, что в 70-е годы в русском языке появились слова со связанными опорными компонентами интернационального происхождения *-дром* и *-тека*: *лыжедром, вододром, роликодром, скалодром, трактородром, картодром; видеотека, изотека, дискотека, виотека, лентотека*. Обычные способы отыскания слов с подобными словообразовательными формантами требуют, как известно, больших усилий, обратный словарь позволяет получить такую информацию мгновенно.

Ориентация Обратного словаря деривационных неологизмов на изучение новых производных единиц обусловила расширение информативной стороны материала за счет указания на способ образования неологизмов, на производящие слова или сочетания слов, аффиксоиды, аффиксы, флексии — элементы, участвующие в образовании слова: *электронож — электр...+о+нож, глухолесье — глухой+о+лес+ J /e/, малоценка — малоценная вещь+к/a/*. При аббревиатурах указывают словосочетания или слова, подвергнутые сокращению, например: *физматшкола — физ/ико/-мат/ематическая/ школа*. Если слово образовано путем сложения, то это отмечается в справке, например: *одеяло-грелка — одеяло+грелка*; отмечаются случаи усечения производящего слова, например: *рац — рац/предложение*.

Примером словарных статей могут быть следующие (с. 54):

Общепольский		Обще+Польша+ск/ий/
Великоханьский		Великий+о+ханьский
Сверхжесткий		Сверх+жесткий
Сверхчуткий		Сверх+чуткий
Ультралевацкий		Ультра+левацкий и ультралевак + к/ий/
Острозыкий		Острый+о+язык+/ий/
Антигелий		Анти+гелий
Каланий		Калан+ий
Нижесредний		Ниже+средний
Ежеутренний		Еже...+утро+енн/ий/
Раннеосенний		Ранний+е+осенний
Несегодняшний		Не+сегодняшний

Лексикографическое представление о существительных с суффиксом *-к(а)*, появившихся в русском языке с 1960-го по 1999 г. включительно и по большей части не отраженных в имеющихся лексикографических изданиях, дает толковый словарь-справочник «**Новые слова в русском языке**» Л.И. Осиновой (2000). Слово в словарной статье сопровождается словообразовательной справкой.

В кандидатской диссертации М.Н. Золотаревой, выполненной под руководством автора этого пособия — Т.В. Поповой, принята попытка составить «**Словообразовательный словарь русских неологизмов**» с глагольными корнями.

Потребность в таком словаре весьма ощутима, поскольку современные новообразования появляются, как правило, не по одному, а целыми словообразовательными гнездами. Это предполагает необходимость уяснения места неологизмов среди однокоренных лексем в системе деривационно-корневых гнезд русского языка, которые представлены в «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова. Такая необходимость обусловлена тем, что русский язык принадлежит к высокомотивированным языкам мира, в которых преобладают производные слова. Поэтому основной способ создания неологизмов — словообразовательный.

Все вышесказанное позволяет предположить, что одной из задач современного словообразования является создание «Дери-

вационно-гнездового словаря современных неологизмов» [Попова, 1996], который должен состоять из трех частей: первый раздел — это система деривационно-корневых СГ, второй — система деривационно-аффиксальных СГ (словообразовательные типы, модели, по которым создаются неологизмы), третий — совокупность неологизмов, зафиксированных впервые, с толкованием их лексических значений и речениями, иллюстрирующими их употребление.

Деривационный словарь неологизмов не может ограничиться только словообразовательной характеристикой инноваций, поскольку она будет недостаточной для человека, впервые встретившегося с неолексемой в данном справочном пособии. Поэтому в третьей части словаря предполагается осуществить семантизацию (хотя бы схематичную, на уровне только словообразовательного значения) тех неолексем, которые пока еще не были описаны ни в одном словаре русского языка, и проиллюстрировать их употребление цитатами из текстов, в которых данные единицы встретились впервые. Неолексемы, описанные ранее в уже опубликованных словарях неологизмов, могут быть приведены списком с отсылкой к соответствующему справочному пособию.

Примером словообразовательных гнезд с неологизмами могут быть следующие:

- 1) агитировать → агитация → агитационный → *агитавтобус*¹¹
агитперелет
агитплакат
агиттеатр;
- 2) вибрировать → вибрация → *виброгрохот*
виброзащита
виброизолятор
вибропитатель;
- 3) организовать → организация → организационный → *оргдела*
орготбор.

Можно выделить структурные типы пополнения гнезд неологизмами: 1) элементарное — одним словом; 2) по типу словообразовательной пары; 3) по типу словообразовательной цепоч-

¹¹ Неологизмы выделены курсивом.

ки; 4) по типу парадигмы (вверные структуры); 5) пополнение по типу комплексной структуры (сочетание перечисленных выше типов структур в различных комбинациях).

Тип элементарного пополнения имеют СГ, содержащие один неологизм, например: бормотать → *добормотывать*; брести → бродить → бродяга → бродяжничать → бродяжничество → *автобродяжничество*.

По типу словообразовательной пары пополнилось СГ, возглавляемое глаголом: ковырять → *всковырять* → *всковырнуть*.

Часто СГ пополняются новообразованиями по типу словообразовательной парадигмы, например:

экспортировать → экспорт → *нефтеэкспорт*
пилоэкспорт;
пробовать → проба → *видеопроба*
звукопроба.

Самая большая часть СГ имеет пятый тип пополнения, при котором неологизмы могут присоединяться к узуальным производящим по перечисленным четырем типам в различных вариантах. Так, СГ, возглавляемое глаголом *развлечь*, пополнилось двумя парадигмами:

развлечь → развлекать → развлекательный →
→ *лирико-развлекательный*
→ *мелкоразвлекательный*
→ *псевдоразвлекательный*
→ *развлекательно-иллюзионный*
→ *развлекательно-обучающий*
→ *торгово-развлекательный*
→ *развелекаловка*
→ *развелекалочка*
→ *развелекуха*;
→ развлечение → *развелеченский*
→ *зрелище-развлечение*.

СГ глагола *бороться* содержит два пополнения элементарного типа и три парадигмального.

- Бороться → борьба → *борьба-соревнование* (85)
 → борец → *ученый-борец* (88)
 → *экс-борец* (95)
 → *борисоборчество* (90)
 → *компьютерборец* (86)
 → *креслоборец* (86)
 → *правдоборец* (80)
 → *псевдоборец* (87)
 → *самоборение* (88)
 → *собакоборческий* (82)
 → многоборье → многоборец → *автомногоборец* (79)
 → *конькобежец-многоборец*
 → троеборье → *троеборный* (88).

Таким образом, большинство проанализированных отглагольных УСГ имеют комплексный тип присоединения неологизмов.

Предлагаемый деривационно-гнездовой словарь не только даст новое описание неологизмов, но и позволит выделить те ключевые элементы менталитета современного человека, которые актуализированы словообразовательными средствами русского языка, опосредованно отражены в деривационной семантике новообразований, системе их СГ.

4.3.8. Словари авторских новообразований

Индивидуально-авторские слова, или окказионализмы, — чрезвычайно богатый материал для специалиста по неологии. Авторские новообразования изучаются постоянно, но прежде всего в описательном и теоретическом аспектах, и значительно в меньшей степени подвергаются лексикографированию. В настоящее время коллектив авторов, сотрудников МГУ им. М.В. Ломоносова, составляет сводный словарь неологизмов русского авангарда. В рамках этой задачи Н.Н. Перцовой издан «**Словарь неологизмов Велимира Хлебникова**» [Париж, 1995] и подготовлен к печати Словарь неологизмов В. Хлебникова по рукописям поэта; М.И. Воронцовой ведется работа над текстами С. Городецкого; другие занимаются словотворчеством А. Белого.

Андрей Белый очень широко и разнообразно использовал в своих произведениях возможности русского словообразования. Однако до сих пор его неологизмы нельзя считать ни полностью собранными, ни полностью систематизированными. Самым продуктивным способом словообразования в обработанном корпусе слов у А. Белого является словосложение и самый большой процент среди них прилагательных (46% всех неологизмов), например: *утонченно-никчемный, оливковолицый, восхищенно-разгромленный, свежепринесенный, тонко-дубовый, червонно-сонный, тяжкокаменный, душемутительный, винно-золотой*. На втором месте — суффиксация, наиболее характерная для имен существительных (30%): *смертьныш, морщок, мертвизна, духиня, кровопивчик, умиритель*. На третьем месте — конверсия: *жундеть, зезенькать, сап, прожар, раздав*; на четвертом — префиксация, наиболее характерная для глаголов (25%): *пробагроветь, взбагрить, закровавиться, покровавить, смертветь, прошмякать, отшмякать, пришмякать, перешмякать, ушмякать*. Таким образом, среди неологизмов А. Белого преобладают имена, и в особенности прилагательные; среди неологизмов Хлебникова, приведенных в словаре Н.Н. Перцовой, — имена существительные (*бывь, краснила, любира, окопад, противособытие*); среди неологизмов В. Маяковского — глаголы (*выстеклиться, испавлиниться, пещерить, разабрикосить, тиниться, щелиться*) [Humetsky 1966].

Словарная статья словаря А. Белого и аналогичных ему автором состоит из следующих рубрик:

1. Заглавное слово.
 2. Возможные варианты словарного вида слова, напр. *бледнокаменный* и *бледно-каменный; черно-эmaleвый* и *черноэmaleвый; дикорадостно* и *дико-радостно*.
 3. Ударение.
 4. Адреса словоупотреблений в произведениях А. Белого.
 5. Дата создания слова указывается по времени написания произведения.
 6. Часть речи.
 7. Мотивирующее слово (или несколько таких слов) дается после пометы «МС»: *смертьныш* МС: смерть; *духиня* МС: дух.
- Основы сложного слова приводятся через точку с запятой *лег-*

кохрустный МС: легкий; хруст; *уточненно-бледный* МС: тонкий; бледный.

8. Словообразование: указываются способы образования неологизмов (ОС).
9. Ассоциации, связанные со словом, даются с пометой «АС:». В эту зону попадают сведения, которым не нашлось места в обязательных зонах словаря: *деритон* /3/[СЛМ НВ 23]; 1922—1932: С <мн> МС: *драть*; *баритон*; СО: кнт; АС: *драть глотку*; ♦ *..он наревывал деритоном собственные арии на собственные стихи*.
10. Пример(ы) употребления слова в текстах у А. Белого. Эта рубрика отделяется от предыдущих знаком «□».

Приведем пример фрагмента словаря:

Гортанно-приязненно / (2), 5/ [СЛМ НВ 175]; 1922—1932; Н; МС: гортанный, (не)приязнь; СО: слс; Он, выпрямься и наставляясь ноздрею, обдумывал, видно ответ; с пыхом выдохнул, пробворкатавши гортанно-приязненно.

Деритон /3/[СЛМ НВ 23]; 1922—1932; С <мн> МС: *драть*; *баритон*; СО: кнт; АС: *драть глотку*; Он наревывал деритоном собственные арии на собственные стихи.

Духиня /2/ [СС СГ 35]; 1908; С <жо> МС: дух; СО: сф; У нея спроси, она у меня духиня.

Жундеть /2/ [СЛМ НВ 104, 107, 110]; 1922—1932; Г; МС: гундеть, жужжать; СО: кнт; АС: звукоподражательное междометие (жужжание); Часами жундеть, наставляя премудрости.

Награнивать /2/ [СЛМ НВ 208]; 1932; Г; МС: грань; СО: сф-пф; АС: проводить грань; — Я, Боренька, не понимаю, собственно говоря, — почему, — произнес он со страхом; и тут же себя оборвал и награнивал по столу пальцами:

— Да-с... Писатель... Пишет... Ох-хо-о... — И пошел от меня.

Староколенный / (1), 4/ [СЛМ НВ 113]; 1932; П МС: старый, колено; СО: слс-сф; АС: Кривоколенный, Кривоарбатский, Староколенный переулки; старый житель Арбата; И староколенный арбатец, идя мимо, шепчет молитву «Арбатскую может быть?»

Царедворчество /3/ [СЛМ НВ 217]; 1932; С <сн>; МС: царь, двор, творчество; СО: слс; АС: творение царского двора; И, забывши о том, что я невзрачный студент, подхожу к кругло выточенному «царедворчеству» Е.

4.3.9. Словари детских новообразований

К словарям авторских новообразований примыкают словари, отражающие детские словообразовательные инновации. Обычно новые детские слова-дериваты не отделяются от других инноваций ребенка (переосмысленных слов, неправильных грамматических форм и т.п.), но обязательно фиксируются в словарях. Так, в «Словаре современного детского языка» В.К. Харченко (В 2 т. Белгород, 2002) описаны 8263 детских новообразования. Значительную часть среди них занимают словообразовательные неологизмы, фиксация которых предполагает не только приведение предложения-иллюстрации их употребления детьми, но и элементарную словообразовательную характеристику, например, отсылку к производящему слову (см., напр., приведенные ниже словарные статьи).

Парикмахерка. Женск. к «парикмахер» [д., 4 г.].

Паринка. Частица пара. Размышляет, как работают батареи, используют ли они влагу воздуха. — Вот идет паринка. — Какая? — Ну одна молекула воды [м., 9 л. 6 м.].

Партниха. Женск. к «партнер». — Ты со Стасюшей будешь ходить на танцы. Ты будешь партнером Стаса. — Мама, я же не мальчик! Какой я партнер! Я партниха! [д., 5 л. 7 м.].

Парусатый. Парусный. Отец рисует кораблик. — Ну что ты мне рисуешь пароход! Я же просил парусатый корабль! [м., 4 г.].

Пастяной. Шариковый. О ручке. — Смотри, как у меня пастяная ручка пишет [м., 4 г. 1 м.].

Патиссоник. Маленький патиссон, патиссончик. Отец жарит кабачки. — Мама, я так волнуюсь, что папа не даст патиссоников! [д., 5 л. 6 м.].

Патроновый. Цвета патронов, оттенок серого цвета. — Давай купим ту книжку патронового цвета [м., 6 л. 1 м.].

Паукоглот. — Поня, не ешь паука, а то кошки знакомые скажут, что это не котя, а паукоглот какой-то [м., 8 л. 3 м.].

Пауктина. Паутина. — Там пауктина... [м., 5 л. 1 м.].

Таким образом, с выходом в свет в 70–90-е годы XX в. неологических словарей русского языка и выпусков «Новое в русской лексике» стало возможным говорить о становлении русской нео-

логической лексикографии, которая от описания языковых новаций в общих словарях пришла к созданию специальных словарей неологизмов, несомненно являющихся оптимальным способом описания новой лексики.

В настоящее время современная русская неография представлена словарями новых слов четырех типов, каждый из которых имеет свою специфику.

- I. «Хронологические» словари неологизмов, описывающие неологизмы определенного исторического периода в их статике:
 - а) словари, фиксирующие новую лексику и фразеологию литературного языка одного десятилетия (НСЗ 60-х, НСЗ 70-х, НСЗ 80-х годов XX в. и т.д.);
 - б) «Словарь новых слов русского языка», зарегистрировавший новые слова, значения слов и выражения 50–80-х годов XX в.;
 - в) словарные бюллетени «Новое в русской лексике (с 1977 по 1990 г.)», представляющие объективную и полную картину языковой жизни новинок одного года.
- II. «Динамические» словари неологизмов, описывающие динамические процессы в современной русской лексике.
- III. Аспектные словари неологизмов, описывающие инновации определенного типа:
 - а) словари окказионализмов, отражающие индивидуально-авторские новообразования (окказионализмы);
 - б) словари, фиксирующие детские новообразования;
 - в) словари, описывающие деривационные особенности новообразований и т.п.
- IV. Сводные словари неологизмов (картотеки, банки данных, компьютерные базы данных).

Дифференциальный характер таких словарей, новизна и значительный объем представленного в них материала обусловили высокую степень их содержательности. Являясь историческими изданиями, регистрирующими приращение новых слов и выражений, изменение их значений в определенный период, словари новых слов всех типов служат важными свидетельствами развития языка и общества.

Вопросы и задания

- Составьте выводы к каждому параграфу и главе в целом.
- Что такое неография?
- Назовите основные этапы развития русской неографии и охарактеризуйте их.
- Когда появились собственно неологические словари русского языка?
- На каких принципах основана типология неологических словарей русского языка, предложенная А.А. Брагиной? Охарактеризуйте выделенные ею типы словарей.
- На каких принципах основана типология неологических словарей русского языка, предложенная Н.З. Котеловой? Охарактеризуйте выделенные ею типы словарей.
- Назовите имена основоположников русской неографии, авторов современных словарей русских неологизмов.
- Каково соотношение толковых словарей и словарей неологизмов русского языка?
- Какие типы новообразований отражены в словарях языковых изменений (деривационных неогенных) словарях языка писателей?

Библиография

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Брагина А.А.* Неологизмы в русском языке: Пособие для студентов и учителей. — М., 1973.
- Валгина Н.С.* Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов. — М., 2001. С. 75—154.
- Козырев В.А., Черняк В.Д.* Русская лексикография. — М., 2004. С. 69—83.
- Котелова Н.З.* Предисловие // Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов / Под ред. Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина. — М., 1971. С. 5—15.
- Лопатин В.В.* Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. — М., 1973.
- Львов А.Г.* Современная русская лексикология. Русское окказиональное слово: Учебн. пособие для филол. факультетов ун-тов. — М., 1976.
- Максимов В.И.* Новая фразеология и ее использование // В.И. Максимов. Русский язык и культура речи. — М., 2000. С. 308—323.
- Тогова С.И.* Новое слово: подходы и проблемы // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека: Коллект. монография / Под общ. ред. А.А. Залевской. — Тверь, 1999. С. 75—101.
- Улуханов И.С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. — М., 1996.
- Цейтлин С.Н.* Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. — М., 2000.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Алаторцева С.И.* Ежегодники серии «Новое в русской лексике как жанр неографии» // Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии. — М., 1988. С. 8—9.
- Алаторцева С.И.* Словари новых слов // История русской лексикографии / Отв. ред. Ф.П. Сорокалетов. — СПб., 1998. С. 485—503.
- Александрова О.И.* Окказиональные безаффиксные существительные женского рода в поэтических произведениях начала XX века: Краткий анализ и материалы для словаря // Учен. зап. Арзамас. пед. ин-та. Сер. филол. наук. — Горький, 1969.
- Александрова О.И.* Неологизмы и окказионализмы // Вопросы современного русского словообразования, лексики и стилистики: Науч. тр. Куйбышев. гос. пед. ин-та. — Куйбышев, 1974. Т. 145.
- Аржанов А.А.* Закон есть закон // Журналист, 1968. № 3.
- Ашукина М.Г.* Навстречу новому академическому словарю // Современная русская лексикография. 1976. — Л., 1977.
- Бабенко Н.Г.* Окказиональное в художественном тексте. Структурно-семантический анализ: Учебное пособие / Калинингр. ун-т. — Калининград, 1997.

- Бакина М.А.* Окказиональные слова, мотивированные прилагательными, в современной поэзии // Слово в русской советской поэзии. — М., 1975.
- Бенковичова Я.* Инновации в современной русской и словацкой лексике // Pôgovnávaci opis statiky a dynamiky súčasného guského jasyka z teoretického hľadiska. Bratislava, 1998. S. 43—49. 1988.
- Брагина А.А.* Рецензия на «Новое в русской лексике. Словарные материалы 1988» / Под ред. Е.А. Левашова. РАН, Институт лингвистических исследований. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 420 с. // НДВШ. Филологические науки. — М., 1997. № 2. С. 111—115.
- Васильев А.Д.* Слово в российском телеэфире. — М., 2003.
- Винокур Г.О.* Маяковский — новатор языка. — М., 1943.
- Винокур Г.О.* Форма слова и части речи в русском языке // Г.О. Винокур. Избранные работы по русскому языку. — М., 1959.
- Виноградов В.В.* Толковые словари русского языка // Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М., 1977. С. 218.
- Габинская О.А.* О понятии новизны лексической единицы в ономаσιологическом исследовании // Закономерности словопроизводственного процесса в ономаσιологическом аспекте. — Курск, 1980. С. 16—24.
- Габинская О.А.* Типология причин словотворчества. — Воронеж, 1981.
- Габинская О.А.* Причины современного русского словотворчества: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. — Л., 1985.
- Гак В.Г.* О современной французской неологии // Новые слова и словари новых слов. — Л., 1978. С. 6—9.
- Гак В.Г.* Новое в русской лексике. Словарные материалы-77. Словарные материалы-78. Рец. // ВЯ. 1982. № 3. С. 125.
- Головин Б.Н.* Общее языкознание. — М., 1966.
- Гридина Т.А.* Онтолингвистика: Учебное пособие. — Екатеринбург, 2003.
- Динамическая структура современного русского языка. — Л., 1982.
- Дубичинский В.В., Самойлов А.Н.* Словари русского языка: Учебное пособие. — Харьков, 2000.
- Дуличенко А.Д.* Русский язык XX столетия. — München. 1994.
- Журавлев Г.Е.* Структура эксперимента по вероятностному прогнозированию // Вероятностное прогнозирование в деятельности человека. — М., 1977. С. 23—25.
- Журавлев А.Ф.* Технические возможности русского языка / Способы номинации в современном русском языке. — М., 1982. С. 45—108.
- Зайковская Т.В.* Пути пополнения лексического состава современного молодежного жаргона: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / РАН. Ин-т русского языка. — М., 1993.
- Залеская А.А.* Проблемы организации внутреннего лексикона человека. — Калинин, 1977.

- Залевская А.А.* Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. — Воронеж, 1990.
- Залевская А.А.* Некоторые актуальные направления психолингвистического исследования лексики // Проблемы семантики: психолингвистические исследования. — Тверь, 1991. С. 5—17.
- Залевская А.А.* Особенности слова как единицы индивидуального лексикона // *Leksyka w komunikacji językowej.* — Gdansk, 1998. S. 206—207.
- Земская Е.А.* Окказиональные и потенциальные слова в русском словообразовании // Актуальные проблемы русского словообразования. — Самарканд, 1972. Ч. 1.
- Земская Е.А.* Современный русский язык. Словообразование. — М., 1973.
- Земская Е.А.* Словообразование // Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. — М., 1981. С. 133—239.
- Земская Е.А.* Словообразование как деятельность. — М., 1992.
- Земская Е.А.* Язык как зеркало современности (словообразовательные заметки) // Филологический сборник (К 100-летию со дня рождения акад. В.В. Виноградова). — М., 1995. С. 154—162.
- Земская Е.А.* Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия. — М., 1996.
- Изотов В.П.* Параметры описания системы способов словообразования (на материале окказиональной лексики русского языка): Дис. ... д-ра филол. наук / В.П. Изотов. — Орел, 1998.
- Инновации на разных языковых уровнях: Сб. научн. тр. — Рига, 1975.
- Инновации на разных языковых уровнях: Сб. научн. тр. — Рига, 1978.
- История русской лексикографии / Отв. ред. Ф.П. Сорокалетов. — СПб., 1998.
- Калинин А.В.* Лексика русского языка / А.В. Калинин. — М., 1966.
- Калниязов М.У.* Окказиональные существительные, созданные с нарушением законов словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования: Учен. зап. Ташкент, пед. ин-та. — Ташкент, 1975. Вып. 143. Ч. 1.
- Калниязов М.У.* Окказиональные слова, созданные по конкретному образцу (на материале периодики 70-х годов) // Вопросы стилистики. — Саратов, 1976. Вып. 11.
- Караулов Ю.Н.* Состояние русского языка современности. — М., 1991.
- Караулов Ю.Н.* О русском языке зарубежья // Вопросы языкознания. — М., 1992. № 6.
- Карцевский С.О.* Об асимметричном дуализме лингвистического знака // История языкознания XIX—XX веков в очерках и извлечениях / В.А. Звегинцев. — М., 1965. Ч. 2.
- Колесов В.В.* Русская речь: Вчера. Сегодня. Завтра. — СПб., 1998.
- Колесов В.В.* «Жизнь происходит от слова...» — СПб., 1999.
- Коллеж Н.Г.* Десять тысяч русских неологизмов от «оттепели» до «перестройки» (Рецензия на Словарь новых слов русского языка (середина 50-х—середина 80-х годов). Под ред. Н.З. Котеловой. СПб., 1995. 877 с.) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1996, № 4. С. 168—171.

- Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. — СПб., 1999.
- Костюков В.М.* Об одной разновидности индивидуально-авторских слов Русский язык в школе. — 1986. № 4. С. 93—97.
- Котелова Н.З.* Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. — Л., 1978. С. 8—9.
- Котелова Н.З.* Предисловие к первому выпуску из серии «Новое в русской лексике» // Словарные материалы-77. — М., 1980.
- Котелова Н.З.* Проект словаря новых слов. — Л., 1982.
- Котелова Н.З.* Теоретические аспекты лексикографического описания неологизмов // Советская лексикография. — М., 1988. С. 46—63.
- Кравченко А.В.* Язык и восприятие: когнитивные аспекты языковой категоризации. — Иркутск, 1996.
- Крысин Л.П.* Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. — М., 1989.
- Кудрявцева Л.А.* Обратный деривационный словарь русских новообразований. — Киев, 1993.
- Курицын В.* Русский литературный постмодернизм. — М., 2000.
- Ларионова Е.В.* Новейшие англицизмы в современном русском языке (на материале общественно-экономической лексики): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1993.
- Левашов Е.А.* Словари новых слов (краткий обзор) // Новые слова и словари новых слов. — Л., 1978. С. 27—36.
- Левашов Е.А.* Новое в отгопонимическом словопроизводстве // Новые слова и словари новых слов. — Л., 1990. С. 72—85.
- Липовецкий М.Н.* Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. — Екатеринбург, 1997.
- Лопатин В.В.* Аффиксоид // Русский язык: Энциклопедия. — М., 1997.
- Лыков А.Г.* Русское окказиональное слово в аспекте теории и методики // Лексикология. Тезисы 2-й межвузовской конференции. — М., 1990. С. 76—80.
- Малеева М.С.* Лексическая и синтаксическая объективация знания в словообразовательном контексте. — Воронеж, 1983.
- Миськевич Г.И.* Новые слова, их принятие и нормативная оценка (проблема новых слов в культурно-речевом аспекте) // Актуальные проблемы культуры речи. — М., 1970. С. 243—272.
- Михайлов М.А.* Речевая номинация и выделимость морфем. — Красноярск, 1989.
- Мусаев Али Меджид-оглы.* Устойчивость языковой системы и развитие языка (на материале лексики французского языка 1900—1985 гг.): Автореф. ... д-ра филол. наук. — Баку, 1989.
- Намитокова Р.Ю.* Авторские новообразования: словообразовательный аспект. — Ростов-на-Дону, 1986.

- Намитоква Р.Ю.* Окказиональная ономастика и ономастические окказионализмы // Эволюция семантических и функциональных свойств русской лексики. — М., 1987. С. 119—128.
- Намитоква Р.Ю.* Авторские новообразования: структура и функционирование (на материале современной русской поэзии): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — М., 1989.
- Немзер А.* Литературное сегодня. О русской прозе 90-х. — М., 1998.
- Немзер А.* Немзерески. — Режим доступа: [<http://www.ruthenia.ru/nemzer.html>. 2001].
- Немченко В.Н.* Современный русский язык. Морфемика и словообразование. — Нижний Новгород, 1994.
- Нефляшева И.А.* Новообразования в газетно-публицистическом стиле: Системно-функциональный анализ (на материале 1991—1997 гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Майкоп, 1998.
- Никитина Л.К.* Окказиональные слова и способы их образования (на материале современной поэтической речи) // Актуальные проблемы русского словообразования. — Самарканд, 1972. Ч. 1.
- Никитченко Н.С.* Семантические неологизмы русского языка последних десятилетий (на материале словарей новых слов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1985.
- Николина Н.А.* Семантика и структура контаминированных образований // Семантика языковых единиц: Материалы 3-й межвузовской научно-исследовательской конференции. Ч. II. — М., 1993. С. 102—107.
- Николина Н.А.* От морфемы к слову // Языковая деятельность: переходность и синкретизм: Сборник статей научно-методического семинара «TEXTUS». Вып. 7. — М.; Ставрополь, 2001. С. 54—58.
- Николина Н.А.* Новые тенденции в современном русском словотворчестве // Русский язык. Сегодня. Вып. 2. Сб. статей. / РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Л.П. Крысин. — М., 2003. С. 376—387.
- Новые слова и словари новых слов / Под ред. Н.З. Котеловой. — Л., 1978.
- Перцова Н.Н.* Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. — Wien; Moskau, 1995.
- Плотникова Л.И.* Процесс узуализации новообразований: причины и условия // Русский язык: Исторические судьбы и современность: Междунар. конгресс исследователей русского языка. М., МГУ. 13—16 марта 2001 г. Труды и материалы. — М., 2001. С. 196.
- Позднякова Е.М.* Функционирование словопроизводственной модели: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж, 1987.
- Позднякова Е.М.* Nomina agentis: неологизмы в коммуникации (когнитивный аспект) // *Leksyka w komunikacji językowej*. — Gdansk, 1998. S. 150—151.
- Попова Т.В.* О деривационном потенциале ключевых слов перестройки // Функциональная семантика слова. — Екатеринбург, 1994. С. 45—51.

- Попова Т.В.* Деривационная семантика детских глагольных новообразований // Язык. Система. Личность. — Екатеринбург, 2000. С. 231—238.
- Попова Т.В.* Толерантность русского словообразования (на материале новообразований конца XX века) // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллектив: Монография. — Екатеринбург, 2003. С. 134—154.
- Поповцева Т.Н.* Относительные неологизмы // Новые слова и словари новых слов. — Л., 1990. С. 90—95.
- Развитие словообразования современного русского языка. — М., 1966.
- Рацибурская Л.В.* Окациональное слово и словообразовательная система // Соотношение системности языка и его функционирования: Межвузовский сборник научных трудов. — Нижний Новгород, 1992. С. 32—43.
- Реформатский А.А.* Введение в языковедение. — М., 1967.
- Русская грамматика.* Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Под ред. Н.Ю. Шведовой, Н.Д. Арутюновой и др. — М., 1980.
- Русский язык конца XX столетия (1985—1995). — М., 1996.
- Русский язык сегодня. Вып. 1. Сб. статей. / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Л.П. Крысин. — М., 2000.
- Русский язык сегодня. Вып. 2. Сб. статей. / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Л.П. Крысин. — М., 2003.
- Савельева Л.В.* Языковая экология. Русское слово в культурно-историческом освещении. — Петрозаводск, 1997.
- Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. — М., 1999. С. 143—178.
- Сахарный Л.В.* К тайнам мысли и слова. — М., 1983.
- Семенец Е.А.* Семантические окационализмы как системно-функциональное явление русской лексики (на материале художественных и публицистических произведений 1980-х годов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1992.
- Сенько Е.В.* Новое в лексике современного русского литературного языка (70-е годы XX века): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1980.
- Сенько Е.В.* Инновации в современном русском языке. — Владикавказ, 1994.
- Скоропанова И.С.* Русская постмодернистская литература. Изд. 2-е, испр. — М., 2000.
- Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. — М., 2003.
- Сорокалетов Ф.П.* Традиции русской советской лексикографии // Вопросы языкознания. 1978. № 3. С. 37—38.
- Сухоплещенко Ю.Ф.* Когнитивная структура прагматически ориентированных лексических новообразований (на материале британской прессы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1995.
- Тогова С.И.* Современная лексикография и новые единицы номинации: Монография. — Тверь, 2000.
- Торопцев И.С.* Лексическая мотивированность (на материале современного русского литературного языка) // Учен. зап. Орловского пед. ин-та. Ист.-фил. фак. Т. 22. — Орел, 1964.

- Торопцев И.С.* Словопроизводственная модель. — Воронеж, 1980.
- Тулицын В.* Коммунальный (пост)модернизм: русское искусство во второй половине 20-го века. — М., 1998.
- Улуханов И.С.* Словообразование путем замены морфем // Русская речь. 1974. № 5.
- Фельдман Н.И.* Окказиональные слова и лексикография // Вопросы языкознания. 1957. № 4.
- Ханпира Э.И.* Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании // Развитие словообразования современного русского языка. — М., 1966.
- Ханпира Э.И.* Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования. — М., 1972. С. 245—317.
- Химик В.В.* Поэтика низкого, или просторечие как культурный феномен. — СПб., 2000.
- Хохлачева В.Н.* Индивидуальное словообразование в русском литературном языке XIX века // Материалы по истории русского литературного языка. — М., 1959.
- Чигондзе К.З.* Постижение значения незнакомого слова посредством контекста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Тбилиси, 1990.
- Шанский Н.М.* Очерки по русскому словообразованию. — М., 1968.
- Шапошников В.Н.* Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. — М., 1998.
- Шерба Л.В.* О словарях живого литературного языка // Современная русская лексикография. — М., 1966. С. 75.
- Шимчук Э.Г.* Русская лексикография: Учебное пособие. — М., 2003.
- Шмелева Т.В.* Ключевые слова текущего момента // Collegium. — Киев, 1993. № 1.
- Эпштейн М.* Постмодерн в России. Литература и теория. — М., 2000.
- Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. Яцева В.Н. — М., 1998.
- Янко-Триницкая Н.А.* Продуктивные способы и образцы окказионального словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования. Учен. зап. Ташкент. пед. ин-та. — Ташкент, 1975. Вып. 143. С. 413—418.
- Янко-Триницкая Н.А.* Словообразование в современном русском языке / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. — М., 2001.

СЛОВАРИ

- Кудрявцева Л.А.* Обратный деривационный словарь русских новообразований. — Киев, 1993.
- Максимов В.И.* и др. Словарь перестройки. СПб., 1992.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы-77 / Под ред. Н.З. Котеловой (по 1984 г. включительно). М., 1980.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы-78. М., 1981.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы-80. М., 1984.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы-81. М., 1986.

- Новое в русской лексике. Словарные материалы-82. М., 1986.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы-83. М., 1987.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы-84. М., 1989.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы-85 / Ред. Ю.Ф. Денисенко.
Под общей ред. Н.З. Котеловой. СПб., 1996.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы-87 / Ред. Ю.Ф. Денисенко.
Под общей ред. Н.З. Котеловой. СПб., 1996.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы-88 / Ред. Е.А. Левашов. СПб.,
1996.
- Новое в русской лексике. Словарные материалы-89 / Ред. С.И. Алаторцева,
Т.Н. Буцева. Под общей ред. Н.З. Котеловой. СПб., 1996.
- Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и лите-
ратуры 70-х годов. — М., 1984.
- Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и лите-
ратуры 60-х годов. — М., 1971.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка. — М., 1984.
- Перцова Н.Н.* Словарь неологизмов Велимира Хлебникова. Wien; Moskau, 1995.
- Словарь новых слов русского языка (середина 50-х—середина 80-х годов) //
Под ред. Н.З. Котеловой. — СПб., 1995.
- Словарь русского языка, составленный вторым отделением Императорской
Академии наук / Под ред. Я.К. Грота. Т. I, А-Д. — СПб., 1895.
- Словарь русского языка: В 4 т. /АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгень-
евой. — М., 1981—1984.
- Толковый словарь современного русского языка конца XX века. Языковые
изменения конца XX столетия / ИЛИ РАН; Под ред. Г.Н. Складневской. —
М., 2001.
- Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под
ред. Г.Н. Складневской — СПб., 1998.
- Харченко В.К.* Словарь современного детского языка: В 2 т. — Белгород, 2002.

Учебное издание

**Татьяна Витальевна Попова
Лариса Викторовна Рацибурская
Дмитрий Валерьевич Гугунава**

**НЕОЛОГИЯ И НЕОГРАФИЯ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА**

Учебное пособие

Подписано в печать 30.10.2011.
Электронное издание для распространения через Интернет.